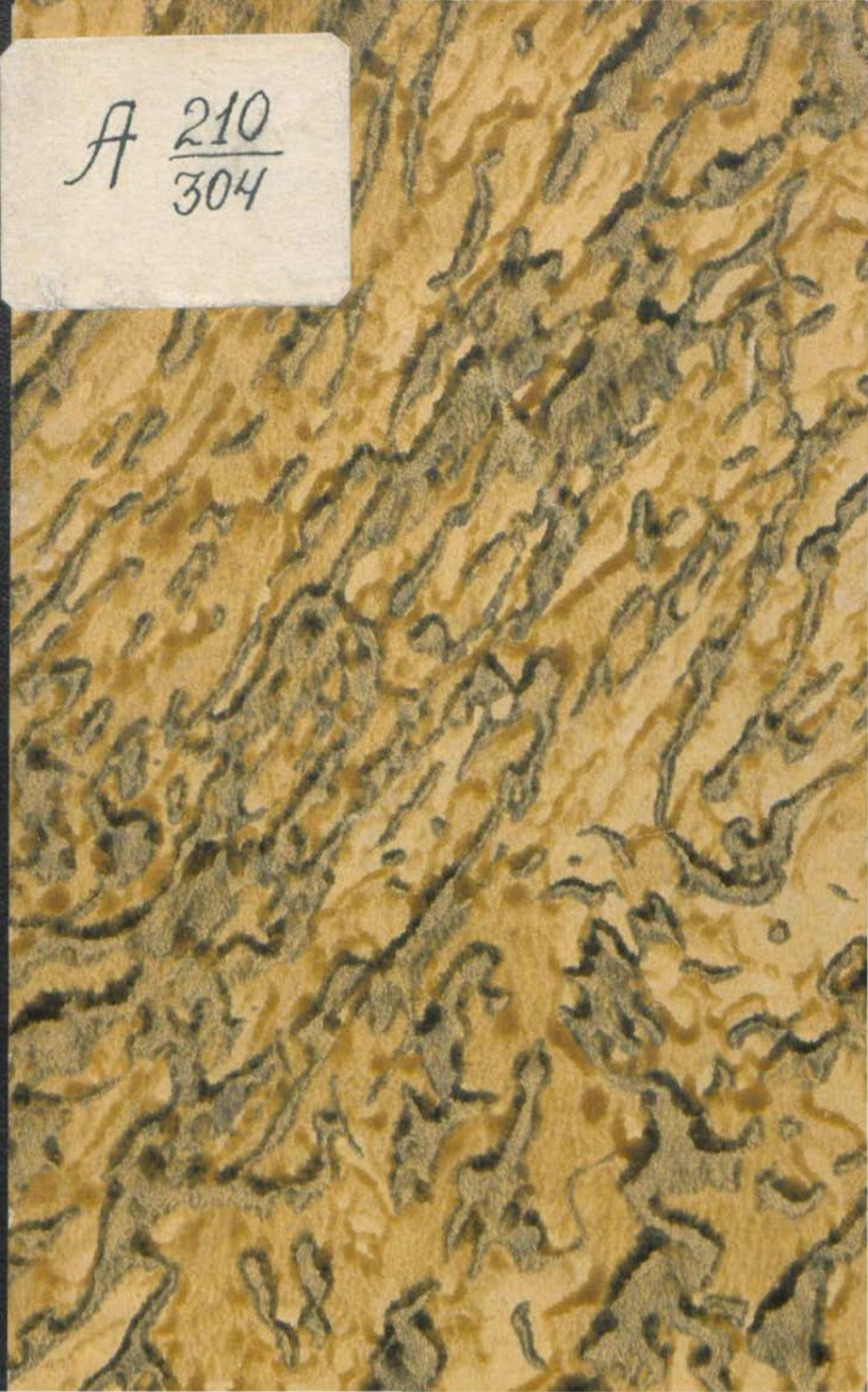

A $\frac{210}{304}$

Д 210
304
А. Сталь.

ПЕРЕЖИТОЕ и ПЕРЕДУМАННОЕ

СТУДЕНТОМЪ,

ВРАЧЕМЪ И

ПРОФЕССОРОМЪ.

(БЫЛЬ).

КНИГА ПЕРВАЯ—СТУДЕНЧЕСТВО.

«Какъ мало прожито,
и какъ много пережито!»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

Издание В. С. ЭТТИНГЕРА.

А 210
304.

А. Сталь.

ПЕРЕЖИТОЕ и ПЕРЕДУМАННОЕ

СТУДЕНТОМЪ,

ВРАЧЕМЪ И

ПРОФЕССОРОМЪ.

(БЫЛЬ).

КНИГА ПЕРВАЯ—СТУДЕНЧЕСТВО.

«Какъ мало прожито,
и какъ много пережито!».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

Издание В. С. ЭТТИНГЕРА.

2011136951

Типографія журн. «Практич. Мед.» (В. С. Эттингеръ), ул. Жуковского, 13.

Содержаніе книги:

Глава I. Юношество автора.—Профессора: *Ценковский* и *Н. Соколовъ*, какъ сѣтели реальныхъ познаній въ Новороссійскомъ университетѣ. Кое-что о нигилизмѣ и нигилистахъ въ университетской жизни 60-хъ годовъ.—Негостепріимство Петербурга для безденежнаго студента въ первые мѣсяцы его пребыванія въ столицѣ.—Нѣсколько словъ о преподавателяхъ и порядкахъ Петербургскаго Технологическаго Института въ 60-хъ годахъ

Стр.

1—15

Глава II. Неприглядная Петербургская осень.—Случайная встрѣча со старымъ школьнымъ товарищемъ.—Первое посѣщеніе многолюднаго ресторана въ Петербургѣ.—Студенческій бытъ въ Медико-Хирургической Академіи 70 хъ годовъ истекшаго вѣка.—Переходъ изъ Технологическаго Института въ Медико-Хирургическую Академію.

16—21

Глава III. Своеобразная аудиторія проф. *И. М. Сѣченова* въ Медико Хирургической Академіи.—Характерныя особенности фізіологическихъ лекцій *И. М. Сѣченова*, читанныхъ студентамъ-медикамъ въ 1869 г.—Значеніе сочиненія *Сѣченова* «*Рефлексы головного мозга*» въ наукѣ и общественной литературѣ.—Профессора химіи: *А. П. Бородинъ* и академикъ *Н. Н. Зининъ*, ихъ отношенія къ студентамъ Академіи.—Студенческая читальня и ея роль при обсужденіи житейскихъ вопросовъ студенчества.—Нравы и обычаи студентовъ въ наше время и теперь.

22—38

Глава IV. Представители каѳедръ описательной и практической анатоміи человѣка: проф. *Ф. П. Ландцертъ* и *В. Л. Груберъ*.—Дуализмъ въ конференціи Медико-Хирургической Академіи.

воззрѣніями и традиціями *С. П. Боткина*.—Отношенія студентовъ къ *С. П. Боткину*, какъ къ профессору и авторитету избранной специальности.—Режимъ занятій въ клинической школѣ *С. П. Боткина*.—Бѣглый обзоръ научныхъ работъ, произведенныхъ въ клинической лабораторіи подъ руководствомъ *С. П. Боткина* и его ближайшихъ сотрудниковъ.—*Боткинъ* въ роли реформатора больничнаго дѣла въ С.-Петербургѣ.—Разочарованіе *С. П. Боткина* въ нѣкоторыхъ своихъ креатурахъ.—О неумѣстности шовинизма въ наукѣ

129—144

Глава XIII. Обзоръ учебныхъ занятій студента IV-го курса Медико-Хирургической Академіи.—Идеалы автора во время его студенчества на высшихъ курсахъ Академіи.—Значеніе студенческой библіотеки какъ посредничество между издателями и потребителями книгъ ученаго содержанія. Кое-какіе факты, характеризующіе недозволенные сходки и сборища студентовъ 70 хъ годовъ.—О влияніи современныхъ беллетристовъ на развитіе идеаловъ учащейся молодежи того времени.—Пионеры земско-врачебнаго дѣла, какъ результатъ господствовавшихъ идеаловъ среди учащихся въ Академіи.—Отрицаніе студенческой корпораціи «*de jure*» и существованіе таковой «*de facto*».—Печальная судьба запретной студенческой столовой, основанной студентами-медиками въ 1870 году, и студенческой читальни.—Метаморфоза скромныхъ студенческихъ сходокъ въ уличные бунты съ печальными послѣдствіями.—Закрытіе первыхъ двухъ курсовъ Академіи, ограниченіе числа учащихся и переименованіе нашей *almae matris* въ Медико-Хирургической въ Военно-Медицинскую Академію. Нѣкоторыя соображенія по поводу студенческихъ смутъ

145—159

Глава XIV. Значеніе послѣднихъ трехъ семестровъ въ академической жизни студентовъ медицинскаго факультета.—Задачи преподавателей-клиницистовъ, руководящихъ студентовъ V-го курса.—Параллель функцій факультетскихъ и госпитальныхъ клиницистовъ.—Краткій біографическій очеркъ проф. *Е. И. Бодановскаго*.—Характерныя особенности контингента больныхъ госпитальной хирургической клиники.—Студенты V-го курса въ роли кураторовъ.—Проф. *Е. И. Бодановскій* какъ человекъ, какъ учитель, какъ лекторъ и какъ операторъ.—Нѣсколько словъ о *П. Я. Мультиановскомъ*, какъ о помощникѣ профессора госпитальной хирургической клиники.—

Трагическая смерть *Е. И. Богдановскаго* у операционнаго стола.—Перечень его литературныхъ трудовъ.—Краткая оцѣнка его ученой дѣятельности. 160—174

Глава XV. Страдная пора предъэкзаменаціоннаго времени въ Медико-Хирургической Академіи.—Многочисленность предметовъ, входящихъ въ экзаменаціонный листъ, влечетъ за собою сумятицу въ головѣ экзаменующагося.—Неблаговидные поступки нѣкоторыхъ студентовъ, выдавливающихъ «весьма удовлетворительныя» отмѣтки у благодушныхъ экзаменаторовъ.—О значеніи экзаменовъ для серьезно изучающихъ медицину студентовъ.—Кое-что о литографированныхъ запискахъ и конспективныхъ учебникахъ.—Механизмъ приготовленія къ экзаменамъ.—Характеристика нѣкоторыхъ типовъ изъ экзаменовавшихся на званіе лекаря въ 181* году. 175—187

Глава XVI. Суровая декабрьская ночь на Литейномъ мосту въ Петербургѣ.—Необычная обстановка экзамена по физиологіи, вызвавшая броженіе среди студентовъ выпускнаго курса Академіи.—Благопріятное окончаніе лекарскихъ экзаменовъ и студенческая попойка по этому поводу.—Наивныя размышленія новоявленнаго лекаря подъ вліяніемъ паровъ Бахуса.—Примѣры безучастія со стороны родной сестры и великодушія со стороны добраго товарища.—Заботы и хлопоты объ освобожденіи себя отъ обязательной службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ.—Первая официальная просьба предъ непосредственнымъ начальствомъ терпѣть полное фіаско и причинять много горя автору. 188—201

Глава XVII. Петербургская улица при бездорожьи и непогоды зимняго времени.—Памятный для автора день плаксивой погоды.—Интересная бестѣда съ товарищемъ диаметрально противоположнаго темперамента. Нѣсколько словъ о *В. А. Манассеинѣ*, какъ о референтѣ новѣвшихъ научныхъ работъ по медицинѣ.—Конкурсное испытаніе врачей на право быть зачисленнымъ институтскимъ врачомъ при Академіи для усовершенствованія.—Сцены въ конференцъ-залѣ Академіи во время конкурса. 202—215

Просимъ исправить ниже слѣдующія погрѣшности:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ исправить на:
1	3 сверху	приподносить	преподносить
33	13 сверху	передавали эти листки другу	передавали эти листки <i>другъ другу.</i>
46	8 снизу	тремя	время
65	10 сверху	жесткрылыхъ	жесткокрылыхъ
65	13 сверху	орнографію	оригинаграфію.
70	15 снизу	«To by, or not to by!»	«To <i>be</i> , or not to <i>be</i> !»
138	11 сверху	сосдать	создать
159	8 снизу	гдѣ гдѣ	<i>куда</i>
185	11 сверху	рефировать	реферировать
195	18 сверху	способствующей тебѣ	способствующую тебѣ
199	15 сверху	ранѣ	ранѣ
203	10 сверху	намѣреаваться	намѣреавашься
203	17 сверху	конкуретному	конкурсному

ГЛАВА I.

Юношество автора.—Профессора *Ценковский* и *Н. Соколовъ*, какъ сѣятели реальныхъ познаній въ Новороссійскомъ университетѣ.—Кое-что о нигилизмѣ и нигилистахъ въ университетской жизни 60-хъ годовъ.—Негостепріимство Петербурга для безденежнаго студента въ первые мѣсяцы его пребыванія въ столицѣ.—Нѣсколько словъ о преподавателяхъ и порядкахъ Петербургскаго Технологическаго Института въ 60-хъ годахъ.

С «Мысль при записываніи превращается въ нитку и ловче тянется изъ мозга, чѣмъ при размышленіи безъ письма. Безъ слова нѣтъ мысли, безъ мысли нѣтъ слова»...

Н. И. Пироговъ.

Покойный профессоръ *Т. Бильротъ*—весьма талантливый учитель, врачъ и литераторъ—какъ-то высказалъ слѣдующій афоризмъ: «Если врачъ или кто-либо другой приподноситъ вамъ свои наблюденія и свою опытность, то вы узнайте сначала какого сорта человѣкъ самъ «наблюдатель».—Весьма часто мнѣ приходилось убѣждаться въ полной справедливости этого афоризма: неоднократно я сожалѣлъ о безплодно потраченномъ времени на чтеніе quasi-ученой книги такихъ авторовъ, которые не различаютъ факта отъ вымысла и плодъ своей досужей фантазіи выдаютъ за совершившееся явленіе, за которымъ признаютъ права непоколебимой истины. Такихъ руководителей мыслей или собесѣдниковъ покойный проф. *Бильротъ* на диспутахъ характеризировалъ однимъ лишь названіемъ имени докладчика. Напримѣръ: «*Richtig! aber das hat ja Max Schede gesagt oder geschrieben*» *). Краткими словами «*richtig*» и «*Schede*» достойнымъ образомъ оцѣнена высказанная имъ истина.

*) «Положимъ, что такъ, но вѣдь это утверждаетъ устно или письменно только *Максъ Шедде*».

Разсчитывая на вниманіе со стороны благосклонныхъ читателей и, въ частности, на вниманіе со стороны товарищей-врачей, я первѣе всего представляю матеріалъ для рѣшенія вопроса—какого сорта человѣкъ самъ наблюдатель, или кто такой самъ авторъ пережитаго и передуманнаго на 30-ти лѣтнемъ поприщѣ врача и профессора?

Поставивъ себѣ задачу—въ послѣдующихъ повѣствованіяхъ сообщать не вымыслы, а факты, и лишь такіе факты, которые представляютъ собою общественный или, правильнѣе, корпоративный интересъ, я постараюсь, насколько только возможно, быть объективнымъ.

Со дня моего поступленія на самостоятельное поприще общественнаго дѣятеля я приучилъ себя изо дня въ день вносить въ записную книжку краткія свѣдѣнія о томъ, что мною сдѣлано въ теченіе дня; въ началѣ моей практической дѣятельности врача эти замѣтки были весьма кратки: онѣ содержали лишь имена лицъ и голыя числа; но впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія поприща моей общественной дѣятельности, ежедневныя замѣтки совершенствовались и становились содержательнѣе. При неуклонномъ веденіи отчета своего прожитаго времени у меня образовался непогрѣшимый источникъ фактовъ, въ которомъ неувѣренная память 60-ти лѣтняго автора можетъ черпать свѣдѣнія относительно времени, мѣста, названія лицъ и т. п. данныхъ, неизбежныхъ во всякомъ историческомъ повѣствованіи.

Согласно требованіямъ литературной этики, я, во избѣжаніе личной обиды дѣятелей, находящихся въ живыхъ, считалъ нужнымъ не называть ихъ настоящими именами; кромѣ того предупреждаю читателя, что, принявъ на себя роль бытописца, я изображаю преимущественно типы и рисую ихъ съ натуры; аксессуарами же картины служатъ обыденныя явленія, которыя я позволяю себѣ перемѣщать или замѣнять во времени.

Въ молодости своей я обладалъ счастливою памятью; мнѣ достаточно было разъ прочесть внимательно научный трактатъ въ десятокъ и болѣе страницъ, чтобы быть въ состояніи повторить его устно, почти дословно, съ переименованіемъ всѣхъ авторовъ и указаніемъ числовыхъ данныхъ.—У меня развивалась не только психическая память, но и зрительная, и слуховая. Такъ, напримѣръ, при воспоминаніи читаннаго я могъ указать безошибочно мѣсто

книги (правая или лѣвая страница, вверху или внизу страницы), гдѣ помѣщенъ сообщенный фактъ; далѣе, по голосу или говору я узнавалъ людей, которыхъ я десятки лѣтъ не видалъ и не слышалъ. — Результатомъ такой разносторонней памяти явилось мое мышленіе «образами», т. е. когда мысленно останавливаюсь на событіи, имѣвшемъ мѣсто двадцать—тридцать лѣтъ тому назадъ, въ моемъ воображеніи нерѣдко воскресаютъ окружавшія это событіе явленія до мельчайшихъ подробностей, какъ-то: мѣсто, температура воздуха, участвовавшія лица, ихъ одежда, характерныя особенности ихъ рѣчи и т. п. — Такъ какъ профессія врача пріучаетъ наблюдателя сосредоточивать свое вниманіе не только на бросающіяся въ глаза явленія, но не упускать также изъ виду и побочныхъ уклоненій, то вслѣдствіе этого воспоминанія воскрешаютъ въ моей памяти какъ-то рельефно и рисуютъ въ воображеніи образы. Насколько перо мое въ состояніи словесно изобразить пережитыя мною картины жизни студента, врача и профессора — предоставлю судить моимъ читателямъ, заранѣе прося снисхожденія въ недостаткахъ литературнаго художества.

Родился я на югѣ Россіи въ 1848 г. — въ періодъ зарожденія революціонныхъ идей на всеевропейскомъ горизонтѣ народныхъ освободительныхъ движеній. Въ виду этого факта отецъ мой, имѣя четырехъ сыновей, меня — третьяго — называлъ иногла, шутки ради, революціонеромъ. Прозвищемъ этимъ отецъ характеризовалъ меня какъ мальчика, не мирившагося съ тяжелыми условіями многочисленной интеллигентной, но побѣдѣвшей семьи; мальчика, стремящагося съ ранней юности во-что-бы-ни-стало пробить себѣ дорогу къ свободной жизни.

До Крымской войны отецъ мой считался человѣкомъ зажиточнымъ, имѣлъ собственный двухъэтажный домъ-особнякъ съ обширнымъ фруктовымъ садомъ, съ сараями, конюшней и т. п. прислужбами. — Въ домѣ у насъ, я помню, жилали бѣдные родственники со стороны матери и отца: кто въ роли приказчика, кто — экономкой или ключницей, а кто — приживалками. Отецъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, мягкаго характера и примѣрный семьянинъ. Мать, напротивъ того, строптивая, крутого нрава, себя-

любивая женщина, суетливая, деспотичная хозяйка въ домѣ, порабощавшая всѣхъ и вся, не исключая и мужа.

Отца я любилъ и чтить, а мать почиталъ по долгу. Отецъ всегда работалъ по мѣрѣ силъ и способностей; главная его забота была—дать хорошее воспитаніе всѣмъ дѣтямъ. Но, къ сожалѣнію, мечта его осуществлялась лишь на половину: во время Крымской кампаніи два-три судна, нагруженныхъ хлѣбомъ и отправленныхъ отцомъ по Черному морю за границу подъ рускимъ флагомъ, были по пути захвачены англичанами и конфискованы. Такимъ образомъ все состояніе отца разомъ погибло. Послѣдствіемъ такой неожиданной катастрофы было то, что меня, какъ одного изъ младшихъ семьи, обучали ужъ какъ-нибудь и чему-нибудь, тогда какъ старшимъ дѣтямъ (всѣхъ насъ было семеро и среди нихъ я былъ пятый) отецъ успѣлъ еще дать домашнее воспитаніе: обучалъ ихъ иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, старшую дочь дважды отправлялъ съ матерью путешествовать за границу. Не такова была судьба младшихъ дѣтей нашей семьи.

Едва стукнулъ мнѣ десятый годъ, какъ старшій братъ повелъ меня въ гимназію, гдѣ учителя, проэкзаменовавъ меня, признали достойнымъ быть ученикомъ перваго класса.

По сію пору въ моей памяти сохранились рельефно нѣкоторыя дѣтскія впечатлѣнія; какъ-то: радость и восторгъ, когда впервые увидѣлъ себя въ зеркалѣ въ новой гимназической фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и чрезвычайно мизерный видъ свой въ военномъ, съ краснымъ воротникомъ и съ блестящими желтыми пуговицами, кафтанѣ, перешитомъ изъ стараго люстриннаго сюртука старшаго брата.—На 13-мъ году, помню, во время каникулъ я заработалъ уроками столько денегъ, что на нихъ мать заказала мнѣ первое новое форменное пальто.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ о нуждѣ, испытанной мною въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Изъ года въ годъ жизнь въ родительскомъ домѣ становилась для дѣтей-подростковъ все тягостнѣе: каждый ломтикъ хлѣба мать выдавала намъ со счетомъ, одежда наша была ниже всякой посредственности; книгъ не на что было покупать и готовить классные уроки приходилось больше у сосѣда—товарища по гимназіи. Впрочемъ, требованія въ гимназіи

въ то время были не тѣ, что нынѣ: насъ учили больше въ классѣ, чѣмъ мы сами у себя дома по книжкамъ. /

Перейдя въ пятый классъ гимназій, я оставилъ домъ родительскій, такъ какъ желалъ кончить курсъ въ реальной, а не въ классической гимназій; въ Одессѣ же, гдѣ жили мои родители, находившіяся тамъ двѣ правительственныя гимназій, были преобразованы въ классическія.

Попутно считаю нужнымъ указать, что въ 60-хъ годахъ гимназисты 5-го класса особенно охотно прочитывали періодическіе журналы: „Библіотека для чтенія“, „Русское Слово“ и „Современникъ“, на страницахъ которыхъ печатали свои увлекательныя статьи: *Писаревъ*, *Антоновичъ*, *Чернышевскій* и друг.

Послѣдніе три класса средняго учебнаго заведенія (5-й, 6-й и 7-й) я прошелъ въ Николаевской реальной гимназій, откуда вынесъ весьма отрадныя воспоминанія объ учителяхъ естественныхъ наукъ *Н. Соковининъ*, о директорѣ гимназій — *Н. Геккѣ*, учителяхъ математики *Рыбскомъ* и друг. Сообщу нѣсколько фактовъ о первомъ изъ нихъ.

Согласно программѣ *реальныхъ* гимназій 60-хъ годовъ, начиная съ 5-го класса, въ Николаевской гимназій преподавали ботанику, минералогію, химію и, какъ примѣненіе послѣдней, технологию въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ, чтобы учащіеся, по окончаніи курса гимназій, были-бы въ состояніи примѣнить свои теоретическія свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ въ практической жизни. Главнымъ руководителемъ нашимъ по естествовѣдѣнію былъ *Н. А. Соковининъ*, который, помимо любви къ своей преподавательской дѣятельности, обладалъ завидною способностью — привлекать своихъ учениковъ къ преподаваемому предмету. Такъ, напримѣръ: что можетъ для 14-ти или 15-ти лѣтняго юноши представить интереснаго описаніе турбинъ, котловъ или иныхъ машинъ, употребляющихся въ технологіи? А между тѣмъ теоретическіе уроки *Соковинина* по сахарному, бумажному и салотопенному производствамъ составляли для большинства изъ насъ гимназистовъ 6-го класса самыя любимыя занятія. Его урочные часы проходили въ демонстрированіи различныхъ опытовъ, въ описаніи болѣе сложныхъ снарядовъ и въ устномъ бесѣдованіи съ учениками о практическомъ

примѣненіи того или другого закона естествовѣдѣнія; обыкновенно урокъ кончался повтореніемъ кѣмъ-либо изъ учениковъ тѣхъ же опытовъ, какіе были произведены учителемъ въ началѣ урока. При такомъ способѣ преподаванія внимательному и усердному юношѣ рѣдко приходилось заглядывать въ учебники, которыхъ, кстати сказать, тогда у насъ и не было. Для повторенія къ экзамену мы пользовались какими-то замѣтками, составленными каждымъ для себя самого.

Послѣдніе три года гимназической жизни въ Николаевѣ я провелъ такъ, какъ проживаетъ большинство изъ несостоятельныхъ студентовъ, именно: нанималъ у какой-то бѣдной купчихи комнату, за которую платилъ три рубля въ мѣсяцъ; столовался у отставного моряка Богданова и, взявъ платы за столъ, репетировалъ его тринадцатилѣтняго сына—гимназиста; кромѣ этого имѣлъ еще нѣсколько уроковъ въ частныхъ домахъ и даже въ одномъ мужскомъ пансіонѣ, содержателемъ котораго былъ нѣкій Лемке—аферистъ и эксплуататоръ бѣдныхъ родителей.—Короче, будучи шестнадцати лѣтъ отъ роду, я уроками зарабатывалъ всѣ свои потребности и былъ настолько обезпеченъ, что могъ кое-что удѣлять своей младшей сестрѣ, которая тогда только поступила въ гимназію.

Кончилъ я реальную гимназію съ серебряною медалью и, по полученіи диплома съ отличіемъ, я мечталъ о переселеніи въ Петербургъ для поступленія въ высшее специальное техническое заведеніе; въ осуществленіи моей мечты обѣщалъ мнѣ помочь директоръ гимназіи—*Н. Геккз*, который обратился тогда въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о награжденіи меня за отличные успѣхи вмѣсто медали денежнымъ пособіемъ для проѣзда въ Петербургскій Технологическій Институтъ. Но мечты эти не осуществились: ожидаемое пособіе изъ министерства не послѣдовало, а позаимствовать денегъ у кого-либо изъ родныхъ я не могъ и не желалъ. Такъ какъ въ 60-хъ годахъ еще не было непрерывнаго желѣзнодорожнаго сообщенія между Одессою и Петербургомъ, то проѣздъ изъ южной въ сѣверную Пальмиру требовалъ имѣть добрую сотенку въ карманѣ, — а этого у меня не было. Вотъ почему я, хотя-не-хотя, поступилъ въ Новороссійскій университетъ на физико-математическій факультетъ.

Въ лицѣ профессоръ *Л. С. Ценковского* — по ботаникѣ и *Н. В. Соколова* — по химіи я впервые увидѣлъ передъ собою истыхъ сѣятелей чистой науки. Въ ихъ небольшихъ лабораторіяхъ мы всегда собирались въ полномъ составѣ (на нашемъ курсѣ, насколько могу припомнить, было всего 18 человекъ студентовъ-естественниковъ), съ захватывающимъ интересомъ слушали увлекательныя лекціи этихъ популярныхъ профессоровъ реальныхъ наукъ. Особенно интересны были лекціи *Льва Семеновича Ценковского* по біологіи низшихъ растений, ученіе о которыхъ составляло собственно основу современной бактериологіи. — Къ крайнему сожалѣнію, неурядицы въ Новороссійскомъ университетѣ между членами различныхъ факультетовъ (юридическаго и естественно-историческаго) имѣли результатомъ переселеніе проф. *Ценковского* въ Харьковскій университетъ и проф. *Н. В. Соколова* — въ Петербургскій Лѣсной Институтъ. Вслѣдствіе этого естественный факультетъ Новороссійскаго университета скоро потерялъ для меня всю притягательную силу и я сталъ заботиться объ осуществленіи моей давнишней мечты — о переселеніи въ Петербургъ, что и осуществилось въ скоромъ времени.

Предварительно считаю нужнымъ привести нѣсколько эпизодовъ изъ первыхъ лѣтъ моей студенческой жизни; послѣдняя совпала съ періодомъ зарожденія, такъ называемаго, «нигилизма» среди учащихся; поэтому нѣкоторыя картинки изъ обыденной студенческой жизни того времени могутъ, я думаю, служить матеріаломъ для характеристики автора предлагаемыхъ воспоминаній.

Въ Одессѣ я жилъ совместно съ однимъ студентомъ того же курса и факультета, нѣкимъ *Корневскимъ*, который теперь рисуется въ моей памяти высокимъ, стройнымъ молодымъ человекомъ съ весьма скудною растительностью на губахъ и подбородкѣ, всегда скромно, но чистенько одѣтымъ и до-нельзя корректнымъ какъ въ своихъ обязанностяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ лицамъ, приходившимъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Получая отъ родителей ежемесячно 30 рублей, *Корневскій* уроками не занимался, но во всемъ былъ чрезвычайно расчетливъ; напримѣръ, онъ мнѣ сдалъ половину своей комнаты, за которую самъ платилъ хозяйкѣ всего 6 рублей въ мѣсяцъ. Такъ какъ самовара намъ не подавали ни утромъ, ни вечеромъ, то для того чтобы напиться чаю, одинъ изъ

насть, по очереди, отправлялся въ ближайшій трактиръ съ объемистымъ жестянымъ чайникомъ и тамъ покупалъ на копѣйку кипятку, приносилъ его домой, и злѣсь онъ разливался въ два фарфоровыхъ чайника, куда каждый отдѣльно всыпалъ ложечку своего чая.

Дѣловитость *Корневскаго* доходила до того, что даже наши товарищескія совмѣстныя бесѣды онъ ограничилъ опредѣленнымъ временемъ, именно—во время прогулокъ или перехода изъ дома въ университетъ мы обмѣнивались мыслями или говорили о своихъ дѣлахъ и текущихъ вопросахъ дня. Дома же, т. е. на совмѣстной квартирѣ, *Корневскій* былъ почти нѣмъ: обыкновенно онъ сидѣлъ за своимъ столомъ у окна, углубившись въ чтеніе какой-либо серьезной книги съ карандашемъ въ рукахъ, имѣя предъ собою тетрадку, куда онъ вносилъ постоянно свои замѣтки. *Корневскій*, какъ и я въ то время, не звалъ иностранныхъ языковъ; но чтобы черпать свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ, мы постановили себѣ за правило химическіе трактаты читать всегда въ нѣмецкихъ, а физическія изслѣдованія—во французскихъ оригинальныхъ сочиненіяхъ. Поэтому намъ приходилось читать всегда со словаремъ въ рукахъ, отчего чтеніе, вполнѣ естественно, подвигалось весьма медленно. Тѣмъ не менѣе результатъ подобнаго чтенія, или правильнѣе, штудированіе оригинальныхъ трактатовъ не замедлило обнаружиться: по истеченіи года мы такъ хорошо освоились съ иностранными терминами и учеными оборотами книжнаго языка, что я могъ свободно переводить съ нѣмецкаго и французскаго языковъ любую книгу по химіи и физикѣ. Подобнаго рода переводы оплачивались много лучше, нежели бѣготня по урокамъ и вдалбливаніе гимназическихъ премудростей въ головы мало способнымъ или излѣнившимся подросткамъ.

Но возвратимся къ характеристикѣ студента *Корневскаго*. Встрѣчая затрудненія при чтеніи книгъ, онъ никогда не обращался ко мнѣ за разъясненіемъ замысловатой фразы или оборота рѣчи, хотя сознавалъ, что изученіе иностранныхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, давалось ему много труднѣе, нежели мнѣ.—Равнымъ образомъ онъ никогда не прибѣгалъ къ какой бы то ни было услугѣ со стороны товарища.—Принципъ „*Self-man*“ возведенъ *Корневскимъ* въ догматъ: онъ собственноручно чистилъ свои сапоги, убя-

ралъ свою постель, подметалъ свою половину комнаты и вообще избѣгалъ помощи обыкновенной прислуги.

Предоставлю читателю судить, какъ трудно было совмѣстно жить, дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ, пить одну и ту же воду (изъ различныхъ чайниковъ) съ такимъ товарищемъ, темпераментъ котораго представлялъ такъ много контрастовъ съ моимъ: *Корневскій* не переносилъ табачнаго дыма, я — курилъ папиросы; онъ былъ до щепетильности аккуратенъ, я — нѣсколько небреженъ; онъ былъ скупъ на слова и на знакомства, я же охотно вступалъ въ бесѣды со студентами другихъ курсовъ и факультетовъ, такъ какъ одно время я носилъ обязанности кассира тайной студенческой кассы и, стало быть, долженъ былъ знать, по возможности лучше, матеріальныя средства сочленовъ этой организаціи взаимопомощи. *Корневскій* теоретически признавалъ существованіе студенческой кассы полезнымъ, онъ вносилъ даже извѣстную лепту на общую пользу, но никогда не бывалъ на сходкахъ, никакого активнаго участія въ студенческихъ дѣлахъ не принималъ. На мой вопросъ — почему такое индифферентное отношеніе съ его стороны къ интересамъ студенчества? — онъ отвѣчалъ: «не могу я себѣ позволить время попусту тратить, у меня его и такъ мало». — Нѣкоторые товарищи, не знавшіе близко *Корневскаго*, предполагали, что онъ это дѣлалъ изъ опасенія быть замѣченнымъ университетскою инспекціею въ запретномъ дѣлѣ; другіе заподозривали его въ неблагонадежности со студенческой точки зрѣнія. Ни то, ни другое предположеніе не находило себѣ подтвержденія. Я убѣжденъ, что *Корневскій* не лгалъ: онъ дѣйствительно слишкомъ дорожилъ своимъ временемъ.

Когда въ 1867 г. среди студенчества различныхъ университетовъ возгорались смуты, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ временное прекращеніе студенческихъ занятій въ Новороссійскомъ университетѣ, *Корневскій* переселился въ Цюрихъ, гдѣ онъ весьма усердно занялся изученіемъ химіи. Къ сожалѣнію, этому честному труженику-студенту не суждено было осуществить свое стремленіе — сдѣлаться образцовымъ работникомъ на русской нивѣ реальныхъ познаній: вскорѣ *Корневскій* въ Цюрихѣ умеръ въ чахоткѣ.

По моему крайнему разумѣнію, *Корневскій* представлялъ собою образецъ студента-нигилиста 60-хъ годовъ; только не того типа,

который такъ художественно нарисовалъ *И. С. Тургеневъ* въ романѣ «Отцы и дѣти», изображая героя романа—Базарова.

Пылкія и увлекательныя журнальныя статьи критиковъ и публицистовъ 60-хъ годовъ создали среди учащихся не мало юношей, на-подобіе покойнаго *Корневскаго*, стремившихся къ самодѣятельности, преданныхъ тѣломъ и душой наукѣ, способныхъ на самопожертвованіе изъ-за идеи.

Откровенно говоря, *Корневскій*, какъ человѣкъ, былъ мнѣ не по душѣ: онъ казался мнѣ слишкомъ черствымъ и расчетливымъ; но въ то время я уважалъ въ немъ его стойкую натуру, желѣзную волю, твердыя убѣжденія и неуклонныя стремленія къ достиженію разъ намѣченной цѣли. Встрѣтивъ въ 18-ти лѣтнемъ юношѣ человѣка, собственноручно наложившаго на себя крѣпкую узду, охранявшую его отъ всякихъ ошибокъ молодости и промаховъ жизни и, главное, человѣка, умѣвшаго направлять свои природныя силы по болѣе производительному пути; встрѣтивъ повторяю, такого юношу на первыхъ порахъ своей студенческой жизни, я не могъ не видѣть въ немъ нѣкотораго рода идеала, къ которому меня влекла какая-то безотчетная сила. Вотъ чѣмъ я теперь объясняю себѣ мое пораженіе тяжелыми требованіями *Корневскаго* во время нашего сожителства.

Коснувшись мимоходомъ этого типа молодежи 60-хъ годовъ, я долженъ сказать, что въ теченіе многолѣтняго пребыванія студентомъ въ трехъ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ (см. ниже), я неоднократно встрѣчалъ среди товарищей такихъ юношей, которые по образу жизни походили на Рахметова въ романѣ «Что дѣлать» *Чернышевскаго*. Такого рода юноши поражали насъ—обыкновенныхъ студентовъ—своими эксцентрическими взглядами на жизнь, спартанскою стойкостью: они никогда не употребляли спиртныхъ напитковъ, не курили, не позволяли себѣ никакихъ свободныхъ (особенно половыхъ) отношеній къ женщинамъ, умѣряли свои требованія къ жизни до возможнаго минимума и, вообще говоря, осуществляли на дѣлѣ господствовавшія тогда идеи—«жить среди народа и для народа».

Къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ и, весьма вѣроятно, самые убѣжденные адепты этого альтруистическаго ученія погибли прежде-

временно: нѣкоторые погибли въ Сибиря, другіе послѣ многолѣтняго пребыванія въ тюрьмахъ пріобрѣли неизлѣчимыя болѣзни, (чахотку и падучую), третьи,—не окончившіе высшаго учебнаго заведенія,—выбились изъ колеи и «тянули горькую» среди мелкаго чиновничьяго пролетаріата...

Однакожъ, слишкомъ уклонился я отъ своего прямого пути; пора возвратиться къ своему *curriculum vitae*.

Когда въ Одессѣ мнѣ удалось скопить нѣсколько десятковъ рублей, я рѣшился переселиться въ Петербургъ, что и предпринялъ осенью 1868 г. Въ то время переѣздъ съ юга Россіи, гдѣ не было желѣзныхъ дорогъ, въ Петербургъ сопряженъ былъ со многими трудностями и, главное, требовалъ большихъ издержекъ; приходилось перебираться мѣстами по строящимся линіямъ желѣзной дороги, мѣстами плоскодоннымъ парохомомъ по Днѣпру; далѣе, приходилось ѣздить по почтовому тракту на перекладной изъ Кіева на Харьковъ и отсюда по чугункѣ черезъ Курскъ—Москву на Петербургъ.

Въ Харьковѣ я остановился, чтобы повидаться съ братомъ, который въ то время былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и пробивалъ себѣ дорогу по адвокатской карьерѣ.—Братъ принялъ меня радушно, познакомилъ со своими пріятелями и поручилъ мнѣ молодого красиваго юношу, *Митю К...ва*, направлявшагося также въ Петербургъ для поступленія въ Технологическій Институтъ. Но *Митя* былъ снабженъ своимъ богатымъ дядей сотенками на дорогу и на первое обзаведеніе; тогда какъ меня братъ мой снабдилъ лишь рекомендательными письмами, добрыми совѣтами и подаркомъ въ видѣ бархатнаго жилета.

Прибыль я въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ августа, и, благодаря университетскому свидѣтельству, я былъ принятъ въ число слушателей (въ то время «студентами» официально величались только учащіеся въ университетахъ; воспитанники же высшихъ спеціальныхъ заведеній—какъ-то: Института путей сообщенія, Технологическаго Института, Лѣснаго Института и Земледѣльческаго Института—назывались *слушателями*) безъ повѣрочнаго испытанія и даже былъ освобожденъ отъ платы за право слушанія лекцій, такъ какъ съ прибытіемъ въ Петербургъ у меня оказалось всего 6 рублей въ карманѣ.

Поселившись на первое время въ одной комнатѣ съ *Митей К...вымъ*, я немедленно сталъ добиваться какого-либо заработка и съ этой цѣлью началъ разносить свои рекомендательныя письма къ присяжному повѣренному *С...ву*, къ товарищу прокурора *Б...скому*, къ извѣстному въ то время издателю *Баксту*, къ сановитымъ чиновникамъ и къ выдающимся дѣльцамъ финансоваго міра. Такимъ образомъ я сносилъ весьма скоро добрую пару сабогъ, дѣлая ежедневно по десятку верстъ, переходя съ Измайловскаго проспекта на Васильевскій островъ, оттуда на Пески, съ Песковъ къ Калинкину мосту и т. п. длинные концы; но всѣ эти хожденія были безрезультатны: на мои личныя просьбы получить какую-нибудь работу я слышалъ лишь обѣщанія: «хорошо, будемъ имѣть васъ въ виду»; а при выходѣ изъ роскошныхъ квартиръ моихъ минимыхъ протекторовъ я нерѣдко встрѣчалъ презрительныя взоры швейцаровъ, выпроваживавшихъ меня съ насмѣшливой улыбкой на устахъ.

Вотъ почему я скоро счелъ нужнымъ добрую половину своихъ надеждъ (сирѣчь писемъ) бросить и началъ пролавать кое-что изъ своихъ пожитковъ, чтобы прокормиться хотя бы 10-ти копѣечною порціею въ, такъ называемыхъ, «греческихъ кухмистерскихъ». Такъ, прежде всего я спустилъ *Митю К...ву* свой бархатный жилетъ за 6 рублей; изъ нихъ я уплатилъ 3 рубля какъ мѣсячную наемную плату за полкомнаты, а на остальные я прокормился недѣлю двѣ, затѣмъ продалъ татарину свою изъ дому привезенную подушку за 2 р. 75 к.; далѣе дѣло дошло до продажи претоletaго латинскаго словаря *Кроненберга* и другихъ книжекъ изъ моего тощаго чемодана. Такими средствами я просуществовалъ первый мѣсяцъ въ Петербургѣ. Въ теченіи этого времени я занялся составленіемъ и изданіемъ лекцій Высшей алгебры, читанныхъ проф. *Красновскимъ* въ Технологическомъ Институтѣ, разсчитывая получить какой ви-на-есть заработокъ. Но это занятіе требовало отъ меня много письменной работы и потому приходилось манкировать лекціями иныхъ преподавателей, что сопровождалось тогда частымъ напоминаніемъ со стороны дежурнаго наблюдателя Института о томъ, что *посѣщенія лекцій обязательны для слушателей Технологическаго Института*, въ противномъ случаѣ я подвергнусь

провѣрочному испытанію еще среди учебнаго года и могу быть исключеннымъ изъ Института за нерадѣніе.

Чтожь было дѣлать?! Послѣ недолгаго размышленія я рѣшилъ пойти къ директору Института *Ермакову*, слышшему среди учащихся за человѣка добраго и разсудительнаго, и устно изложить ему свое безвыходное положеніе: если стану ежедневно слушать чтенія всѣхъ преподавателей, то не хватитъ у меня времени на составленіе и изданіе лекцій Высшей алгебры—предпріятіе, дающее мнѣ всетаки заработокъ въ нѣсколько рублей ежемѣсячно; если же бросить это предпріятіе, то придется безусловно голодать. Почтенный директоръ выслушалъ меня внизательно и съ видимымъ участіемъ общалъ къ Рождественскимъ праздникамъ выдать мнѣ единовременное пособіе, если удовлетворительно дамъ провѣрочныя испытанія (гесрессіве, полу-курсовыя репетиціи) по пройденнымъ предметамъ, а пока совѣтовалъ строго выполнять всѣ требованія Институтской инспекціи. Вполнѣ разсудительные совѣты *Ермакова*, съ одной стороны, крайне стѣснительныя требованія инспекціи для студента, привыкшаго къ полной свободѣ въ распредѣленіи времени своихъ занятій, съ другой стороны, засѣли какимъ-то «гвоздемъ» въ моихъ мозгахъ, который угнеталъ мою психику, заставляя думать дашь объ одномъ—что предпринять и какъ мнѣ устроиться, чтобы обезпечить себѣ самое скромное существованіе въ этой роскошной, богатой столицѣ и обширномъ рынкѣ интеллигентнаго труда?

Помимо «гвоздя», нужно принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство: въ теченіе моего шестинедѣльнаго пребыванія слушателемъ Технологическаго Института я убѣдился въ крайней скудности средствъ этого высшаго учебнаго заведенія какъ относительно учащаго персонала, такъ равно и его учебно-вспомогательныхъ пособій. Изъ штатныхъ преподавателей на механическомъ отдѣленіи лучшимъ считался *Красновскій*, преподававшій высшую математику; а онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ лишь ученую степень кандидата математическихъ наукъ, такъ какъ дважды представленныя имъ диссертациі въ то время (1868 г.) не были признаны математическимъ факультетомъ Петербургскаго университета достойными ученой степени магистра. Другіе преподаватели, какъ *Ленизъ*, *Ильинзъ*,

хотя носили званіе профессора, но читали свои лекціи настолько плохо, что аудиторіи ихъ почти пустовали, даже при самыхъ принудительныхъ мѣрахъ со стороны инспекціи. Впрочемъ, лекціи по химіи проф. *Д. И. Менделѣва*, читавшаго тогда на химическомъ отдѣленіи, и лекціи академика *Бейльштейна*, читавшаго тотъ же предметъ на механическомъ отдѣленіи, всегда охотно посѣщались слушателями обоихъ отдѣленій; но вѣдь эти представители науки принадлежали лишь случайно къ корпораціи преподавателей Технологическаго Института; главная сфера ихъ дѣятельности сосредоточивалась для перваго въ Петербургскомъ университетѣ, а для второго—въ Академіи Наукъ. Слѣдовательно, корифеевъ науки, какихъ я видѣлъ въ Новороссійскомъ университетѣ, Технологическій Институтъ въ то время не имѣлъ. Еще бѣднѣе были обставлены лабораторіи: такъ называемый «Машинный Домъ» въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія представлялъ собою коллекцію плановъ и рисунковъ различныхъ машинъ съ небольшимъ количествомъ почти игрушечныхъ образцовъ локомотивовъ, вагоновъ и тому подобныхъ приспособленій желѣзнодорожнаго дѣла. Практическія упражненія слушателей перваго курса ограничивались почти однимъ черченіемъ машинъ по рисункамъ и какими-то весьма поверхностными занятіями по столярному и слесарному мастерствамъ подъ руководствомъ полуграмотнаго мастера.

Разъ я самовольно выбралъ себѣ карьеру механика, то вполне естественно, что я не гнушался никакой механической работы; но при самой снисходительной оцѣнкѣ научныхъ средствъ Технологическаго Института того времени не трудно было предсказать, что питомцы этого заведенія, окончившіе курсъ наукъ хотя бы со званіемъ инженеръ-технолога первой степени, выносили изъ школы весьма легкій балластъ практическихъ свѣдѣній по механикѣ. И дѣйствительно, изъ разсказовъ молодыхъ людей, имѣвшихъ званіе механика, намъ стало извѣстно, что по выходѣ изъ Петербургскаго Института имъ необходимо прежде всего поступить на заводъ въ роли простого рабочаго или сподручнаго при старшемъ механикѣ (большинство которыхъ были изъ нѣмцевъ или англичанъ), чтобы подъ ихъ руководствомъ научиться тому, чего требуетъ знать техническое производство даннаго завода.

Сопоставивъ всѣ эти обстоятельства въ параллель съ тяжелыми матеріальными условіями, я мимовольно приходилъ къ заключенію, что единственная въ то время государственная школа технологіи въ Россіи не можетъ дать хорошо подготовленныхъ для дѣла механиковъ и, стало-быть, избранная мною карьера не соотвѣтствуетъ моему идеалу.

Ницца, 31/III—3/IV 1900.

ГЛАВА II.

Неприглядная петербургская осень.—Случайная встрѣча со старымъ школьнымъ товарищемъ.—Первое посѣщеніе многолюднаго ресторана въ Петербургѣ.—Студенческій бытъ въ Медико-Хирургической Академіи 70-хъ годовъ истекшаго вѣка.—Переходъ изъ Технологическаго Института въ Медико-Хирургическую Академію.

Какъ-то разъ въ петербургскій осенній вечеръ вышелъ я изъ дома безъ всякой определенной цѣли; тяжелыя думы меня одолѣвали, и я машинально бродилъ по многолюдной Большой Садовой улицѣ.—Сталъ моросить ледяной мелкій дождь, который пронизывалъ меня насквозь черезъ легкое пальтишко, подбитое воздухомъ; я началъ зябнуть. Дабы нѣсколько согрѣться, я искалъ крытаго помѣщенія и случайно попалъ въ пассажъ, упирающійся однимъ концомъ въ Невскій просп., а другимъ—въ Большую Итальянскую улицу. Насколько мнѣ помнится, пассажъ этотъ я тогда увидѣлъ впервые. Поэтому весьма яркое, никогда до того мною не виданное, освѣщеніе богато убранныхъ магазиновъ, окнами выходящихъ въ закрытое стеклянною крышею помѣщеніе, множество гуляющихъ, пышно разодѣтыхъ дамъ легкаго поведенія въ сопровожденіи весело болтающихъ кавалеровъ, непривычныя для моего слуха говоръ, шумъ, хохотъ и нѣкоторыя вольности уличной жизни — все это вызвало меня изъ забытья, отвлекло мое вниманіе отъ сосредоточенныхъ мыслей и даже поразило. Я сталъ у входныхъ дверей пассажа и машинально разглядывалъ эту пеструю «*va et viens*», двигающуюся толпу довольныхъ, веселыхъ и, видимо, счастливыхъ людей. Вдругъ, чувствую ударъ по плечу и слышу возгласъ:

— «Здравствуй, Алеша!— ты какими судьбами попалъ сюда и что ты подѣлываешь въ Питерѣ?»

Оглядываюсь и вижу передъ собою жизнерадостную фizioномію своего земляка — *Бориса Мерца*, одѣтаго въ длинные ботфорты, въ свѣтло-желтый пиджакъ изъ верблюжьяго сукна, отвороты котораго окаймлены были черною тесьмою, а воротникъ изъ чернаго бархата; брюки на немъ были изъ такого же верблюжьяго сукна съ узкимъ чернымъ лампасомъ; на головѣ военная фуражка студента Медико-Хирургической Академіи, а на широкихъ плечахъ кокетливо виситъ традиціонный пледъ. Изъ подъ фуражки на бархатный воротникъ пиджака падали длинные, слегка вышіеся, лоснящіеся, черные, какъ у ворона, волосы; такого же цвѣта небольшіе усики обрамляли ярко-красныя уста юноши, у котораго весело игралъ на щекахъ нѣсколько темнаго или слегка оливковаго оттѣнка легкій румянецъ. Высокій, стройный ростъ, гибкая осанка и чрезвычайная подвижность его членовъ придавали этому двадцатилѣтнему юношѣ какую-то прелесть, особенно для меня привлекательную въ тотъ пасмурный и холодный вечеръ. Вотъ почему впечатлѣнія, вызванныя этою совершенно для меня неожиданною встрѣчею, такъ ярко сохранились въ моей памяти по прошествіи тридцати пяти слишкомъ лѣтъ.

На поставленные *Мерцомъ* вопросы я отвѣтилъ лаконически: «Вотъ скоро два мѣсяца, какъ я горе мыкаю въ Питерѣ и не знаю, что съ собою дѣлать».

— «Пойдемъ, братъ, наверхъ, въ ресторанъ; тамъ побесѣдуемъ», — сказалъ мнѣ жизнерадостный землякъ. Предложеніе это меня не мало смутило: вѣдь я чувствовалъ, что у меня въ карманѣ, какъ говорится, «шишъ на арканѣ». Стало быть, не-на-что угощаться; да и по натурѣ я не былъ любителемъ трактирныхъ посѣщеній. Съ другой же стороны, мнѣ очень хотѣлось побесѣдовать со своимъ землякомъ, съ которымъ я когда-то совмѣстно учился въ гимназій и котораго я зналъ, какъ весьма скромнаго нелыющаго юношу.

— «Я вижу, братъ, ты еще новичекъ — смотришь красною дѣвушкою. Брось свой провинціализмъ и позабуди на время свой пессимизмъ. Совѣтую тебѣ познакомиться съ требованіями столичной жизни, тогда и на душѣ станетъ веселѣе».

Все это было сказано такъ добродушно и прямодушно, что я

невольно поддался влеченію школьнаго товарища. Мы поднялись во второй этажъ пассажа. Здѣсь очутились въ обширномъ квадратномъ залѣ, вмѣщавшемъ тогда семь большихъ билліардовъ и небольшой фонтанъ, журчавшій въ воздухѣ, насыщенномъ табачнымъ дымомъ, испареніями пива и иныхъ спиртныхъ напитковъ.—Товаришъ предложилъ мнѣ присѣсть къ одному изъ небольшихъ мраморныхъ столиковъ, разставленныхъ по периферіи зала, у оконъ; онъ постучалъ по столу, и когда явился мальчикъ, приказалъ принести двѣ кружки пива. Я сѣлъ и сталъ разсматривать эту незнакомую для меня пеструю и шумную жизнь петербургской молодежи.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ 70-хъ годовъ описываемый мною ресторанъ въ верхнемъ этажѣ петербургскаго пассажа былъ мѣстомъ свиданія студентовъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній; въ то время здѣсь особенно охотно собирались такъ назыв. „выборгскіе офицеры“, т. е. студенты Медико-Хирургической Академіи, любившіе поиграть на билліардѣ; далѣе, здѣсь видны были студенты унверситета, не носившіе тогда никакой формы, и студенты Академіи Художествъ, съ которыми особенно охотно знакомились и даже дружились «выборгскіе офицеры». Кромѣ названныхъ посѣтителей, бывали здѣсь, и въ значительномъ количествѣ, гостинодворскіе приказчики, купеческіе сынки и нѣкоторые отставные военные. Вообще говоря, этотъ ресторанъ въ описываемое время считался трактиромъ общедоступнымъ, но не низшаго разбора. Тѣмъ не менѣе помню, что въ тотъ незабвенный для меня вечеръ я видѣлъ тамъ много подвыпившихъ и даже совершенно съ ногъ сшибавшихся молодцовъ; но среди таковыхъ не было ни одного студента; главный контингентъ пьяныхъ посѣтителей составляли купеческіе сынки, приказчики и отставные офицеры пѣхотныхъ полковъ.

Вотъ въ такой-то душной атмосферѣ, при чрезвычайно пестрой обстановкѣ, среди шума и говора полилась задумчивая бесѣда межъ двухъ юношей-земляковъ, случайно встрѣтившихся послѣ многолѣтней разлуки на столичномъ, такъ сказать, карнавалѣ.—Отъ *Мерца* я узналъ, что онъ съ юридическаго факультета Харьковскаго университета перешелъ въ Медико-Хирургическую Ака-

демію, гдѣ преподаваніе врачебныхъ наукъ ведется согласно новѣйшимъ усовершенствованіямъ западныхъ школъ медицины лучшими русскими представителями этихъ отраслей знаній. Такіе авторитеты своей спеціальности, какъ проф. *И. М. Сьченовъ*, *Н. Н. Зининъ*, *Брантъ* (старикъ), *В. Груберъ* и другіе, приобрѣли громкую извѣстность ученыхъ не только у насъ, но и заграницею. Вотъ почему Медико-Хирургическая Академія въ концѣ 60-хъ годовъ служила притягательною силою для учащейся русской молодежи, искавшей въ школѣ медицины не ремесло, а искусство, зиждущееся на твердыхъ основахъ физическихъ и біологическихъ наукъ.

Далѣе, *Меригъ* мнѣ весьма картинно рисовалъ какъ въ аудиторіи, при 500 студентахъ - медикахъ, господствуетъ какое-то взаимное соревнованіе въ добываніи научныхъ познаній; что студенты Академіи работаютъ небольшими группами и сообща рѣшаютъ заданныя имъ профессоромъ задачи. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что студенты легко между собою знакомятся, сближаются другъ съ другомъ и, въ случаѣ матеріальной нужды, помогаютъ другъ другу. Правда, громадное большинство студентовъ Академіи—суть молодые люди, ничего матеріальнаго за собою не имѣющіе, кромѣ неизсякаемаго запаса энергіи въ настоящемъ и радужныхъ надеждъ на свѣтлое будущее.

«Студенты Медико-Хирургической Академіи», твердилъ *Меригъ*, «не унываютъ: первые два года они кое-какъ перебиваются: кто занимается уроками, корректурою въ типографіи, газетными статьями, переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, кто литературною работою въ редакціяхъ политическихъ газетъ и періодическихъ журналовъ. Если же кому изъ студентовъ вовсе не везетъ и нужда ужъ очень приспичетъ, тому начальство Академіи выдаетъ единовременное денежное пособіе, правда, небольшими суммами въ 10, 15 и даже 25 рублей; но замѣть, что полученіе этого пособія не связано никакими формальностями, въ родѣ представленія свидѣтельства о бѣдности, или слачи успѣшныхъ репетицій (какъ это требуется въ Технологическомъ Институтѣ), или выдачею какого-нибудь обязательства отслужить въ томъ или другомъ вѣдомствѣ».

Въ наше время нерѣдко бывало, что студентъ-бѣднякъ, дѣй-

ствительно нуждавшийся въ насущномъ кускѣ хлѣба, не просилъ единовременнаго пособія именно изъ-за невозможности выполнить названныхъ формальностей. Подумали-ли благотворители и составители регламентовъ—какъ трудно на голодный желудокъ зазубривать различные термины, формулы, законы и теоремы, знаніе которыхъ требуется лишь для того, чтобы получить удовлетворительный баллъ на повѣрочномъ (состязательномъ) экзаменѣ... Вполнѣ понятно, что менѣе нуждавшийся студентъ, которому не было надобности тратить время на грошовые заработки, всегда могъ лучше подготовиться къ требуемому экзамену и, стало быть, имѣлъ больше шансовъ получить стипендію или высшее единовременное пособіе, чѣмъ истый бѣднякъ.

Кромѣ того, всякому-ли студенту легко было писать домой родителямъ добывать «полицейское свидѣтельство о бѣдности»... Да я, напримѣръ, ни за что въ мірѣ не рѣшился писать объ этомъ отцу, зная съ какимъ чувствомъ самоуниженія связано было полученіе такого рода официальной бумаги.

Долго и упорно слушалъ я рассказы своего земляка, вызвавшіе во мнѣ желаніе познакомиться лично съ жизнью студентовъ Выборгской стороны; тамъ, думалъ я, среди интеллигентнаго пролетаріата, быть ключемъ здоровая, крѣпкая и честная жизнь учащейся молодежи. Въ Технологическомъ Институтѣ я этого не видѣлъ. Вотъ почему я охотно принялъ приглашеніе *Мериа*—отправиться къ нему на квартиру ночевать, чтобы на другой день совмѣстно съ нимъ пойти въ Академію послушать лекцію проф. *И. М. Сьченова*, читавшаго физиологію человѣка.

Столь неожиданная встрѣча съ землякомъ имѣла еще болѣе неожиданное послѣдствіе: въ Технологическій Институтъ я уже болѣе не приходилъ.

На другой же день, во-очію убѣдившись въ справедливой характеристикѣ студенчества Медико-Хирургической Академіи и, главное, въ логичности доводовъ своего товарища *Мериа*: «Въ Россіи пока возможно изучать механику одного лишь рода, это—механику человѣка, преподаваемую въ Академіи; а такъ какъ ты желалъ посвятить себя механикѣ, то цѣлесообразнѣе будетъ перейти тебѣ изъ Измайловскихъ ротъ на Выборгскую сторону»...

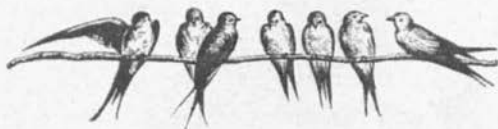
Подъ вліяніемъ такихъ аргументовъ я рѣшился подать начальнику Медико-Хирургической Академіи прошеніе о томъ, что, желая поступить въ число студентовъ ввѣренной ему Академіи, прошу изъ канцеляріи Технологическаго Института затребовать документы, выданные мнѣ Новороссійскимъ университетомъ.

Черезъ три дня, въ послѣднихъ числахъ октября 1869 года, я былъ принятъ въ число воспитанниковъ Медико-Хирургической Академіи, ставшей навсегда моею alma mater.

Десять дней спустя, послѣ зачисленія меня студентомъ Академіи, мнѣ уже было выдано инспекціею денежное пособіе, на которое я въ состояніи былъ снять уголъ на Выборгской сторонѣ и прокармливать 3 копѣчными пирогами (съ мясомъ), которые продавались въ стѣнахъ самой Академіи весьма популярнымъ нашимъ благодѣтелемъ-пирожникомъ Василиемъ, нерѣдко отпускавшимъ намъ пироги и въ безсрочный кредитъ...

Да, живо рисуется въ моей памяти и понынѣ то старое, безпечное и доброе время студенчества, когда острая нужда настоящего легко нейтрализовалась надеждою будущаго, когда бѣдность матеріальныхъ средствъ какъ-бы поглощалась богатствомъ духовныхъ силъ.—Воспоминанія эти до того рельефны и ярки, что въ данную минуту у меня невольно рождается вопросъ: что болѣе питало душу и сердце: тогдашнее-ли мое студенчество или теперешняя профессура? Вѣдь первое кажется болѣе яркимъ, радостнымъ и заманчивымъ.

Ницца, 5/17 IV. 1900.

ГЛАВА III.

Своеобразная аудитория проф. *И. М. Спиченова* въ Медико-Хирургической Академіи.—Характерныя особенности физиологическихъ лекцій *И. М. Спиченова*, читанныхъ студентамъ-медикамъ въ 1869 г.—Значеніе сочиненія *Спиченова* «*Рефлексы головного мозга*» въ наукѣ и общественной литературѣ.—Профессора химіи *А. П. Бородинъ* и академикъ *Н. Н. Зининъ*, ихъ отношенія къ студентамъ Академіи.—Студенческая читальня и ея роль при обсужденіи житейскихъ вопросовъ студенчества.—Правы и обычаи студентовъ въ наше время и теперь.

Нашъ тогдашній міръ—міръ студенческихъ идеаловъ, житейскихъ заботъ, общественныхъ тревоженій—представлялся, какъ въ калейдоскопѣ, столь разнообразнымъ и разноцвѣтнымъ, что въ данный моментъ я крайне затрудняюсь въ выборѣ такой стороны этого міра, откуда читателю свѣтлѣе и рельефнѣе представилась бы картина жизни академическаго студента конца 60-хъ годовъ. Я введу читателя въ ту аудиторию, куда меня впервые ввелъ мой землякъ—студентъ *Мерцъ*.

Приближается девятый часъ утра. Октябрское утро въ Петербургѣ до того мрачно и темно, что въ обширной физиологической аудиториі Академіи зажжены газовыя горѣлки. Въ описываемое время зала этой аудиториі окнами выходила на набережную Невы и помѣщалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится вестибюль 2-го сухопутнаго военнаго госпиталя. Она представляла собою ветхое, сырое, мрачное помѣщеніе, въ которомъ деревянныя скамьи были разставлены амфитеатромъ ва-подобіе того, какъ устраиваются временныя зрительныя залы въ циркахъ и балаганахъ.—Арена профессора (каеодры въ буквальномъ значеніи этого слова не было) отгораживалась отъ переднихъ рядовъ скамеекъ перилами.

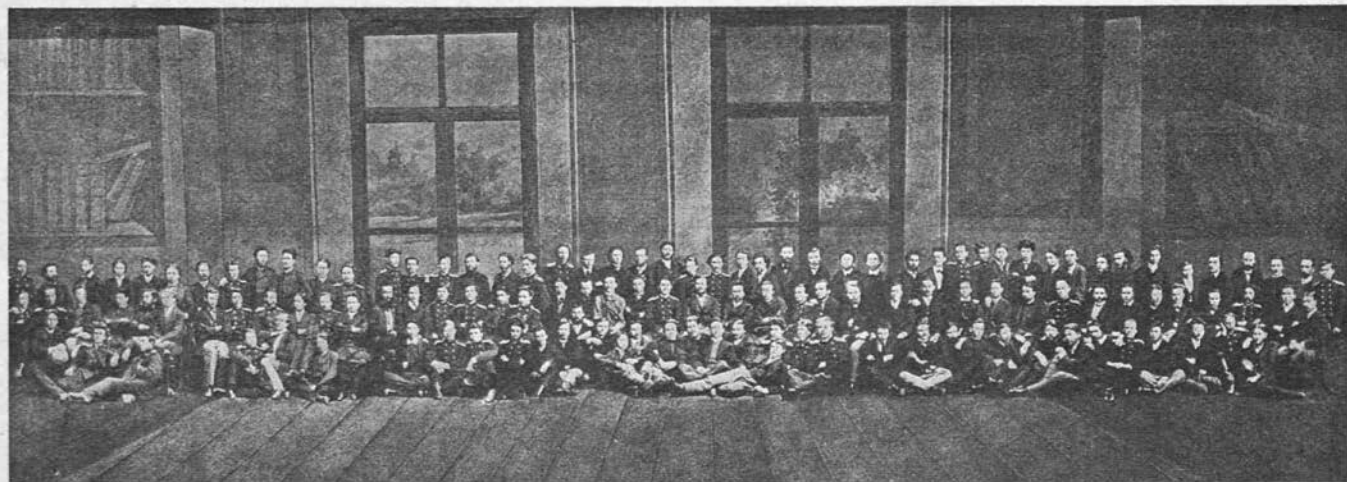

Рис. 1. Аудиторія професора фізіології *И. М. Стчєнова* въ Императ. Медико-Хирургической Академіи, 1869 г. въ Спб.

Войдя въ эту аудиторію, я въ первый моментъ потерялъ способность ориентироваться зрѣніемъ и слухомъ: многочисленная толпа весьма разнообразныхъ по виду, возрасту и полу слушателей занимала не только все мѣста на скамьяхъ, но многіе стояли на подоконникахъ или усаживались запросто на полу, впереди перилъ непосредственно у стола профессора или у самой стѣны. Шумъ, гамъ, говоръ, дымъ отъ выкуренныхъ папиросъ и сигаръ стоялъ коромыслемъ. Вполнѣ естественно, что такая непривычная обстановка аудиторіи сразу подѣйствовала на меня ошеломляющимъ образомъ; но затѣмъ, я мало-по-малу сталъ ориентироваться въ многочисленномъ сборищѣ разнообразной молодежи и какъ-то скоро освоился съ этой дымной, шумной атмосферой, kloчущей жизнью, энергією и стремленіемъ къ чему-то высокому, чистому, идеальному. Въ то время никто изъ слушателей (а между ними были весьма солидные и почтенные люди) не находилъ въ этомъ хаосѣ ничего дакаго или непристойнаго для всеми уважаемаго профессора *И. М. Сьченова*.

Кстати попутно замѣчу, что, согласно тогдашнимъ порядкамъ Академіи, отъ слушателя при входѣ въ аудиторію не требовалось никакихъ билетовъ или свидѣтельствъ о личности; равнымъ образомъ никакихъ поделей или чиновъ инспекціи у входа въ аудиторію не было видно. Слѣдовательно, двери Академіи были *de facto* для всехъ открыты. Поэтому аудиторіи тѣхъ профессоровъ, которые своими тщательно обработанными лекціями, демонстративно обставленными опытами, наконецъ, дѣйствительно научными изслѣдованіями, заслуживали полнаго вниманія со стороны слушателей, были всегда переполнены. Лекторы, пользовавшіеся громкою извѣстностью далеко за стѣнами Академіи, увлекали за собою въ науку не только студентовъ Академіи, но и многихъ постороннихъ интеллигентныхъ людей: сюда стекались врачи изъ города, молодые ученые изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, студенты различныхъ курсовъ и нерѣдко даже женщины высшего круга, интересовавшіяся наукою вообще, а естествознаніемъ въ особенности. Бывало, что на лекціи *И. М. Сьченова*, *Н. Н. Зинина*, *С. П. Боткина* въ аудиторіи стекалось до 500 слушателей; а такъ какъ вмѣстимость этихъ залъ не соответствовала потребностямъ и всякій усердный студентъ желалъ занять мѣстечко поближе къ столу, гдѣ производились

опыты, то многимъ изъ насъ приходилось являться въ аудиторію на часъ раньше начала чтенія, т. е. приходилось забираться раннимъ утромъ при газовомъ освѣщеніи корридора и въ бесѣдахъ поджидать появленія лектора.

...Но вотъ пробило 9 часовъ. Съ боковой двери аудиторіи входятъ ассистенты съ различными физиологическими снарядами, съ анатомическими препаратами и экспериментируемыми животными. Шумная толпа моментально успокаивается и въ аудиторіи внезапно наступаетъ безмолвная тишина. Предъ глазами слушателей появляется весьма скромный, невысокаго роста, худощавый человекъ (см. рис. 2 и 3), одѣтый въ обыкновенный черный сюртукъ, и держа въ рукахъ какой-то аппаратъ, на него устремлены взгляды всѣхъ присутствующихъ: это и есть любимый профессоръ *И. М. Сеченовъ*. Онъ безъ всякой аффектаціи, безъ дальнихъ околичностей начинаетъ свою научную бесѣду—
«О законахъ кровообращенія у теплокровныхъ животныхъ».

Рѣчь *Сеченова* была своеобразна: чрезвычайно проста, безъ всякихъ метафоръ и краснорѣчивости, ясна и убѣдительна своею строгою логикою; трактуя о біологическихъ и физическихъ законахъ, лекторъ ихъ связывалъ такою прочною и невидимою нитью логизма, что намъ—слушателямъ трактуемый вопросъ представлялся непоколебимымъ, нераздѣльнымъ закономъ естества. Часто повторяемыя имъ выраженія: «какая ни на есть», «частота явленій», «первое всего» и т. п. слова *Ивана Михайловича* сдѣлались среди насъ ходячими. — Главные выводы или заключенія его лекцій до того прочно укладывались въ памяти внимательнаго слушателя, что нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, законы давленія въ артеріяхъ или вліяніе выдыханія на отрицательное давленіе грудной кѣтки и дѣятельность сердца и т. п. физиологическія основы, я помню съ того времени понынь, т. е. тридцать пять слишкомъ лѣтъ спустя.

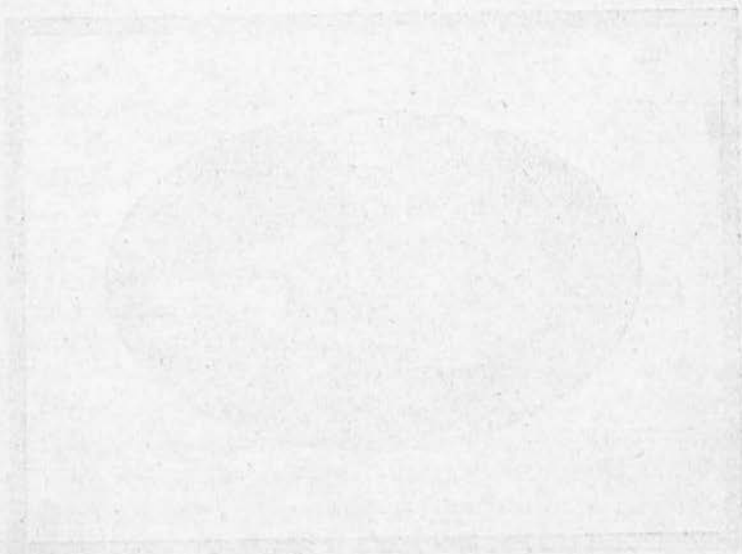
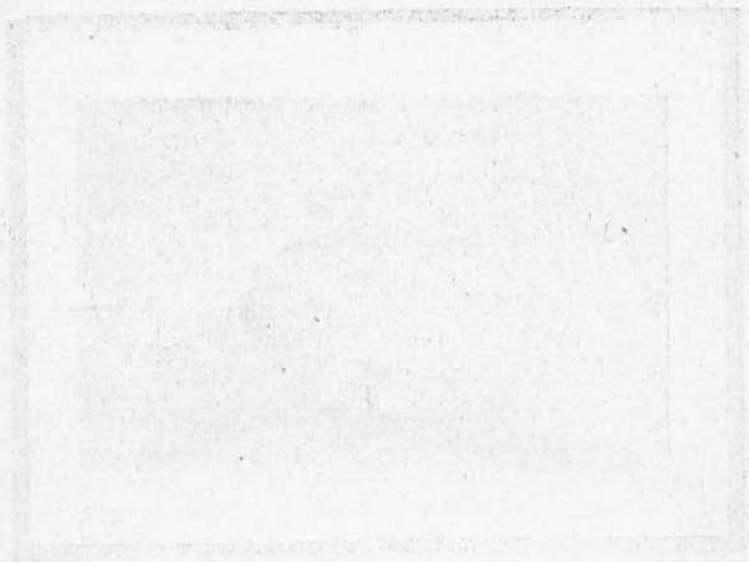
Одна изъ главныхъ заслугъ *Ивана Михайловича*, какъ лектора по физиологіи, было его стремленіе сказанное подтверждать опытами на животныхъ, произведенными тутъ же предъ глазами слушателей. Правда, его окружали тогда опытные экспериментаторы-ассистенты: *Спиро* (позднѣе—профессоръ физиологіи Одесскаго университета), *Пашутинъ* (позднѣе—профессоръ экспериментальной патологіи въ Казани и въ Военно-Медицинской Академіи), *Тараханъ-Маура-*

Рис. 2. Ордин. профессоръ каедръ фیزیологіи — *Иванъ Михайловичъ Стеченовъ*, въ Медико-Хирургической Академіи (1867—1870 г.).

Рис. 3. Проф. *И. М. Стеченовъ* и двѣ усердныя поклонницы его научныхъ традицій.

овъ (позднѣе—профессоръ физиологіи въ Военно-Медицинской Академіи), *Ворошиловъ* (впослѣдствіи—профессоръ физиологіи Казанскаго университета) и многіе другіе. Однакожь, составить цѣль мыслей изъ ряда отдѣльно стоящихъ фактовъ, связать нѣсколько разнообразныхъ физическихъ, химическихъ и анатомическихъ явленій въ одно цѣлое, заслужившее стать біологическимъ закономъ, — вотъ это-то дѣлалъ самъ *И. М. Сѣченовъ* и производилъ онъ эту ассоціацію мыслей такъ логично, просто и ясно, что слушателямъ, казалось, что иначе и быть не можетъ, что указанный лекторомъ выводъ науки есть ненарушимая истина. Вотъ почему физиологія была тогда самымъ любимымъ предметомъ для всѣхъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи. А какое значеніе физиологія человѣка имѣетъ въ ряду основныхъ познаній медика—предоставляю судить современному врачу-практику или врачу-санитару.

Въ Академіи обыкновенно каждая лекція продолжалась полтора часа времени; но бесѣда *Ивана Михайловича* затягивалась болѣе двухъ часовъ; между тѣмъ никто, повидимому, не выражалъ ни утомленія, ни нетерпѣнія оставить аудиторію, опасаясь нарушеніемъ должной тишины вызвать неудовольствіе со стороны большинства слушателей.

По окончаніи лекціи, при выходѣ *Ивана Михайловича* изъ аудиторіи, весьма часто громкія рукоплесканія провожали его до входа въ его лабораторію.

Затѣмъ толпа бывало разомъ хлынетъ во всѣ выходы и бросится бѣжать въ другія учебныя учрежденія Академіи, раскинутыя въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга; а проф. *Сѣченовъ* оставался въ своей весьма бѣдно обставленной лабораторіи и въ тѣсномъ кружкѣ учениковъ производилъ свои научныя изслѣдованія «о рефлексахъ головного мозга», требовавшія много времени, труда и умственной продуктивности.

Бывало въ позднее зимнее время, часу въ 10-мъ вечера, намъ случалось проходить мимо оконъ *Сѣченовской* лабораторіи и всегда мы тамъ видѣли работавшихъ ассистентовъ подъ руководствомъ *Ивана Михайловича*, распѣвавшаго иногда русскую пѣсню «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста»... по-латыни «propter flumen, propter pontem» народнымъ напѣвомъ.

Извѣстно, что въ началѣ 70-хъ годовъ *Сыченовъ* въ Петербургѣ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ не только среди студентовъ Медико-Хирургической Академіи, но и среди учащейся молодежи вообще и даже среди интеллигентнаго общества столицы. Но этой популярности среди учащейся молодежи *Сыченовъ* не добивался, никогда, ничѣмъ не заискивалъ у слушателей, ни краснымъ словечкомъ, ни моднымъ вопросомъ, ни либеральными взглядами, ни особенными блестящими манерами. Правда, онъ относительно студентовъ не держалъ себя, что называется, «генераломъ», т. е. былъ доступенъ каждому студенту, обращавшемуся къ нему за научными разъясненіями; но у него дома, насколько намъ извѣстно, бывали лишь его ближайшіе сотрудники по лабораторіи; никакихъ сборищъ студентовъ *Сыченовъ* у себя не имѣлъ.—Между тѣмъ въ глазахъ начальствующихъ и правившихъ лицъ не столько Академіи, сколько внѣ ея, *Иванъ Михайловичъ* считался крайнимъ либераломъ, имѣющимъ вредное влияние на умы учащейся молодежи. Еще того больше. Научныя изслѣдованія его по физиологіи признавались людьми, вовсе не компетентными въ этомъ дѣлѣ, ложными и атенетическими; поэтому его извѣстная книжка «*Рефлексы головного мозга*» одно время была запрещена въ продажѣ. А между тѣмъ въ этой небольшой книжкѣ изложены чисто научные вопросы по функции головного мозга въ той степени развитія, на какой стояла тогда физиологія. Ничего политическаго, противоправительственнаго или противорелигіознаго читатель не найдетъ въ этомъ научномъ трактатѣ; развѣ лишь нѣкоторые смѣлые выводы или свободныя заключенія о томъ, что и психическія функции нашего мозга въ извѣстномъ направленіи должны быть разсматриваемы какъ рефлексы, т. е. онѣ суть не что иное, какъ безсознательное, механическое отправленіе нашего организма.

Хотя теорія *Сыченова* о задерживающихъ центрахъ головного мозга нынѣ призвается устарѣлою, но и въ новѣйшихъ трактатахъ о функции нашей центральной нервной системы учащійся найдетъ еще больше и новыхъ доказательствъ тому, что наши, такъ назыв. высшія функции головного мозга во многихъ случаяхъ суть результаты механической передачи опредѣленныхъ результатовъ, воспринятыхъ извнѣ. Между тѣмъ въ настоящее время никто не вздумаетъ

Ниниусовъ

наложить запретъ на чтеніе фізіологическихъ сочиненій *Бехтерева*, *Гитца*, *Горслея*, *Флесинга* и многихъ другихъ авторовъ, работавшихъ по фізіологіи мозга въ указанномъ *Сыченовымъ* направленіи.

Я такъ долго останавливаюсь на репутаціи *Сыченова* среди правившихъ въ то время лицъ Петербурга по тому, что эти несправедливыя нареканія на его якобы чрезмѣрный либерализмъ въ наукѣ имѣли для насъ, учащихся въ Академіи, весьма прискорбное послѣдствіе: въ декабрѣ 1870 г. *Иванъ Михайловичъ* покинулъ кафедру въ Петербургѣ и переселился въ Одессу, гдѣ тогда не было вовсе медицинскаго факультета. Стало быть, не только мы, студенты Академіи, но вообще всѣ медики лишились лучшаго представителя по кафедрѣ фізіологіи.—Сколько студенты ни упрашивали *Ивана Михайловича* не покидать Академіи, онъ остался въ своемъ рѣшеніи непоколебимымъ, увѣряя насъ, что не можетъ снизойти къ просьбамъ своихъ любимыхъ питомцевъ, потому что во главѣ Медико-Хирургической Академіи сталъ *Яковъ Алексѣевичъ Чистовичъ*—профессоръ судебной и полицейской медицины, съ принципами и порядками котораго *И. М. Сыченовъ* никакъ не могъ ужиться.

Четыре года послѣ того кафедра фізіологіи въ Академіи находилась въ весьма удрученномъ состояніи и вызывала много смутъ и неурядицъ среди студентовъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ примѣненіе самыхъ ожесточенныхъ мѣръ со стороны начальства.—Сколько выдающихся студентовъ и весьма способныхъ юношей были высланы изъ Петербурга на родину или сосланы не въ столь отдаленныя окраины Россіи изъ-за смутныхъ исторій съ профессорами *М. М. Рудневымъ*, *И. Ф. Ціономъ* и *Ф. П. Ландцвертомъ*, вызванныхъ отчасти тѣми же порядками Академіи, съ которыми не могъ уживаться *И. М. Сыченовъ*...

Однако-жъ, всѣ эти печальныя и горестныя перипетіи переживала наша Академія нѣсколько позже, когда я ужъ былъ на выпускѣ, и потому считаю пока преждевременнымъ воскрешать въ своей памяти эту грустную страницу исторіи нашей almae matris.

Кромѣ *Сыченова*, на первыхъ двухъ подготовительныхъ курсахъ Академіи было еще нѣсколько представителей кафедръ, ко-

торыхъ признавали авторитетами науки и которые пользовались полнымъ вниманіемъ и любовью со стороны студентовъ. Такъ, на-
примѣръ, по кафедрѣ химіи были профессоръ *А. И. Бородинъ* (извѣстный композиторъ), читавшій намъ курсъ неорганической химіи, и профессоръ *Н. Н. Зининъ*, преподававшій практическую химію и руководившій практическими занятіями по химическимъ анализамъ.

Первый былъ добродушный человѣкъ, ставшій въ отношеніи къ студентамъ, какъ отецъ къ своимъ взрослымъ сыновьямъ; онъ обучалъ насъ не только теоріи химіи, но и всякимъ житейскимъ мудростямъ: къ нему мы обращались за совѣтами въ случаѣ неудачи на экзаменѣ, въ случаяхъ недоразумѣній съ начальствомъ или полиціею и даже въ случаѣ крайней матеріальной нужды. Мы знали, что *А. И. Бородинъ* всякаго выслушаетъ и — по мѣрѣ силъ — поможетъ.

Подъ руководствомъ *Александра Порфирьевича* студенты Академіи собирались въ его же просторной аудиторіи по вечерамъ и многолюднымъ хоромъ разучивали по нотамъ различныя оперныя аріи, готовясь къ концертамъ, дававшимся въ Дворянскомъ Собраніи въ пользу недостаточныхъ студентовъ Академіи и имѣвшимъ всегда успѣхъ.

Какъ ученый, *Бородинъ* стоялъ много ниже *Н. Н. Зинина*, пользовавшагося громкимъ именемъ академика и учителя русскихъ химиковъ; но лекціи *Бородина* въ Медико-Хирургической Академіи были болѣе систематичны, строго обдуманы, связно изложены; слѣдовательно, легче усваивались тѣми студентами изъ воспитанниковъ классическихъ гимназій, которымъ приходилось впервые слушать преподаваніе химіи.

Обхожденіе проф. *Зинина* со студентами было нѣсколько сурово, даже грубовато. Такъ, наприимѣръ, онъ перѣдко бранилъ свою аудиторію, если почувствуетъ гдѣ-либо запахъ табаку.

«Вы, господа, своимъ вонючимъ табачищемъ хотите отравлять мои легкія, а я холодомъ выгоню васъ отсюда», говаривалъ *Зининъ*, и съ этими словами онъ открывалъ широкія оконныя форточки, сквозь которыя рѣзкій вѣтеръ при 15-градусномъ морозѣ обдавалъ сильнымъ холодомъ всѣхъ близко къ форточкамъ сидящихъ студентовъ.

Подобная, далеко не деликатная выходка профессора не вызвала однако никакой грубости со стороны студентов; послѣдніе, хохоча и дрожа отъ холода, бывало начать упрашивать *Николая Николаевича* позволить закрыть форточки подъ общаніе, что никто изъ присутствующихъ на лекціи его, *Зинина*, не будетъ курить табаку; тогда форточки закрывались, и научная бесѣда по практической химіи производилась обычнымъ порядкомъ.

Химическіе опыты производились *Зининымъ* всегда очень удачно и нерѣдко сопровождалсь выраженіемъ восторга со стороны слушателей; самыя же лекціи его составляли собою какъ-бы краткій, отрывочный конспектъ необходимѣйшихъ свѣдѣній по каждому отдѣльному химическому элементу, — конспектъ, вполне приспособленный для приготовленія къ успѣшной сдачѣ экзамена, — и потому студентамъ было весьма легко заучить и помнить основы химіи, преподаваемые *Н. Н. Зининымъ*.

Приобрѣтая спеціальныя знанія въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ, студенты Академіи того времени не отрывались отъ жизни, т. е. они не оставались чуждыми общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Эти познанія, не преподававшіяся для студентовъ-медиковъ съ каедръ, приобретались, съ одной стороны, путемъ чтенія книгъ, газетъ и журналовъ общеобразовательнаго характера, а съ другой — взаимнымъ обмѣномъ мыслей съ товарищами, стоявшими на различныхъ ступеняхъ умственного развитія и общественной дѣятельности.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ 60-хъ годовъ въ интеллигентномъ сословіи нашего общества господствовало особенно энергичное стремленіе къ изученію медицины. Въ Медико-Хирургической Академіи число слушателей достигало небывалой цифры — свыше 1300 человекъ; въ составъ студенчества входило, помимо воспитанниковъ гимназій, духовныхъ семинарій и иныхъ средних учебныхъ заведеній, не мало лицъ весьма почтеннаго возраста, искусившихся на различныхъ аренахъ общественной дѣятельности. Такъ, для примѣра, укажу на дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Волькенштейна*, на штабсъ-капитана артиллеріи *Ростковскаго*, на доцента естественнаго факультета *Кошука*, читавшаго съ успѣхомъ лекціи по ботаникѣ въ Новороссійскомъ университетѣ, на

нѣсколькихъ кандидатовъ физико-математическаго и юридическаго факультетовъ, служившихъ по выборамъ въ должностяхъ мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей и т. п. лицъ различныхъ профессій, числившихся студентами или вольнослушателями Медико-Хирургической Академіи. Стало быть, молодымъ студентамъ обмѣниваться мыслями было съ кѣмъ.

Мѣстомъ сборища студентовъ для чтенія газетъ и обсуждения своихъ корпоративныхъ вопросовъ служила такъ называемая «*студенческая бібліотека*», помѣщавшаяся въ одномъ изъ задворковъ главнаго зданія Академіи, и состоявшая изъ передней и длинной залы, освѣщаемой съ двухъ сторонъ рядами оконъ и отопляемой желѣзною печью весьма скудно. Насколько мнѣ помнится, расходы по содержанію этого учрежденія не входили въ смѣту расходовъ Академіи, а покрывались весьма скудными доходами, взимаемыми со студентовъ за чтеніе книгъ, выдаваемыхъ на домъ. Поэтому, внѣшняя обстановка этой студенческой читальни была до-нельзя бѣдная и жалкая: небольшая прихожая комната, служившая одновременно квартирою служителя-солдата, едва могла вмѣстить въ себя шинели и галоши многочисленныхъ посѣтителей и представлялась всегда грязною и тѣсною; отсюда непосредственно входили въ длинную залу, по стѣнамъ которой разставлены были самыя простыя табуреты и лавки, а въ срединѣ залы помѣщались широкіе длинные тапчаны (столы), устланные различными газетами, брошюрами, справочными книгами самаго разнообразнаго содержанія; надъ столами висѣли двѣ—три керосиновыя лампы, дававшія не столько свѣта, сколько копоти. У передней стѣны, противъ входа, помѣщался большой книжный шкафъ, въ которомъ хранились новыя книги, предназначенныя для продажи студентамъ съ большою уступкою противъ номинальной цѣны и «*на вылату*»; а у правой стѣны, вблизи входа, красовалось нѣсколько изящныхъ книжныхъ шкафовъ, наполненныхъ книгами преимущественно медицинскаго содержанія, это—домашняя бібліотека покойнаго президента Медико-Хирургической Академіи *П. А. Дубовицкаго*, отказавшаго эту весьма цѣнную коллекцію книгъ студентамъ Академіи. Тутъ же надъ шкафами этого отдѣленія висѣлъ портретъ жертвователя въ изящной свѣтлой рамѣ съ соответственной надписью.

Всѣми дѣлами студенческой библіотеки завѣдывали непосредственно студенты, избранные изъ каждаго курса въ количествѣ двухъ старостъ и составлявшіе собою, такъ сказать, правленіе библіотеки въ количествѣ 10 человекъ, изъ которыхъ болѣе опытные завѣдывали продажей коммиссіонныхъ книгъ, выпискою журналовъ, газетъ и новѣйшихъ изданій по всѣмъ отраслямъ знаній, интересовавшихъ посѣтителей читальни. Обыкновенно же у насъ существовалъ такой порядокъ: желавшій видѣть въ библіотекѣ какую-нибудь книгу вносилъ названіе автора и сочиненія на опредѣленный для этого листъ бумаги, помѣщавшійся на видномъ мѣстѣ; если по истеченіи опредѣленного срока времени (3—4 недѣли) изъ числа постоянныхъ посѣтителей библіотеки изъявлять такое же желаніе не менѣе 10 человекъ, то сочиненіе приобреталось библіотекою и предоставлялось на пользованіе абонентамъ. Равнымъ образомъ (плебисцитомъ) производились и другія болѣе важныя для студентовъ операціи описываемаго учрежденія.

Въ этой же читальнѣ въ мое время предоставлялось студентамъ рѣшать вопросы о выдачѣ денежнаго пособія бѣднѣйшимъ студентамъ изъ суммъ Академіи или частнаго общества вспоможенія студентамъ-медикамъ. При рѣшеніи этого вопроса нами практиковался слѣдующій usus: инспекторъ студентовъ доставлялъ въ студенческую библіотеку списокъ фамилій и именъ студентовъ, которые обращались съ прошеніемъ къ начальнику Академіи о выдачѣ имъ единовременнаго пособія; списокъ этихъ лицъ, съ обозначеніемъ—какого курса нуждающійся студентъ, выставлялся на особенной доскѣ, висѣвшей на виду противъ входа въ читальню, а рядомъ противъ фамиліи каждаго изъ просящихъ пособія позволялось студентамъ письменно указать—достоинъ-ли онъ пособія, и въ какомъ размѣрѣ, причемъ аттестація должна была быть сдѣлана собственноручно и подкрѣплена подписью заявителя. Благодаря такому порядку, случалось видѣть, что менѣе нуждавшіеся въ пособіи товарищи, прочитавшіе крайне тяжелую нужду своего собрата (вродѣ того, что студентъ *Вахровъ*, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, не имѣя собственной квартиры, прожилъ всего 12 рублей), отказывались отъ полученія пособія въ ближайшемъ семестрѣ и тутъ же на выставленномъ листѣ собственноручно вычеркивали себя изъ числа нуж-

дающихся. — Въ другомъ случаѣ, врѣзавшемся въ моей памяти по своей экстраординарности, практиковавшійся нами способъ выдачи пособія студентамъ имѣлъ и нравственное вліяніе.

Одинъ изъ студентовъ 2-го курса, нѣкій Л...въ, получившій подъ Рождественскіе праздники пособие изъ академическихъ суммъ, въ размѣрѣ 25 рублей, оказался яркимъ сподвижникомъ балетнаго искусства и поклонникомъ гремѣвшей въ то время танцовщицы *Базэнгъ*, преподнесъ послѣдней роскошный альбомъ со вставленными фотографіями нѣкоторыхъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Кто-то изъ студентовъ-медиковъ, узавшій, что въ этомъ подношеніи балетчицѣ участвовалъ нашъ товарищъ Л...въ, получившій недавно пособие, призналъ этотъ поступокъ недостойнымъ честнаго и бѣднаго студента и потому письменнымъ заявленіемъ донесъ объ этомъ всѣмъ посѣтителемъ студенческой читальни и предложилъ товарищамъ на обсужденіе два вопроса: 1) Насколько вправѣ пользоваться денежнымъ пособиемъ изъ суммъ Академіи, предназначенныхъ бѣднѣйшимъ студентамъ, лицо, имѣющее возможность часто посѣщать балеты и участвовать въ подношеніи подарковъ танцовщицамъ? и 2) Терпимо-ли среди товарищей такое лицо, нравственность котораго позволяетъ ему лишать обѣда своего товарища? Результатомъ этого заявленія была сходка студентовъ, на которой выяснилось, что Л...въ — человѣкъ не безъ средствъ, получающій отъ родныхъ ежемѣсячную субсидію на житье и, прокутившись, полученное денежное пособие употребилъ на подарокъ балетчицѣ *Базэнгъ*. Тутъ же на сходкѣ было постановлено: доложить объ этомъ поступкѣ начальнику Академіи и просить его побудить Л...ва оставить Академію. Ходаѣйство студентовъ было удовлетворено: студентъ Л...въ перешелъ въ Кіевскій университетъ.

Подобнаго рода неблаговидный поступокъ есть, само собою разумѣется, явленіе исключительное въ студенческой жизни и не запятнать честь студенческой семьи нашей Академіи того времени. Самый фактъ приведенъ мною съ цѣлью — указать благотворное вліяніе корпоративной оцѣнки имущественнаго и нравственнаго ценза студентовъ.

Вообще говоря, студенческая читальня служила намъ какъ-бы клубомъ: здѣсь были выставлены объявленія о сдачѣ студенческихъ

вквартирь, о розыскахъ работы по переводамъ, корректурѣ, репетированію и т. п., о случайной продажѣ книгъ, микроскопа и прочихъ предметовъ студенческаго обихода. Вотъ почему сюда заглядывалъ весьма часто студентъ-бѣднякъ; а таковыхъ въ Академіи было громадное большинство, чуть-ли не 90 % изъ состава первыхъ двухъ курсовъ. Особенно по праздникамъ или по вечерамъ читальня кишѣла народомъ, среди котораго, сознаться нужно, были и не вполнѣ благонадежные (въ смыслѣ полицейскомъ) люди; эти-то посѣтители нерѣдко приносили съ собою подметные листки, incognito оставляли ихъ на столахъ. Молодежь, падкая ко всему запретному, съ жадностью бросалась на эту приманку: студенты первыхъ курсовъ съ захлебываніемъ читали всякія прокламаціи или «воззванія къ молодежи», «къ народу», передавали эти листки другу или уносили ихъ съ собою домой. Такимъ образомъ многіе наивные юноши безсознательно становились разнощиками антиправительственныхъ идей и потому легко попадали подъ надзоръ полиціи; послѣдняя подъ управленіемъ сказочнаго градоначальника *Θ. Θ. Тренова* безпощадно арестовывала студентовъ-меликовъ и нерѣдко сажала многихъ въ Петропавловскую крѣпость, донося объ этомъ начальству Академіи *post factum*.

Сознаться нужно, что конференціи Академіи подъ руководствомъ такихъ администраторовъ, какъ *Я. А. Чистовичъ* и *А. М. Быковъ*, не по силамъ было ни прекращать броженія, ни защищать интересовъ студенчества отъ несправедливыхъ и крайне строгихъ мѣръ полицейскаго надзора. Вслѣдствіе постоянныхъ смутъ и неурядицъ среди учащихся изъ Академіи удалялись ежегодно до 15 % наличнаго числа студентовъ. Такъ, напр., въ 1869 г. было исключено до 200 студентовъ, изъ которыхъ десять молодыхъ людей лишились навсегда высшаго образованія, нѣкоторые погубили свое здоровье и жизнь въ заточеніи и немалое число изъ исключенныхъ студентовъ вступили въ ряды «непримиримыхъ» враговъ администраціи не столько изъ убѣжденій, сколько изъ мести за несправедливыя мѣры взысканія.

Изъ года въ годъ репрессивныя мѣры противъ свободомыслящихъ студентовъ становились все круче, а число исключенныхъ воспитанниковъ изъ Академіи въ 1878 г. превышало 300 человекъ, и

тѣмъ не менѣе возмущенія студентовъ не только не унимались, но достигали небывалыхъ размѣровъ. Тогда начальство Академіи нашло нужнымъ закрыть студенческую читальню навсегда. Такимъ образомъ даже самые благонамѣренные и усердные труженики лишились того единственнаго мѣста собранія, гдѣ они могли удовлетворять своимъ бытовымъ нуждамъ, какъ чтеніе газетъ, журналовъ, пріобрѣтеніе книгъ по дешевой цѣнѣ, оказаніе взаимопомощи товарищамъ и т. п.

Наконецъ, въ 1881 г. неизвѣстные мнѣ реформаторы произвели Медико-Хирургической Академіи ампутацію обѣихъ нижнихъ конечностей: закрыли два первыхъ курса и придали этому лучшему и богатѣйшему разсаднику медицинскихъ знаній въ Россіи узкій специальный характеръ—доставлять арміи и флоту военныхъ лекарей. Съ того времени уровень научныхъ знаній въ нашей *almae matris* сталъ сильно понижаться: руководители молодежи совершенно измѣнили свои традиціи; на знамени многихъ дѣятелей Академіи рисуется лозунгъ: *«наука—средство; карьера — цель!»* Путь къ профессорской каюедрѣ ведетъ теперь ужъ не черезъ лабораторіи и клиники, какъ бывало прежде, а черезъ домашніе входы къ высшимъ начальствующимъ лицамъ или черезъ будуары ихъ женъ. Да и молодежь теперь иная.

Зимой 1890 г., нося уже званіе профессора и будучи временно въ Петербургѣ, я поѣхалъ на Выборгскую сторону осмотрѣть учебныя учрежденія Военно-Медицинской Академіи и, между прочимъ, пошелъ въ Анатомическій Институтъ, гдѣ мнѣ хотѣлось видѣть одного изъ профессоровъ, имѣвшаго свою лабораторію въ этомъ зданіи. Войдя въ шинельную этого совершеннымъ особнякомъ стоящаго зданія Академіи, меня встрѣтилъ тамъ старый служитель — Станиславъ, который когда-то былъ моимъ помощникомъ при производимыхъ мною опытахъ на животныхъ и въ то же время служилъ надзирателемъ за моими экспериментируемыми животными, за что получалъ отъ меня щедрое вознагражденіе. Вотъ почему этотъ Станиславъ меня хорошо помнилъ и при всякой встрѣчѣ въ стѣнахъ Академіи вспоминалъ то время, когда я былъ молодымъ ассистентомъ при клиникѣ и работалъ экспериментально по одному изъ вопросовъ патологіи; вообще говоря, этотъ служитель всегда и всячески выражалъ свое ко мнѣ особенное благоволеніе.

На мой вопрос: можно-ли теперь видѣть профессора *Павлова*?— Станиславъ вызвался послать одного изъ своихъ сподручныхъ служителей въ кабинетъ названнаго профессора узнать объ этомъ, а мнѣ онъ предложилъ пока посидѣть на табуреткѣ—здѣсь же возлѣ того окошечка, къ которому студенты подходятъ сдавать свои шинели на храненіе. Сидѣлъ я тутъ и наблюдалъ за многими десятками входящихъ и уходящихъ студентовъ, на лицахъ которыхъ опытному фizioномисту не трудно было прочесть различныя выраженія внутренняго міра или заботъ. Зоркій глазъ Станислава сейчасъ же подмѣтилъ, что я заинтересовался обычаями и нравами современныхъ студентовъ Академіи.

«Что, ваше в...іе, глядите на теперешнихъ студентовъ?» обратился ко мнѣ Станиславъ. «Правда, не узнаете въ нихъ тѣхъ «выборгскихъ офицеровъ», какіе бывали въ ваше время. Милый баринъ, поглядите, какъ теперь все измѣнилось: развѣ прежде бывало, чтобы студентъ, отправляющійся въ анатомическій театръ работать на трупахъ, былъ одѣтъ такимъ щеголемъ, какъ вы это теперь видите; студенческій мундиръ скроенъ на гвардейскій манеръ, пуговицы блестятъ какъ зеркальца; брюки въ обтяжку и на штрипкахъ, фуражка сидитъ на макушкѣ головы, какъ у прусскаго офицера. Да ко всему этому нынѣшній студентъ весьма спѣсивъ: онъ командуетъ всѣми служителями, требуетъ отъ насъ, чтобы мы его платѣ до входа въ лабораторію чистили щетками. Къ чему это?! Въ теперешнее время прислуживать гг. студентамъ въ Академіи тяжелѣе, нежели гг. офицерамъ въ полку», заключилъ Станиславъ.

Дѣйствительно, въ теченіе четверти часа моего ожиданія въ шинельной, я убѣдился, что внѣшняя фizioномія академическаго студента рѣзко перемѣнилась. Современный студентъ, правда, смотритъ болѣе опрятнымъ, чистенькимъ, аккуратнымъ, съ нѣкоторою воинскою выправкою или лоскомъ свѣтскаго молодого человѣка, тогда какъ прежніе студенты смотрѣли дикарями, пугливыми и застѣнчивыми или просто «чумазыми», какъ называлъ насъ, шутки ради, инспекторъ студентовъ—докторъ медицины *Соколовъ*. Однакожъ теперь, судя по внѣшности и нравамъ современнаго студента Военно-Медицинской Академіи, не трудно предугадать, что многихъ учащихся не столько интересуеетъ наука—содержаніе прослушанной лек-

ция или результатъ произведенныхъ профессоромъ опытовъ,—сколько ихъ занимаетъ блескъ мундира, карьера военного врача въ такомъ-то гвардейскомъ полку, близкое знакомство съ такимъ-то профессоромъ, играющимъ выдающуюся роль въ концертѣ академической конференціи, и т. п. житейскіе вопросы.

Въ наше время такихъ чистенькихъ, такъ сказать, шлифованныхъ студентовъ среди насъ не было; но взамѣнъ этого на каждомъ курсѣ бывало много молодежи, работавшихъ въ лабораторіяхъ до самозабвенія, а въ клиникахъ до самоотверженія. Почти у всѣхъ выдававшихся по рвенію профессоровъ 70-хъ годовъ непосредственными помощниками въ научныхъ изслѣдованіяхъ состояли студенты; такъ, напр., у профессора *Грубера*—студенты *Тареневскій*, *Ермолаевъ*; у проф. *Бородина*—студентъ *Діанинъ*, у проф. *Сычкова*—*Пашутинъ*, *Спиро* и друг.; у проф. *Боткина*—студенты *Солдатовъ*, *Бубновъ* и т. п. Многіе изъ нихъ въ послѣдствіи сами становились сѣтелями чистой науки почти во всѣхъ русскихъ университетахъ, причемъ званіе профессора они получали по своимъ дѣйствительнымъ научнымъ заслугамъ, а не по протекціи сильныхъ, и потому такіе молодые ученые пользовались не только вниманіемъ своихъ слушателей, но и уваженіемъ со стороны общества. Такіе дѣятели, какъ проф. *Покровский* по терапіи, проф. *Ходинъ* по офтальмологіи, проф. *Чирьевъ* по физиологіи въ Кіевѣ; проф. *Лашкевичъ* по терапіи, проф. *Лазаревичъ* по акушерству, проф. *Крыловъ* по патологіи въ Харьковѣ; проф. *Ворошиловъ* по физиологіи, проф. *Ермолаевъ* по анатоміи въ Казани; проф. *Спиро* по физиологіи въ Одессѣ; проф. *П. И. Дьяконовъ* по хирургіи въ Москвѣ—оставили въ исторіи русскихъ медицинскихъ школъ XIX-го вѣка неизгладимые слѣды, ибо они въ свое время съ достоинствомъ подвигали науку впередъ. Всѣ перечисленные мною лица—питомцы Академіи 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Но еще большее число плодотворныхъ дѣятелей земли Русской создала Медико-Хирургическая Академія въ роли врачебныхъ тружениковъ, способныхъ жертвовать собою для блага ближняго, что особенно рѣзко обнаружилось во время Сербско-Турецкой войны, нашей кампаніи противъ турокъ и особенно во время нашихъ эпидемій въ земской практикѣ.

Другимъ мѣриломъ господствующаго научнаго направленія Академіи можетъ служить отчасти содержаніе книгъ и учебниковъ, особенно ходкихъ среди нынѣшнихъ студентовъ Академіи. Для этого совѣтую безпристрастному наблюдателю обратиться въ книжный магазинъ бывш. *Петрова*, помѣщающійся въ территоріи Военно-Медицинской Академіи; тамъ можно видѣть учебники по оперативной хирургіи въ 16—19 печатныхъ страницъ; кратчайшій *Кунце* — по частной патологіи и терапіи — въ 40 страницъ; различные репетиторіи по всеѣмъ отраслямъ медицины, обладающіе двумя важными свойствами: во-первыхъ — быть прочитанными въ теченіе двухъ — трехъ часовъ времени, а, во-вторыхъ, коснуться всеѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть заданы извѣстнымъ экзаменаторомъ по трактуемому предмету медицины. Такого рода учебники (напоминающіе собою школьную книжку *Устрялова* по русской исторіи, отпечатанной въ $\frac{1}{16}$ долю листа и употреблявшейся гимназистами 3-го класса въ 60-хъ годахъ) наврядъ-ли могутъ дать какія ни на-есть знанія по практическимъ отдѣламъ врачебной науки и даже служить конспектомъ такихъ предметовъ, какъ оперативная хирургія, частная патологія и терапія и т. п. Между тѣмъ, эти-то учебники, да разныя записочки, носящія громкое названіе «курсы лекцій», читанныхъ такимъ-то профессоромъ Академіи *N. N.* — составляютъ почти исключительныя учебныя пособія учащихся въ Академіи. Солидные же руководства, какъ русскихъ (весьма рѣдкихъ), такъ и иностранныхъ авторовъ, не имѣютъ хода среди студенчества, несмотря на общедоступность цѣнъ этихъ книгъ.

Я хорошо помню, и это, вѣроятно, подтвердятъ мои сверстники, что въ началѣ 70-хъ годовъ студенты выпускнаго курса Академіи не признавали годными какихъ бы то ни было записокъ въ формѣ литографированнаго курса лекцій; а къ экзаменамъ мы готовились по такимъ пространнымъ учебникамъ или монографіямъ, что собраніе этихъ книгъ понынѣ занимаетъ у меня на квартирѣ полный книжный шкафъ. Напр., по физиологіи мы штудировали руководства: *Германа*, *Дондерса* и *Ціона* — по общей физиологіи; *Фика* въ русскомъ переводѣ *И. Съченова* — по физиологіи зрѣнія; *Съченова* — *Рефлексы головного мозга и его учебникъ «Физиологія нервной системы»*. По хирургіи кромѣ краткаго (впрочемъ въ

500 страниц) руководства *Бильрота*, обязательно было прочитать *Вебера*, *Фолькмана*, *Нуссбаума* и других авторов, помещенных въ обширномъ сборникѣ „*Питы и Бильрота*“, изданномъ Военно-Медицинскимъ Управленіемъ въ количествѣ 23 томовъ. Студентъ, пользовавшійся такими обширными руководствами, какъ только-что названныя, или вродѣ клиническихъ лекцій *Труссо* (въ 4-хъ обширныхъ томахъ), не имѣлъ надобности и помышлять о томъ, чтобы разучивать или, попросту, «зазубрить» одни лишь термины, да признаки трактуемыхъ формъ болѣзней; а приучался мыслить аналитически или разбираться въ сложныхъ функціяхъ челоѣческаго организма, давать должную оцѣнку превалирующимъ патологическимъ явленіямъ и, въ завершеніе своего анализа,—дѣлать логическіе выводы.

Почтенные клиницисты Академіи 60-хъ и 70-хъ годовъ: *Боткинъ*, *Эйхвальдъ*, *Богдановскій*, *Балинскій*, *Тарновскій*, *Юнге* и другіе, на своихъ лекціяхъ увлекали насъ за собою по тому самому пути, по которому они слѣдовали, изучая основы практической медицины въ лучшихъ германскихъ и французскихъ школахъ того времени.

Теперь я много разъ слышалъ изъ устъ студентовъ: «некому въ Академіи увлечь студентовъ прикладными знаніями, и потому молодежь довольствуется лишь удовлетвореніемъ требованій по программамъ курса, чтобы получить дипломъ врача и тогда... *начать* учиться медицинѣ въ больницахъ и госпиталяхъ».

Констатируя эти грустные факты, я далекъ отъ мысли упрекать современную молодежь въ нерадѣніи или въ непочитаніи науки; напротивъ того, я сознаю, что нынѣшняя молодежь самоотверженно ищетъ лучшаго. Что же касается объясненія приведенныхъ фактовъ, то паденіе научнаго уровня нашей *almae matris* есть роковое слѣдствіе тяжелаго порабоженія всесторонней гражданственной жизни нашей родины со стороны бюрократіи: репрессія жизни влечетъ за собою регрессъ во всѣхъ ея функціяхъ, таковъ общій законъ біологіи.

Ницца 5/iv—9/iv 1900 г.

ГЛАВА IV.

Представители кафедръ описательной и практической анатоміи человѣка: проф. *Ф. П. Ландцертъ* и *В. Л. Груберъ*.—Дуализмъ въ конференціи Медико-Хирургической Академіи.—Обстановка старой препаровочной и практическое изученіе анатоміи подъ классическимъ руководствомъ проф. *Грубера*.—Фельдшеръ *Андроновскій* въ роли важнаго агента Груберовской школы.—Характеристика *Грубера*, какъ учителя, человѣка и общественнаго дѣятеля. Профессора *К. Ф. Геннеръ* и *П. Ф. Лесгафтъ*, какъ ближайшіе сотрудники *Грубера*; отношенія послѣдняго къ первымъ своимъ ученикамъ.

 для студентовъ I и II курсовъ Академіи самымъ важнымъ предметомъ была анатомія человѣка, которая преподавалась въ наше время двумя ординарными профессорами и двумя адъюнктами. Главными руководителями въ этомъ основномъ предметѣ медицины были: проф. *Ф. П. Ландцертъ*, читавшій Описательную Анатомію на первомъ курсѣ, и проф. *В. Л. Груберъ*, руководившій практическими занятіями студентовъ второго курса и производившій восемь разъ въ году экзаменъ по отдѣльнымъ анатомическимъ областямъ человѣческаго тѣла.

Какъ первый, такъ и второй преподаватели анатоміи носили нѣмецкія фамиліи; однакожъ они принадлежали къ двумъ противоположнымъ партіямъ, ведшимъ въ то время ожесточенную борьбу въ конференціи Академіи.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ нашей alma matre между представителями науки велась партійная борьба съ такимъ упорствомъ и безтактичностью, что дурныя послѣдствія ея непосредственно отзывались на учащихся, а воспоминанія о несправедливости жрецовъ храма науки рисуются мнѣ въ формѣ безобразнаго нароста на свѣтѣ

ломъ чель молодого красиваго юноши. Вотъ почему теперь при желаніи отдать должную благодарность памяти каждаго изъ своихъ учителей—мысль невольно омрачается тѣми грустными явленіями, которыя служили поводомъ къ раздорамъ членовъ конференціи и, въ результатѣ, создали въ этомъ расадникѣ какую-то плѣсень, разбѣдавшую лучшіе плоды описываемаго питомника ученыхъ и общественныхъ дѣятелей на врачебномъ поприщѣ.

Ф. II. Ландцертъ—уроженецъ Петербургской губерніи и воспитанникъ Академіи, изучалъ анатомію человѣка подъ непосредственнымъ руководствомъ *В. А. Грубера*; съ 1862 г. состоялъ адъюнктъ-профессоромъ кафедры Описательной Анатоміи бывшаго начальника Академіи—проф. *Нарановича*. Ранѣе *Ландцертъ* былъ посланъ за-границу для усовершенствованія въ избранной имъ специальности и постепенно дошелъ до самостоятельной роли профессора Описательной Анатоміи. Какъ только *Ф. II. Ландцертъ* достигъ степени ординарнаго профессора и вышелъ изъ-подъ ферылы патріарха русской школы анатоміи—*Грубера*, такъ между ними возгорѣлась непримиримая вражда. *Груберъ* не признавалъ *Ландцерта* достойнымъ званія анатома, издѣвался надъ его учеными заслугами, считалъ его лекціи по Описательной Анатоміи совершенно бесполезными для учащихся и даже всячески стремился помѣшать его систематическимъ чтеніямъ; напр., не отпускалъ въ должномъ количествѣ труповъ для надобностей проф. *Ф. II. Ландцерта*. Между тѣмъ въ исторіи Медико-Хирургической Академіи мы о дѣятельности *Ландцерта* читаемъ: «Пока онъ оставался только профессоромъ (не секретаремъ конференціи), *Ландцертъ* не подавалъ повода къ недоразумѣніямъ и, какъ талантливый преподаватель, пользовался расположеніемъ и товарищей, и слушателей ¹⁾».

Проф. *А. II. Таренецкій*—самый преданный ученикъ и достойнѣйшій наслѣдникъ *Грубера*, даетъ слѣдующій отзывъ: «*Ландцертъ* обладалъ замѣчательнымъ талантомъ преподаванія: плавная, красивая рѣчь, полное владѣніе русскимъ языкомъ, всегда интерес-

¹⁾ См. «Исторія Импер. Военно-Медицинской Академіи за 100 л.», подъ редакціею проф. *Н. II. Иванова*, стр. 612.

ное и ясное изложеніе — невольно увлекали его слушателей; лекціи его посѣщались всегда охотно, и никогда ему не приходилось жаловаться на пустую аудиторію... — «Открытый и сообщительный характеръ *Ландцерта* приобрѣлъ ему уваженіе большинства его сослуживцевъ; студенты же и врачи любили его и не безъ основанія считали его однимъ изъ лучшихъ лекторовъ въ Академіи» ¹⁾.

Ландцертъ, съ своей стороны, видѣлъ въ *Груберъ* учителя старой, отжившей школы анатоміи; учителя, способнаго изрѣзывать сотни труповъ для того, чтобы вычислить — сколько разъ какая-нибудь *bursa mucosa* (слизистая сумочка) лежитъ *подъ* и сколько разъ *надъ* сухожиліемъ определенной мышцы; или ученаго, посвящающаго цѣлые мѣсяцы подробнѣйшему описанію различныхъ аномалій, вродѣ какого-либо костнаго отростка, встрѣчающагося у человѣка не болѣе трехъ разъ изъ ста труповъ, но наблюдающагося часто у обезьянъ или у слона. По мнѣнію *Ландцерта*, *Груберъ* представлялъ собою образцоваго препаратора, техника, нужнаго для изученія анатоміи, но не профессора-мыслителя, освѣщающаго значеніе каждаго анатомическаго факта въ общей экономіи человѣческаго тѣла. Многочисленные труды *В. Грубера*, печатавшіеся въ нѣмецкихъ журналахъ по анатоміи и въ анналахъ нашей Академіи наукъ, не представляли живого, практическаго интереса для изучающихъ медицину.

Проф. *А. И. Таренецкій* въ своей безпристрастной исторіи описываемой кафедры о характеристикѣ литературныхъ трудовъ *Грубера*, между прочимъ, пишетъ: «Къ сожалѣнію, во второй половинѣ своей профессуры онъ (*Груберъ*) предавался преимущественно мелочнымъ опредѣленіямъ той или другой аномаліи, т. е. изслѣдованіямъ, выводы и значеніе которыхъ остаются пока еще весьма проблематичными» (I. с. стр. 219). «Сочиненія *Грубера* описаны довольно таки тяжелымъ слогомъ и читаются съ трудомъ; изъ боязни пропустить важное, онъ часто впадалъ въ совершенно излишніе мелочи и повторенія; полемическими приѣмами, и часто очень рѣзкими, пореполнены почти всѣ его публикаціи» (I. с. стр. 220).

¹⁾ См. «Кафедра и музей нормальной анатоміи при Импер. Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ». Историческій очеркъ *А. Таренецкаго*. Спб. 1895 г., стр. 132 и 133.

Груберъ былъ родомъ, тѣломъ и душою—австріакъ, прожившій 42 года (1846—1888) въ Россіи и не умѣвшій произносить ни одной связной фразы по-русски: его рѣчь, обращенная къ студенту, представляла собою наборъ нѣмецкихъ словъ, латинскихъ терминовъ и русскихъ союзовъ или предлоговъ. Представляю, для примѣра, образецъ его вопросовъ, обращенныхъ къ экзаменуемому студенту:

«*Herr Orlovъ, sagen-Sie—ubi jacet arteria tibialis antica? Чтѣ нѣ идетъ подъ arcus aortae? Quid musculus перекрещивается cum nervus tibialis anticus?.. Прийдите еще разъ, domine Орловъ, Sie wissen nichts!*»!...

На свѣжаго человѣка подобная рѣчь русскаго профессора въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія вызывала—у однихъ неудержимый смѣхъ, у другихъ—недоразумѣніе, а у третьихъ—чувство крайняго недовольства, такъ какъ уяснить себѣ вопросъ, поставленный *Груберомъ* такимъ тарабарскимъ языкомъ, во многихъ случаяхъ было почти невозможно. Впрочемъ, благодаря сложившимся традиціямъ, студенты въ наше время, снисходя къ своеволію старика, хотя и несогласному съ академическими требованіями, мирились съ этимъ тарабарскимъ діалектомъ. Тѣмъ болѣе, когда студенты убѣдились въ томъ, что вся лекція *Грубера* или, правильнѣе говоря, его демонстрированіе анатомическихъ препаратовъ состояло въ переименованіи извѣстныхъ органовъ, захваченныхъ въ пинцетъ тутъ же предъ глазами слушателей. Затѣмъ намъ всѣмъ стало понятно, что отъ насъ требуется лишь заучить или зазубрить термины, чтобы получить на *Груберовскомъ* экзаменѣ отмѣтку «sufficit» ¹⁾. Студенчество, къ стыду нашему, мирилось съ такимъ способомъ преподаванія самаго основнаго предмета медицины—анатоміи.

Итакъ, профессоръ *Венцелъ Груберъ*, говорившій, мыслившій и писавшій исключительно по-нѣмецки, въ конференціи Академіи причислялся къ русской партіи; а профессоръ *Федоръ Павловичъ Ландцертъ*, воспитывавшійся въ Россіи, владѣвшій русскимъ языкомъ въ совершенствѣ, издавшій свой учебникъ по анатоміи на прекрасномъ русскомъ языкѣ—былъ причисленъ къ такъ называемой нѣмецкой партіи.

¹⁾ Слово латинское, означающее «удовлетворительно».

Что обуславливало существованіе дуализма въ Академіи? Въ чемъ собственно выражалась особенность русской или нѣмецкой партій? Почему профессоръ *Груберъ* примкнулъ къ русской партіи, а *Ландцертъ* — къ нѣмецкой? Къ какимъ результатамъ повелъ дуализмъ въ Академіи?... Отвѣты на всѣ эти вопросы выступать сами собою изъ нижеприведенныхъ повѣствованій академической жизни.

Моя ближайшая задача — очертить дѣятельность каждого изъ двухъ названныхъ профессоровъ въ роляхъ преподавателя и представителя кафедры анатоміи.

Первѣе всего слѣдуетъ указать, что Описательная (макроскопическая) Анатомія человѣка — предметъ, давно уже обстоятельно изслѣдованный и изученный до малѣйшихъ подробностей; вслѣдствіе этого сдѣлать въ этой области какія-либо открытія — весьма трудно, если не сказать невозможно... Такіе усердные анатомическіе копатели, какъ *Генле*, *Луика* и *Гиртль*, давно признали, что въ человѣческомъ тѣлѣ трудно откопать что-либо такое, чего нѣтъ въ классическихъ руководствахъ по Описательной Анатоміи.

Благодаря такимъ особенностямъ занимающаго насъ предмета, и роль профессора, и роль учащагося далеко не блестящія: профессоръ — потому, что приобрести имя авторитета въ этой области новѣйшими открытіями, какъ мы сказали, почти невозможно; учащагося, или роль слушателя, незавидная потому, что изложеніе анатоміи человѣка начинается, собственно, съ описанія и перечисленія разныхъ бугорковъ и отростковъ, отверстій и дырокъ, ямокъ и трещинъ и т. п. мельчайшихъ частей остова нашего тѣла, причемъ каждой изъ названныхъ частей дается опредѣленный латинскій терминъ, который необходимо твердо заучить, дабы припомнить топографическое положеніе на скелетъ данной части. Что же интереснаго, занимательнаго или поучительнаго можетъ вынести слушатель изъ лекцій недюжаго преподавателя анатоміи?!

Груберъ лучше другихъ профессоровъ сознавалъ, что читать и слушать лекціи по анатоміи — весьма скучно и потому онъ намъ лекцій вовсе не читалъ, а прямо экзаменовалъ, требуя отъ студентовъ заучивать и зазубривать катехизисъ анатомическихъ терминовъ по извѣстной системѣ; катехизисъ этотъ, названный студен-

тами «груберистикой», составлялъ собою тощую тетрадку въ 16—32 литографированныя страницы, наполненныя вопросами, вродѣ вышеприведенныхъ, и рядомъ написанными отвѣтами ¹⁾. Безъ знанія этой *груберистики* ни одинъ изъ студентовъ, врачей или докторантовъ не дерзалъ явиться къ экзаменамъ предъ *Груберомъ*, если не желалъ услышать отъ него рокового приговора: „Non sufficit!“ «Приходитъ еще разъ!»

Ф. П. Ландцертъ обладалъ завиднымъ даромъ слова, дававшимъ ему возможность приковывать вниманіе слушателей къ излагаемому предмету. Вступительный курсъ описательной анатоміи онъ излагалъ по особенному плану: не отдѣльныя части скелета или группы мышцъ, либо связочные аппараты, сосуды, нервы онъ описывалъ систематично, а всегда разсматривалъ опредѣленный участокъ тѣла *in toto*. Напр., голову, позвоночникъ, сердце, легкія и т. п. области человѣческаго организма онъ обыкновенно описывалъ какъ нѣчто цѣлое, какъ-бы самостоятельное въ механизмѣ человѣческаго тѣла, причемъ проф. *Ландцертъ* всегда останавливалъ вниманіе слушателей на физиологическомъ значеніи того или другого анатомическаго факта, давъ ему по пути соотвѣтственный терминъ. Кромѣ того *Ландцертъ* прекрасно рисовалъ и чертилъ мѣломъ на доскѣ; благодаря этому умѣнію, мы видѣли, какъ изъ-подъ пальцевъ лектора постепенно выступали на доскѣ тотъ или другой бугорокъ, къ которому прикрѣпляется сухожильная связка, переходящая постепенно въ опредѣленный мускулъ, волокна котораго проходятъ вдоль данной кости въ извѣстномъ направленіи; а результатомъ всѣхъ представленныхъ фактовъ является опредѣленная функція описываемаго органа или части человѣческаго тѣла. Такъ картинно, ясно и занимательно излагать начальную часть Описательной Анатоміи, какъ это производилъ *Ландцертъ*, мы никогда не

¹⁾ Въ исторіи Императорской Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ (см. стр. 516 и 517) о дѣятельности *В. Грубера* между прочимъ сказано: «Собственно лекцій для студентовъ *Груберъ* не читалъ, но практическія занятія организовалъ отлично и внимательно слѣдилъ за работами; требованія на экзаменѣ были обширны и строги... Специально для экзаменовъ *Грубера* существовало неофіціальное изданіе—собраніе вопросовъ и отвѣтовъ по практической анатоміи, именовавшееся студентами «*груберистикой*».

Рис. 4. Ordin. проф. кафедры Описательной Анатомии—
Ф. П. Ландцертъ. (1862—1880).

107
111
115
119
123

127
131

приходилось слышать ни у насъ въ Россіи, ни въ лучшихъ школахъ анатоміи Германіи, Франціи и Англіи.

Конечно, въ европейской медицинской литературѣ можно найти не мало интересно и занимательно изложенныхъ учебниковъ по Описательной Анатоміи человѣка; но занимательныхъ лекторовъ по этому предмету—весьма мало.

Мнѣ приходилось слышать на западѣ отъ многихъ профессоровъ анатоміи, что маэстромъ этого дѣла былъ знаменитый *Іосифъ Гиртль*, который дѣйствительно увлекалъ всѣхъ слушателей на своихъ лекціяхъ по Описательной Анатоміи въ Вѣнѣ. Къ сожалѣнію, этотъ талантъ *Гиртля* не былъ переданъ его ученику—*Груберу*, который унаслѣдовалъ отъ него лишь безпредѣльную любовь къ трудному дѣлу и искусство заготовлять анатомическіе препараты.

Ф. П. Ландиертз же, напротивъ того, былъ анатомъ-художникъ и мыслитель. Помимо этихъ качествъ проф. *Ландиертз*, преподавая анатомію, какъ чисто научный предметъ, никогда не упускалъ изъ виду ни степени подготовки своихъ слушателей, ни назначенія своей кафедры. Вотъ почему, касаясь мимоходомъ эмбриологіи, онъ не вдавался въ недоступныя для насъ—студентовъ перваго курса—подробности исторіи развитія даннаго органа, а указывалъ лишь основы зародышеваго органа и импульсы его жизни, имѣвшіе послѣдствіемъ появленіе органа въ такомъ именно видѣ и въ такомъ точно опредѣленномъ мѣстѣ человеческого тѣла. Далѣе, исходя изъ той точки зрѣнія, что анатомію онъ преподаетъ студентамъ медицины, а не ученымъ біологамъ, *Ландиертз* попутно всегда останавливалъ вниманіе слушателей на практическомъ значеніи того или другого анатомическаго факта; онъ, такъ сказать, иллюстрировалъ научные выводы анатоміи практическими потребностями врача, причемъ онъ никогда не выходилъ изъ роли преподавателя Описательной Анатоміи.

По окончаніи теоретической части лекціи *Ф. П. Ландиертз* обыкновенно демонстрировалъ слушателямъ анатомическіе препараты, тщательно обработанные имъ самимъ или его ассистентомъ—*д-ромъ Львомъ Ивановскимъ*. Вообще говоря, эти препараты были настолько демонстративны и поучительны, что многіе изъ нихъ со-

хранились въ моей памяти и понынѣ. Напр., прекрасные препараты среднего и внутренняго уха человѣка; препараты тазобедреннаго и локтевого суставовъ и т. п. Но и тутъ опять-таки проявлялся характеръ *Ландиерта*: онъ смотрѣлъ на анатомическій препаратъ глазами врача, а не какого-либо кунстмейстера анатомическаго музея. *Ландиертъ* отъ студентовъ требовалъ дѣйствительныхъ званій строгія человѣческаго тѣла, а не умѣнья готовить красивые препараты, пригодные для храненія въ музеѣ, какъ это практиковалось въ обширныхъ размѣрахъ при каюедрѣ проф. *Грубера*. Наконецъ, прекрасный даръ слова *Ф. П. Ландиерта* способствовалъ тому, что слушаніе теоретическихъ лекцій по анатоміи не утомляло нашего вниманія.

Несмотря на указанныя дарованія и завидныя качества, какъ преподавателя анатоміи (не говорю „ученаго“ анатома, ибо его ученыхъ анатомическихъ изслѣдованій мнѣ никогда не приходилось читать),—качества, которыя и недругами его за нимъ признавались, *Ландиертъ*, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ сослуживцевъ—членовъ конференціи Академіи—встрѣчалъ непримиримыхъ враговъ, стремившихся подкладывать ему подводные камни на каждомъ шагѣ его преподавательской карьеры.

Такъ, „въ засѣданіи 16-го декабря 1867 г.—пишетъ проф. *Косоротовъ*, обсуждались достоинства кандидата на занятіе профессуры Описательной Анатоміи—д-ра *Ландиерта*; ожидались горячіе споры. Явился и *Дубовицкій* ¹⁾. Онъ молчалъ нѣкоторое время, но когда было заявлено нежеланіе допустить *Ландиерта* къ баллотировкѣ, *Дубовицкій* вмѣшался и сказалъ, что по закону такіе вопросы могутъ быть рѣшены не иначе, какъ баллотировкой. Въ отвѣтъ на это проф. *Хлѣбниковъ* замѣтилъ, что *Дубовицкій* не членъ конференціи и потому не можетъ входить въ сужденіе по предмету избранія въ профессора“ ²⁾.

Этотъ историческій фактъ указываетъ, что далеко, далеко еще до-избранія *Ландиерта* въ секретари конференціи нѣкоторые

¹⁾ *Дубовицкій* былъ самымъ полезнымъ начальникомъ Академіи и реформаторомъ ея научныхъ силъ; въ описываемый нами періодъ онъ состоялъ въ должности Главнаго Военно-Медицинскаго Инспектора.

²⁾ См. *«Исторію Императорской Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ»*, стр. 585.

члены послѣдней его травили. Еще рѣзче это выразилось при баллотированіи вопроса объ оставленіи *Ландиерта* профессоромъ еще на пятилѣтіе по окончаніи 25-лѣтней службы. Благодаря весьма неблаговиднымъ интригамъ, достигшимъ своего апогея въ 1880 году, *Ландиертъ*—вполнѣ бодрый и энергичный представитель науки—былъ выброшенъ за бортъ того корабля, въ которомъ онъ принялъ свое крещеніе медика, служилъ вѣрой и правдой жрецомъ науки,—и даже нѣкоторое время носилъ обязанности одного изъ рулевыхъ этого корабля. *Ландиертъ* въ самое смутное время Академіи состоялъ ученымъ секретаремъ конференціи, что требовало тогда и такта, и терпѣнія, и настойчивости опытного рулевого. Этихъ-то качествъ проф. *Косоротовъ*, въ роли историка нашей Академіи, за *Ландиертомъ* не признаетъ.

Представитель второй каедры анатоміи—проф. *Венцель Груберъ*, напротивъ того, пользовался особеннымъ расположеніемъ не только со стороны большинства членовъ конференціи, но и со стороны высшаго начальства Академіи, до военного министра—графа *Милютина*—включительно. Проф. *Груберъ* служилъ въ Академіи 42 года и не въ примѣръ всѣмъ прочимъ преподавателямъ—вышелъ въ отставку съ усиленной пенсіей въ 5000 рублей, съ правомъ полученія ея за границею, со званіемъ заслуженнаго профессора и почетнаго члена Военно-Медицинской Академіи для того, чтобы выѣхать въ свой Vaterland и тамъ воздвигнуть себѣ рукотворный памятникъ русскаго анатома.

Проф. *Груберъ*, по способу веденія своихъ научныхъ изслѣдованій, по своей безграничной любви къ избранной имъ специальности—анатоміи и, наконецъ, по образу жизни какъ въ стѣнахъ Академіи, такъ и внѣ ея—былъ какой-то феноменъ своего вѣка.

Впервые ознакомился я съ дѣятельностью этого сказочнаго профессора, когда онъ работалъ еще въ ветхомъ, низкомъ, деревянномъ баракѣ, называвшемся „анатомическимъ театромъ“. Анатомическую лабораторію или „препаровочную студентовъ“ представлялъ деревянный, узкій и длинный (саженей 8—10) амбаръ, изрѣзанный съ трехъ сторонъ окнами, а съ четвертой—широкою дверью (см. рис. 6). Поперечно установленные въ немъ столы одними концами упирались почти въ самыя окна, вслѣдствіе чего у студен-

товъ, занимавшихся препаровкою холодныхъ труповъ въ такомъ помѣщеніи, въ которомъ вѣтеръ разгуливалъ какъ на палубѣ морского судна, не только руки, но и спины коченѣли. Вотъ почему проф. *Груберъ* являлся предъ слушателями обыкновенно въ овчинной шубѣ, длинныхъ, теплыхъ мокроступахъ и въ какомъ-то особенномъ, нахлобученномъ на головѣ картузѣ; большіе очки въ черной оправѣ и неизмѣнная многодымная свгара во рту дополняли его внушительный видъ. Впереди входившаго профессора шествовалъ полупьяный служитель-солдатъ, державшій въ одной рукѣ двѣ—три стеариновые зажженные свѣчи (безъ подсвѣчниковъ), а въ другой—ящикъ со скальпелями и пинцетами—инструментами, потребными для препарованія; далѣе, по обѣимъ сторонамъ *Грубера* сопровождали его прозекторы: *Ермолаевъ* и *Тареневскій*, а непосредственно за профессоромъ слѣдовалъ фельдшеръ, знаменитый *Андроновскій*, неся подъ мышкою длинную книгу, напоминавшую собою какой-то древній фоліантъ. Въ эту-то книгу „житій всѣхъ мучениковъ груберистики“ вносились фамилія и имя каждого студента или вообще занимающагося практической анатоміей; каждому изъ работающихъ отведено было въ этой книгѣ девять графъ, куда *Груберъ* собственноручно вносилъ отмѣтки, указывавшія: сколько разъ данный студентъ не находился на-лицо у предназначеннаго ему препарата во время обхода препаровочной проф. *Груберомъ*, что происходило въ 4 часа пополудни и въ 8 часовъ вечера; далѣе—какіе препараты были сданы (всѣхъ препаратовъ полагалось восемь); какія познанія обнаруживалъ студентъ при экзаменѣ по каждому изъ препаратовъ; сколько разъ данный студентъ получалъ переэкзаменовки, что выражалось отмѣтками: *non sufficit*, *maximum non sufficit* и *maximum non sufficit* (подчеркнуто); наконецъ, послѣдняя графа предъ фамиліей каждого студента выполнялась общимъ выводомъ *maximum sufficit* либо *sufficit*, либо *sufficit* съ вопросомъ (?) или *non sufficit*. Всѣ эти тонкія градаціи при оцѣнкѣ нашихъ знаній и всякія другія мелочи *Груберовскаго* журнала врѣзались въ памяти каждого изъ насъ весьма рельефно потому, что безотчетный страхъ и невольный трепетъ охватывали того, предъ фамиліей котораго оставалось перо *Грубера* въ этомъ журналѣ (см. рис. 7). Нѣкоторое представленіе о виѣшности этого феноменальнаго экза-

Рис. 5а. Внѣшній видъ стараго Анатомическаго Института
подъ руководствомъ проф. В. Л. Грубера въ 1869 г.

Рис. 5б. Внутренній видъ «препаровочной» Анатомическаго
Института Медико-Хирургической Академіи въ 1869 г.

натора можно получить по прилагаемому при семъ рисунку, изображающему *Грубера* въ моментъ внесенія имъ отмѣтки только что проэкзаменовавшемуся студенту.

Итакъ, читатель, представьте себѣ картину: полумракъ въ многолюдной, смрадной, накуренной, холодной залѣ, установленной 16 препаровочными столами (см. рис. 5), вокругъ каждого не менѣе восьми студентовъ со скальпелями и пинцетами въ рукахъ и папиросами въ зубахъ, чтобы табачнымъ дымомъ отбить нестерпимый запахъ полусгнившаго препарата. Среди этого муравейника копошившейся молодежи вы видите, какъ двигается высокая фигура *Грубера*, въ сопровожденіи описаннаго штата его сподвижниковъ, одѣтыхъ въ какіе-то сальные фартуки и хламиды. При обходѣ столовъ и при перекличкѣ именъ студентовъ, упорный взоръ *Грубера* изъ-подъ большихъ очковъ пронизываетъ каждого изъ отозвавшихся, затѣмъ посмотреть на препаратъ, въ большинствѣ случаевъ краснорѣчиво промолчить съ язвительной улыбкой на устахъ, а въ исключительныхъ случаяхъ онъ пробормочетъ что-то по-нѣмецки ближайшему прозектору. Вблизи стоящіе студенты замкнутымъ кольцомъ окружаютъ этого феномена-учителя, стараясь заглянуть въ его зловѣщую книгу-журналъ. Затѣмъ профессоръ присядетъ у одного изъ столовъ, возьметъ у служителя скальпель и пинцетъ и нѣсколькими ловкими взмахами ножа отсепарируетъ артистически группу мышцъ, сосуды, нервы и фасціи; переименовавъ обваженные органы, онъ предложитъ студенту продолжать препаровку въ такомъ же видѣ и этимъ закончить свой урокъ.

Я полагаю, что немного требуется фантазіи для того, чтобы только что описанную картину признать за сцену изъ временъ *Андреаса Везалія*, жившаго въ XVI вѣкѣ и изучавшаго анатомію въ подземельи на трупахъ осужденныхъ преступниковъ.

На меня лично въ то время весь *modus vivendi* Груберовской лабораторіи производилъ впечатлѣніе чего-то сказочнаго; самъ патріархъ этого царства мертвыхъ тѣлъ и руководитель кипучей молодежи рисовался мнѣ какимъ-то черноморомъ, внушавшимъ страхъ тѣмъ, кто приступалъ къ изученію такой чистой науки, какъ анатомія человѣка. Но въ то же время *modus faciendi* *Грубера* вселилъ въ насъ какое-то безотчетное чувство уваженія къ

нему, какъ къ истому жрецу этой науки, предававшемуся ей и тѣломъ и душой (см. рис. 6).

И дѣйствительно, сколько требуется самопожертвованія, любви къ дѣлу, жизненной энергіи и, наконецъ, отшельничества, чтобы 42 года подрядъ проводить цѣлые дни и большую часть ночи въ сырной атмосферѣ разлагающихся труповъ и съ неугасаемымъ пыломъ пролжгать свои принудительные приемы педагогики, съ цѣлью заставить студентовъ Академіи изучать этотъ предметъ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ онъ, *Груберъ*, считалъ это необходимымъ. Шутка-ли сказать: десять тысячъ русскихъ врачей прошли его школу анатоміи и, слѣдовательно, 80.000 экзаменовъ произвелъ на своемъ вѣку этотъ настойчивый и строгій, но справедливый учитель.

Правда, многіе изъ экзаменовавшихся у *Грубера* не одобряли его системы изученія анатоміи; но наврядъ-ли кто-либо изъ провадившихся на экзаменѣ упрекнетъ *Грубера* въ пристрастія къ кому бы то ни было изъ учащихся.

Въ характерѣ *Грубера* проглядывало сочетаніе двухъ противоположныхъ направленій: въ наукѣ онъ былъ свободомыслящій либераль, пока свободомысліе не касалось его авторитетнаго имени; если кто-либо изъ врачей не соглашался съ его (*Груберовскимъ*) мнѣніемъ по какому бы то ни было вопросу анатоміи, то онъ говорилъ: «Schreiben Sie nur das, was Sie sagen, dann bekommen Sie moralische Nahe» (Осмѣльтесь только объ этомъ заявить въ литературѣ и вы получите нравственныя пощечины).—Свободомысліе его выражалось между прочимъ въ томъ, что онъ позволялъ себѣ въ присутствіи толпы студентовъ высказывать свои неодобрительные отзывы о нѣкоторыхъ профессорахъ и даже о высшемъ начальствѣ.

Груберъ первый допускалъ женщинъ въ препаровочную заниматься анатоміею въ то время, когда по существовавшимъ тогда законоположеніямъ Академіи это было запрещено. *Грубери* приходилось неоднократно жаловаться военному министру—графу *Милютину* на то, что полицейскіе агенты градоначальника *О. О. Тренова* слишкомъ часто навѣщаютъ анатомическій институтъ, отыскаютъ его (директора института) отъ дѣла и этимъ мѣшаютъ ему заниматься своими научными изслѣдованіями.

Нужно было видѣть величественную, гордо выступающую фи-

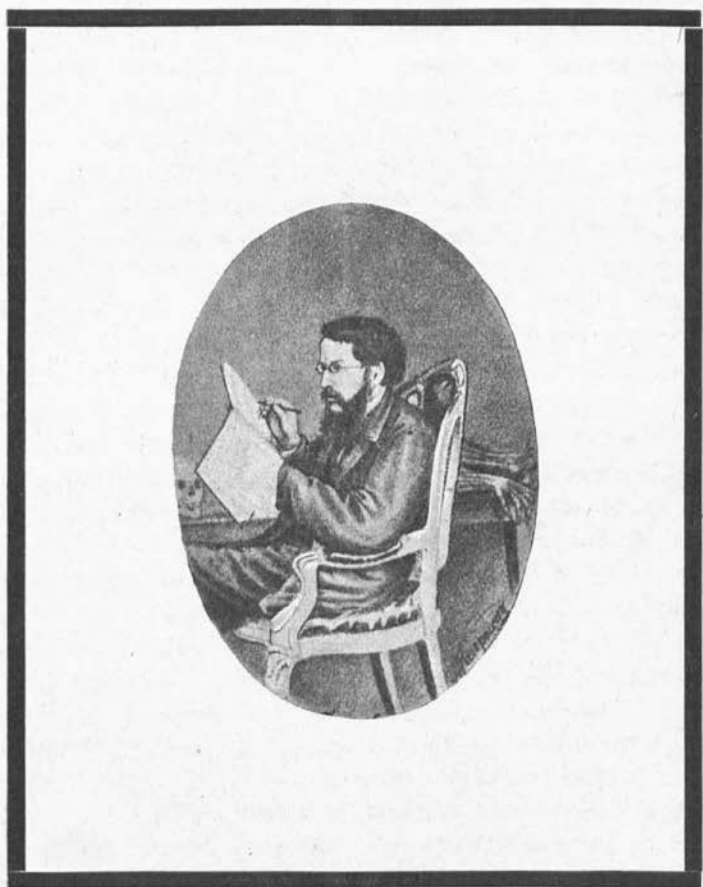

Рис. 6. *В. Д. Грубер*—ордин. проф. кафедры Практической
Анатомии (Спб. 1846—1888 г.).

туру старика *Грубера*, въ клеенчатомъ фартукѣ, со скальпелемъ въ рукахъ, у анатомическаго стола, разговаривающимъ съ полицейскимъ полковникомъ, одѣтымъ въ блестящей формѣ, чрезъ посредство своего прозектора *А. И. Таренеукаго*, игравшаго роль переводчика, такъ какъ полковникъ докладывалъ полицейскія требованія по-русски, а *Груберъ* ему отвѣчалъ по-нѣмецки; — нужно было видѣть эту сцену, чтобы дѣйствительно признать за послѣднимъ право господства и неограниченной власти въ этомъ учрежденіи.

Подобная очная ставка полицейскаго агента съ директоромъ анатомическаго института обыкновенно кончалась тѣмъ, что *Груберъ* скажетъ «Lassen sie dem Herrn General Trepoff sagen, dass ich selbst hier Minister des Innern bin!..»¹⁾). И женщины попрежнему продолжали работать въ препаровочной анатомическаго института *Грубера*.

Приведу еще другой примѣръ изъ жизни *Грубера*, характеризующій его какъ либерала и деспота одновременно. — У него въ анатомическомъ институтѣ работалъ воспитанникъ военно-фельдшерской школы, нѣкій *Андрановскій* въ роли препаратора. Благодаря строгой дисциплинѣ Груберовскаго режима, этому младшему фельдшеру приходилось работать въ анатомическомъ театрѣ съ 8 часовъ утра до 10 часовъ ночи; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго труда *Андрановскій* выработалъ изъ себя искуснаго препаратора, настолько изучившаго все премудрости груберистики, что къ нему часто обращались студенты и врачи съ просьбою продемонстрировать рядъ препаратовъ съ цѣлью приготовить ихъ къ сдачѣ экзаменовъ за особую плату. Въ описываемое мною время этотъ *Андрановскій* былъ правою рукою *Грубера*: онъ завѣдывалъ выдачею и приѣмкою препаратовъ, готовилъ препараты для лекцій *Грубера*, смотрѣлъ за хозяйственною частью института и, главное, подъ его надзоромъ находилась и „книга житій“ студентовъ или, попросту сказать, журналъ отбѣтокъ *Грубера*. — При такой многосложной работѣ вполнѣ естественно, что *Андрановскій*, кромѣ умѣнія препарировать и знанія анатомическихъ терминовъ, никакихъ другихъ медицинскихъ познаній приобрести не могъ; поэтому онъ многократно проваливался на экзаменѣ въ фельдшерской школѣ и диплома

¹⁾ «Передайте генералу Трепову, что здѣсь я самъ министръ внутреннихъ дѣлъ».

на званіе старшаго фельдшера получить не могъ. — Тогда онъ прибѣгъ за помощью къ проф. *Груберу* и въ весьма оригинальной формѣ: *Андрановскій* заявилъ проф. *Груберу*, что онъ отказывается отъ денежной награды, каковая ему ежегодно выдавалась къ праздникамъ, но взаменъ этого желаетъ получить дипломъ на званіе класснаго фельдшера; въ противномъ случаѣ онъ, *Андрановскій*, вынужденъ будетъ отказаться отъ почетной должности препаратора.

Проф. *Груберъ*¹⁾, обыкновенно весьма рѣдко посѣщавшій засѣданія конференціи, на сей разъ рѣшается явиться въ конференцъ-залу и предъ собраніемъ своихъ ученыхъ коллегъ выступаетъ съ жалобой на то, что Медико-Хирургическая Академія, несмотря на его 30-лѣтнюю тяжелую службу по кафедрѣ анатоміи, не цѣнитъ достоюлжнмъ образомъ его научныхъ заслугъ и лишаетъ его возможности имѣть достойныхъ сотрудниковъ, способствующихъ его преподавательской дѣятельности, ибо неоднократныя попытки его препаратора — *Андрановскаго* — получить степень старшаго фельдшера понынѣ не увѣнчались успѣхомъ. Въ виду этого онъ заявляетъ, что если Академія не позаботится о томъ, чтобы *Андрановскому* было дано званіе старшаго фельдшера ex causa honoris, то онъ, проф. *Груберъ*, совмѣстно съ *Андрановскимъ* оставитъ службу при Академіи.

Не знаю, насколько доводы проф. *Грубера* были убѣдительны для гг. членовъ Академіи и насколько требованія того же проф. *Грубера* были обязательны для педагоговъ военно-фельдшерской школы, но знаю результатъ ходатайства *Грубера*: *Андрановскій* въ скоромъ времени получилъ право носить офицерскіе погоны, что несомнѣнно связано съ полученіемъ званія класснаго фельдшера.

И теперь я живо вспоминаю ликованіе препаровочной, когда *Андрановскій* впервые появился въ вицъ-мундирѣ офицерскаго покроя, при шпагѣ, съ кокардою на околышѣ военной фуражки и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Ликовала препаровочная постольку, поскольку

¹⁾ Ниже приведенные эпизоды изъ жизни анатомической препаровочной суть лишь воспоминанія о циркулировавшихъ среди студентовъ того времени разсказахъ, характеризующихъ *Грубера*, какъ человека чрезвычайно настойчиваго въ своихъ требованіяхъ и какъ начальника безпощадно строгаго къ своимъ подчиненнымъ.

производство *Андрановскаго* въ классные чиновники доказывало всесильную власть *Грубера*. Очевидно, что деспотическая настойчивость нѣмецкаго *Schulmeister*'а восторжествовала надъ законными требованіями русскаго учебнаго заведенія.

Прошло два—три года; прежній тщедущный и пришибленный фельдшеръ *Андрановскій* преобразился въ дороднаго класснаго чиновника съ солиднымъ брюшкомъ и горделивой осанкой. Вскорѣ онъ обзавелся семьею, открылъ у себя въ прилично обставленной квартирѣ приемы больныхъ и сталъ смотрѣть на врачей и прозекторовъ института сверху внизъ, ибо онъ пользовался у *Грубера* извѣстнымъ влияніемъ. «Его слово, повременамъ, имѣло у профессора большее значеніе, чѣмъ справедливыя желанія и требованія прозекторовъ», пишетъ *А. И. Таренецкій* (1. с. стр. 243).—Профессоръ *Груберъ* въ душѣ, быть можетъ, и радовался благосостоянію своего любимца *Андрановскаго*, но только до поры, до времени.

Стряслась надъ *Андрановскимъ* немилость *Грубера*; и эта немилость загнала труженика въ чахотку, сведшую его въ могилу. Поводомъ же къ столь рѣзкой перемѣнѣ отношеній *Грубера* къ своему протежѣ послужилъ слѣдующій эпизодъ.

Андрановскій, какъ я уже упомянулъ, завѣдывалъ раздачею частей трупа для приготовленія препаратовъ. Строгая дисциплина *Груберовскаго* режима требовала, чтобы каждый трупъ вносился въ особенную книгу, куда вписывались и анатомическія части, розданныя учащимся для препарированія. По этимъ записямъ директоръ анатомическаго института имѣлъ возможность контролировать расходы своего неоцѣнимаго матеріала.—Тѣмъ не менѣе шустрому *Андрановскому* удавалось неоднократно отпускать студентамъ или женщинамъ, изучавшимъ практическую анатомію, части трупа и даже цѣлый трупъ безъ вѣдома гг. прозекторовъ и проф. *Грубера*. Обыкновенно отъ получавшаго такую контрабанду *Андрановскій* взымалъ денежную мзду, доходившую до 8 руб. за трупъ.

Студенты рассказывали, что въ одинъ изъ зимнихъ морозныхъ дней полиція доставила директору анатомическаго института мужскіе половые органы, найденные на одной изъ улицъ Петербурга, лежавшей по сю сторону Невы, т. е. вдали отъ препаровочной, съ сопровожденіемъ полицейскаго протокола, доказывавшаго, что эти

анатомическія части составляютъ собственность препаровочной, откуда онѣ унесены были, якобы, одной изъ женщинъ (?), работавшихъ въ препаровочной проф. *Грубера* ¹⁾. Директоръ института немедленно приступилъ самолично къ строжайшему разслѣдованію этого позорнаго обвиненія и прежде всего добивался узнать — съ какого трупа были вырѣзаны найденные половые органы. Послѣ самой тщательной провѣрки всѣхъ препаратовъ *Груберъ* убѣдился, что одинъ мужской трупъ былъ выданъ практикантамъ безъ вѣдома директора института и не былъ внесенъ въ расходную книгу, за что *Андрановскому* было отпущено тутъ же нѣсколько ударовъ палкою; но когда *Груберъ* впослѣдствіи узналъ, что за запретную выдачу трупа *Андрановскій* вималъ отъ учащихся денежную плату, то онъ возгорѣлъ къ своему возлюбленному исчадію безмѣрною злобою.

Хотя самое тщательное изслѣдованіе этого дѣла въ стѣнахъ анатомическаго института не могло открыть виновника этой гнусной операціи надъ трупомъ и казалось менѣе всего правдоподобнымъ высказанное полиціей подозрѣніе на женщинъ, изучавшихъ Практическую Анатомію ²⁾, — почтенный патріархъ царства мертвыхъ не могъ не признать самаго факта нахожденія анатомическаго препарата на улицѣ весьма позорнымъ для своего учрежденія. Вотъ почему съ того времени зоркіе глаза *Грубера* стали подмѣчать въ дѣйствіяхъ *Андрановскаго* весьма неблагоприятные поступки. Постоянные попреки, выговоры и нерѣдко ругань со стороны *Грубера* довели *Андрановскаго* до чрезмѣрнаго пьянства, что было для него легко доступно, такъ какъ спиртъ въ изобиліи находился постоянно подъ рукою препаратора.

¹⁾ Большинство работавшихъ въ институтѣ относилось съ недовѣріемъ къ этимъ слухамъ; другія же, болѣе освѣдомленные лица видѣли въ этой выходкѣ провокацію полицейскихъ сыщиковъ, относившихся весьма враждебно къ *Груберовскому* институту и особенно злобно ко тѣмъ женщинамъ, которыя практически работали въ анатомическомъ театрѣ.

²⁾ Въ то время когда этотъ эпизодъ имѣлъ мѣсто, у *Грубера* работали всего пять женщинъ-акушеровъ и имѣли на рукахъ дѣтскій трупики, доставленные же полиціею половые органы были срѣзаны съ мужского трупа взрослого человѣка; слѣдовательно, очевидно, что эти женщины не причастны были къ тому трупу, котораго умышленно изуродовали съ злокозненнымъ цѣлюю.

Рис. 8. *К. Ф. Геймеръ*—бывшій прозекторъ кафедры Практической Анатоміи, умершій экстра-ордин. проф. кафедры Операт. Хирургіи (1862—1874).

Дальнѣйшая судьба *Андрановскаго* представилась весьма печальною: *Груберъ* послѣ долгихъ колебаній и предупрежденій прогналъ его со службы при анатомическомъ институтѣ, и такъ какъ ни къ какому другому дѣлу онъ не былъ способенъ, то вкорѣ крайняя нищета совмѣстно съ непрерывнымъ пьянствомъ довели *Андрановскаго* до чахотки, отъ которой онъ и умеръ въ одной изъ терапевтическихъ клиникъ Академіи, гдѣ студенты собрали между собою маленькую сумму денегъ, чтобы достойнымъ образомъ похоронить этого печальнаго труженика.

Вообще говоря, *Груберъ* былъ человекъ весьма крутого нрава и неуживчиваго характера; рѣдко кто изъ его сотрудниковъ разставался съ его школою, не вызывая непріязни со стороны принципала учрежденія. Таковы были профессора *Ландцертъ*, *Геннеръ* и *Лесгафтъ*.

Отношенія *Грубера* къ *Ландцарту*, я полагаю, достаточно выяснились изъ вышеприведенныхъ фактовъ. Сообщу кое-что о послѣднихъ двухъ — *Геннеръ* и *Лесгафтъ*.

Въ описываемое мною время *К. Ф. Геннеръ* состоялъ въ должности адъюнктъ-профессора и съ 1869 г. онъ читалъ отдѣлъ описательной анатоміи въ аудиторіи проф. *Ландцерта*; позднѣе, въ 1870 и 1871 гг. *К. Ф. Геннеръ*, (см. рис. 8), въ званіи экстраординарнаго профессора, занималъ самостоятельную кафедру по оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею. Аудиторія проф. *Геннера* была всегда многолюдна и особенно посѣщалась тѣми студентами, которые смотрѣли на свои обязанности прямолинейно, а не сквозь очки партійныхъ дрызгъ академической конференціи.

Какъ воспитанникъ Академіи, получившій весьма солидную анатомическую подготовку въ суровой школѣ *Грубера*, гдѣ онъ десять лѣтъ состоялъ первымъ прозекторомъ анатомическаго института, *Геннеръ* излагалъ свой предметъ научно, наглядно и поучительно; онъ обладалъ весьма искусною рукою при рисованіи на доскѣ и при выполненіи нѣкоторыхъ операцій на трупѣ. Зная всѣ тонкости *Груберовской* анатоміи, *Геннеръ* возымѣлъ благуя мысль перевести на русскій языкъ краткое руководство по анатоміи *Гюфмана* и приноровить его къ требованіямъ *Грубера*. По этому руководству учились анатоміи, или, правильнѣе, зазубривали анатомическіе тер-

мины многія сотни студентовъ Академіи, сдававшіе вполне успѣшно экзамены у *Грубера*.

Геннеръ не былъ одаренъ природою блестящими дарованіями, но благодаря трудолюбію, рвенію къ наукѣ и весьма солиднымъ теоретическимъ познаніямъ, почерпнутымъ имъ въ лучшихъ заграничныхъ школахъ того времени, онъ выработалъ изъ себя вполне солиднаго хирурга.

Во время Франко-Германской войны 1870 г. *Геннеръ* принималъ дѣятельное участіе въ роли самостоятельнаго полевого хирурга въ рядахъ нѣмецкихъ войскъ; а по возвращеніи въ Петербургъ обнародовалъ весьма интересныя «*Военно-хирургическія наблюденія*», по которымъ видно, что авторъ съ пользою для больныхъ примѣнялъ свои анатомическія познанія къ потребностямъ практической хирургіи.

Затѣмъ *К. Ф. Геннеръ* сталъ работать въ должности ординатора-хирурга въ Петербургской Маріинской больницѣ, гдѣ неоднократно производилъ успѣшныя пластическія операціи, которыя онъ обнародовалъ въ русской и иностранной литературѣ. Такимъ образомъ *Геннеръ* вполне заслуженно приобрѣлъ себѣ въ наукѣ почетное мѣсто среди современныхъ ему хирурговъ.—Въ лучшихъ руководствахъ по оперативной хирургіи 70-хъ годовъ, какъ напримѣръ въ сочиненіяхъ *Malgaigne*, *Le Fort*, *Linhart'a* и другихъ изъ числа русскихъ авторовъ—имя *Геннера* встрѣчается чуть-ли не на первомъ мѣстѣ послѣ *Н. Н. Пирогова*.

Успѣхи *Геннера* на хирургическомъ поприщѣ служили проф. *Грубери* главнымъ доказательствомъ тому, что его ученикъ отказался отъ анатоміи *per se* и добывается хирургической каеэдры. Это вполне естественное стремленіе *Геннера* вызвало крайне непріятное отношеніе со стороны *Грубера*; послѣдній, при оцѣнкѣ трудовъ *Геннера*, какъ кандидата на каеэдру оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею, высказался, что *Геннеръ* недостойнъ названной каеэдры, ибо онъ анатомію зналъ лишь до тѣхъ поръ, пока работалъ въ его (*Груберовской*) школѣ.—Далѣе, непріязнь *Грубера* къ проф. *Геннеру* доходила до того, что первый не отпускалъ труповъ для лекцій второго.

Наконецъ, когда *К. Ф. Геннеръ*, два года спустя послѣ

Рис. 7. *Ал-дръ Ив. Таренецкій*—бывшій прозекторъ каеэды
Практической Анатоміи, умершій въ 1905 г. въ званіи началь-
ника Императорской Военно-Медицинской Академіи.

утвержденія въ должности профессора по кафедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею, внезапно умеръ отъ разрыва сердца чуть-ли не въ аудиторіи, тогда всѣ члены Академіи безъ различія партій, собрались въ церковь почтить прахъ своего честнаго и достойнаго сотоварища; одинъ лишь проф. *Груберъ* не удостоилъ его своимъ послѣднимъ «прости».

Признаться, мнѣ, какъ обыкновенному смертному, такая безпредѣльная неприязнь учителя къ своему достойному ученику, представляется совершенно непонятною и во всякомъ случаѣ несомѣстимою со званіемъ истаго жреца науки, какимъ въ Академіи величали *В. Л. Грубера*.

Третій профессоръ анатоміи, прошедшій школу *Грубера*, былъ *Петръ Франциовичъ Лесгафтъ*, имя котораго весьма популярно среди современной интеллигенціи Петербурга.— Я впервые увидѣлъ весьма скромнаго *П. Ф. Лесгафта* въ 1872 г. за студенческимъ микроскопическимъ столомъ въ лабораторіи проф. *М. М. Гуднева*, у котораго эксъ-проф. *Лесгафтъ* совмѣстно со студентами высшихъ курсовъ изучалъ патологическую гистологию и весьма усердно посѣщалъ вечернія занятія по практической микроскопіи. Уже въ то время *Петръ Франциовичъ* представлялся весьма солиднымъ мужемъ съ окладистой черной бородой съ просѣдью, съ весьма выразительнымъ лбомъ и умными глазами; онъ слылъ тогда лучшимъ анатомомъ русской медицинской школы.

Будучи ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ описательной анатоміи въ Казанскомъ университетѣ, строптивый *П. Ф. Лесгафтъ* не убоился въ засѣданіи университетскаго Совѣта уличить свое прямое начальство въ неблаговидныхъ административныхъ поступкахъ, за что онъ былъ уволенъ изъ университета безъ прошенія по «третьему пункту». Удаленный изъ университета съ „волчьимъ паспортомъ“, бѣдный ученый *Лесгафтъ* прибылъ въ Петербургъ; здѣсь онъ обратился за помощью къ своему старому учителю — проф. *Груберу*, который послѣ настойчивыхъ ходатайствъ, представилъ эксъ-профессору *Лесгафту* постъ второго прозектора при анатомическомъ институтѣ въ Академіи.

Замѣтимъ, насколько *Груберъ* не любилъ читать лекцій и не признавалъ нужнымъ устно излагать студентамъ что-либо по ана-

томіи, настолько *П. Ф. Лесгафтъ*, напротивъ того, любилъ собирать вокругъ себя толпу слушателей, состоявшихъ изъ студентовъ, вольныхъ слушательницъ-женщинъ (въ изобиліи) и пожилыхъ военныхъ врачей, готовившихся къ экзамену на степень доктора медицины, и строго систематично излагалъ какой-либо отдѣлъ анатоміи человѣка. Нужно отдать ему справедливость, на этихъ лекціяхъ *Лесгафтъ* въ роли необязательнаго лектора какъ-то невольно самъ увлекался трактуемымъ предметомъ и вслѣдъ за собою увлекалъ почти всю аудиторію.

Я помню, какъ *Лесгафтскія* лекціи по анатоміи головного мозга, составлявшего самый трудно-усвояемый отдѣлъ *Груберовскаго* экзамена, приводили всѣхъ слушателей въ восторгъ. Кромѣ того, *Лесгафтъ* любилъ и умѣлъ препарировать: представленные имъ на лекціяхъ препараты были дѣйствительно иллюстраціями его теоретическаго изложенія предмета.—*Лесгафтъ*, какъ стоявшій на кафедрѣ самостоятельно, понималъ роль ученаго анатома болѣе широко, нежели *Schulmeister Груберъ*; такъ напр., *Лесгафтъ* не ограничивалъ своего поля знаній одною лишь макроскопическою анатоміею, но онъ стремился изучить гистологію и эмбриологію, чтобы на основаніи фактовъ изъ исторіи развитія человѣческаго организма объяснить тѣ или другія уклоненія нашего тѣла.

Наконецъ, оригинальныя изслѣдованія *Лесгафта* по вопросу о топографіи желудка во-очію доказали несостоятельность нашихъ анатомическихъ познаній, почерпнутыхъ лишь на секціонномъ столѣ.

До *Лесгафта* лучшіе англійскіе, французскіе и нѣмецкіе анатомы (какъ: *Эллисъ*, *Кэнъ*, *Крювелье*, *Сиппэ*, *Тилло*, *Гиртль* и друг.) учили, что нормальный желудокъ человѣка своимъ длиннымъ діаметромъ помѣщается поперечно такъ, что входъ въ желудокъ обращенъ влѣво—къ селезенкѣ, а выходъ вправо—къ печени. *Лесгафтъ* впервые опровергъ этотъ ошибочный взглядъ и доказалъ, что у живого человѣка желудокъ помѣщается отвѣсно, т. е. дно желудка обращено влѣво—къ селезенкѣ, малая кривизна обращена вправо—къ печени, а входъ и выходъ желудка лежатъ по одной почти отвѣсной сверху внизъ линіи. Освѣщеніе такого факта изъ обыденныхъ, такъ сказать, повседневныхъ наблюденій анатома говоритъ за то, что *Лесгафтъ* не только препарировалъ или ана-

томировалъ человѣческое тѣло, но въ анатоміи искалъ часто рѣшенія жизненныхъ вопросовъ. Короче, *Лесгафтъ* былъ не профессиональный *Secirschulmeister*, а анатомъ-мыслитель.

Казалось бы, что для пользы студентовъ Медико-Хирургической Академіи и ради славы того учрежденія, во главѣ котораго стоялъ престарѣлый проф. *Груберъ*, послѣдній долженъ былъ дорожить такимъ сотрудникомъ и ученымъ анатомомъ, какъ *П. Ф. Лесгафтъ*. Ничуть не бывало. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ весьма тяжелой ректорской работы и незавидной роли „излишней спицы въ колесахъ“, эксъ-профес. *Лесгафтъ* вынужденъ былъ навсегда покинуть анатомическій институтъ Военно-Медицинской Академіи и направить свои природныя способности на совершенно новое для него поприще — поприще народнаго воспитателя и общественнаго просвѣтителя.

Предоставляю безпристрастному историку русской биологической науки сравнить — насколько плоды, возросшіе на нивѣ русской интеллигенціи трудами *П. Ф. Лесгафта*, оказались болѣе или менѣе благотворными, нежели таковыя, сѣянные въ Академіи профес. *Груберомъ* въ теченіе сорока лѣтъ. Замѣтимъ лишь, что *П. Ф. Лесгафтъ*, не покладая понынѣ своего плуга, въ теченіе 40-лѣтней бурной и тяжелой работы, едва обезпечилъ себѣ кусокъ хлѣба; тогда какъ *Груберъ*, по смерти своей въ Вѣнѣ, оставилъ крупный капиталецъ въ 150 тысячъ русскихъ рублей.

Ницца 8—15. IV. 1900 г.

ГЛАВА V.

Лекціи по ботаникѣ въ Медико-Хирургической Академіи и комическая сторона повѣрочнаго испытанія по этому предмету. Безполезная трата времени и средствъ на преподаваніе естественно-историческихъ наукъ въ Академіи и на медицинскихъ факультетахъ нашихъ университетовъ. Нѣкоторыя мысли по поводу недостаточной подготовки воспитанниковъ классическихъ гимназій къ изученію медицинскихъ наукъ.

Выше описанными представителями трехъ основныхъ каедръ—физиологіи, химіи и анатоміи—исчерпывается собственно тотъ научный запасъ свѣдѣній, который нами приобрѣтался во вспомогательныхъ двухъ курсахъ Академіи и давалъ намъ право славать, такъ назыв., «полулекарскій экзамень». Правда, намъ еще читали длинный рядъ лекцій по естественнымъ наукамъ, какъ-то: по ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и по физикѣ; но воспоминанія о лекторахъ, о содержаніи самыхъ лекцій и, еще болѣе, о формѣ экзамена по этимъ предметамъ, вызываютъ смѣхъ и досаду за безплодно потраченное время. Поэтому я, признаться, неохотно приступаю къ запечатлѣнію этихъ воспоминаній на бумагѣ. Но, принимая во вниманіе интересы учащихся медицинѣ и не теряя надежды видѣть со временемъ раціональныя реформы въ программахъ предметовъ медицинскаго факультета, я считаю полезнымъ указать здѣсь на нѣкоторые пробѣлы въ преподаваніи вспомогательныхъ наукъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ.

Ботанику намъ читалъ проф. *Мерклингъ*—бывшій садовникъ дворца великой княгини *Елены Павловны*; онъ излагалъ свои лекціи по тетрадкѣ, написанной варварскимъ языкомъ. Образцомъ его рѣчи можетъ служить выраженіе: «растеніе состоитъ изъ клѣточекъ, какъ каменная стѣна изъ кирпичей»; кромѣ того онъ

показывалъ кое-какія сушенныя растенія, причемъ довольствовался тѣмъ, что каждое растеніе окрестить опредѣленнымъ латинскимъ терминомъ. При такомъ способѣ преподаванія ботаники вовсе неудивительно, что аудиторія проф. *Мерклина* пустовала: обыкновенно его лекціи посѣщали нѣсколько человекъ (не болѣе десятка изъ курса въ 200 человекъ студентовъ), записывавшихъ кое-что изъ его лекцій для составленія литографированныхъ записокъ, имѣвшихъ сбытъ только во время экзаменовъ. А производство экзаменовъ по предмету проф. *Мерклина* напоминало собою нѣкоторыя сцены изъ водевиля «Школьный учитель».

По ботаникѣ, минералогіи, зоологіи и сравнительной анатоміи экзамены совершались почти одинаковымъ манеромъ: студенты собирались въ просторную, амфитеатромъ расположенную, аудиторію, въ которой за длиннымъ столомъ сидѣли: экзаменаторъ, его ассистентъ (представитель другой каедры того же вспомогательнаго курса) и, изрѣдка, инспекторъ студентовъ. Профессоръ вызывалъ въ алфавитномъ порядкѣ трехъ—четырехъ студентовъ заразъ и предлагалъ имъ выбрать по одному изъ номеровъ или билетовъ вопросной программы; затѣмъ онъ предоставлялъ нѣсколько минутъ времени обдумать отвѣтъ на предстоящіе вопросы. Тутъ-то и начинается комическая сторона дѣла: въ то время, когда экзаменаторъ расспрашивалъ одного изъ экзаменовавшихся, прочіе студенты, получившіе билеты, преспокойно выходили въ боковыя, подъ амфитеатромъ, помѣщенія, и тамъ свободно прочитывали полученный вопросъ по краткому конспекту лекцій. Прочитавшіе подходили къ экзаменаціонному столу и устно передавали лишь только-что прочитанное въ запискахъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ экзаменаторъ довольствовался такого рода отвѣтомъ. Но чуть только профессоръ вздумалъ уклониться въ сторону отъ даннаго вопроса, какъ въ аудиторіи подымался шумъ, говоръ, движеніе и иного рода выраженіе неудовольствія; затѣмъ изъ толпы слышится ропотъ противъ строгихъ требованій на экзаменѣ по такому для медика побочному предмету, какъ ботаника или минералогія. А если экзаменаторъ только вздумаетъ выставить кому-либо изъ экзаменовавшихся отмѣтку «неудовлетворительно», тогда вся аудиторія въ лицѣ 150 и болѣе студентовъ заявляла, что при такихъ условіяхъ они не же-

даютъ экзаменоваться. Начинаются переговоры между инспекторомъ студентовъ, экзаменаторомъ и ассистентомъ съ одной стороны, и толпою студентовъ—съ другой. Никакія уговариванія, просьбы и угрозы со стороны первыхъ ни къ чему не ведутъ—всѣ студенты уходятъ изъ аудиторіи и ставятъ категорически ультиматумъ:

«Пока «провалившемуся» товарищу не будетъ выставлено удовлетворительной отмѣтки, до тѣхъ поръ никто изъ студентовъ не явится къ экзамену!»

Въ такихъ случаяхъ ассистентъ экзаменатора обыкновенно принималъ на себя роль мирового: онъ, бывало, выходилъ къ студентамъ съ просьбою прекратить «скандалъ» и возвратиться въ аудиторію, совѣтуя повнимательнѣе прочитывать отвѣтъ на полученные вопросы, общалъ впредь не допустить экзаменатора «рѣзать» кого-либо изъ экзаменовавшихся. Получивъ такое общаніе, толпа соглашается возвратиться въ аудиторію. Такимъ образомъ результаты экзаменовъ по ботаникѣ, минералогіи, зоологіи и сравнительной анатоміи всегда были удовлетворителенъ для всѣхъ экзаменовавшихся, несмотря на то, что въ наше время рѣдко кто изъ студентовъ Академіи дѣйствительно изучалъ или даже просто подготавливался къ экзамену по названнымъ предметамъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ, повторявшихся въ Академіи изъ года въ годъ, очевидно, что студенты-медики не сознавали нужнымъ или считали невозможнымъ приобрѣтать въ Академіи какія ни на есть свѣдѣнія по основнымъ біологическимъ наукамъ.

Слѣдуетъ припомнить, что рассматриваемый нами періодъ—начало 70-хъ годовъ—былъ наиболѣе благоприятнымъ временемъ естественно-историческаго направленія учащихся. Тогда въ русской журналистикѣ подвизались весьма талантливые популяризаторы естественныхъ наукъ: проф. *Н. П. Вагнеръ*, *И. М. Сиченовъ*, *Д. И. Писаревъ* и мн. др. Казалось бы, что юноши должны были съ охотою изучать естествознаніе. Между тѣмъ мы въ Академіи видѣли со стороны учащихся такое явное пренебреженіе къ ботаникѣ, зоологіи, минералогіи, сравнительной анатоміи. Разяснить это прискорбное явленіе въ жизни учащихся медицинѣ и указать на средство къ его устраненію—я нахожу нужнымъ и умѣстнымъ

въ виду того, что и на современныхъ медицинскихъ факультетахъ изученіе естественно-историческихъ наукъ въ такомъ видѣ, какъ онѣ преподаются въ нашихъ университетахъ, составляетъ тяжелую обиду для студентовъ и излишній балластъ для медика.

При обсужденіи этого вопроса слѣдуетъ первѣе всего принять во вниманіе, что на медицинскомъ факультетѣ число обязательныхъ предметовъ изъ года въ годъ увеличивается и оно превосходитъ вдвое или болѣе числа предметовъ, изучаемыхъ на другихъ факультетахъ. Шутка-ли сказать: кандидатъ на полученіе званія лекаря обязанъ сдать экзаменъ по 32 предметамъ. Уже вслѣдствіе такого чрезмѣрнаго количества преподаваемыхъ предметовъ, качество познаній учащихся вполне естественно должно понижаться. Студенту-медику, хоть бы самому способному и усердному, немыслимо въ теченіе двухъ учебныхъ лѣтъ (точнѣе говоря, 14 учебныхъ мѣсяцевъ) изучить 6 - 8 біологическихъ наукъ, требующихъ для усвоиванія ихъ законовъ не только заучиваній многихъ названій, терминовъ и фактовъ, но еще личныхъ наблюденій, что дается лишь путемъ практическихъ упражненій въ различныхъ научныхъ методахъ изслѣдованій. Поэтому слушатели первыхъ двухъ курсовъ медицинского факультета обыкновенно усердно занимаются лишь тѣми предметами, которые имѣютъ непосредственное примѣненіе въ медицинѣ. Само собою разумѣется, что анатомія и физиологія человѣка должны лечь въ основу изученія всѣхъ отраслей врачебныхъ наукъ; химія, особенно специальная (медицинская) химія, служить важнымъ подспорьемъ при распознаваніи клиническихъ картинъ различныхъ заболѣваній; гистологія и бактеріологія равнымъ образомъ должны быть признаны подспорьями для точныхъ изслѣдованій патологическихъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ человѣческомъ организмѣ. Слѣдовательно, благомыслящій студентъ-медикъ, заглядывающій въ свое близкое будущее, хотя-нѣхотя сосредоточиваетъ свое вниманіе на серьезномъ изученіи пяти обширныхъ наукъ: анатоміи, физиологіи, химіи, гистологіи и бактеріологіи.

Предположимъ, что каждый изъ перечисленныхъ предметовъ требуетъ отъ учащагося, по меньшей мѣрѣ, 6 недѣльныхъ часовъ работы въ лабораторіи или секціонной залѣ; стало быть, на всѣ

пять предметовъ потребуется 30 *) недѣльныхъ часовъ практическихъ упражненій, безъ чего, повторяю, серьезное изученіе біологической науки немыслимо. Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе, что на первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета ежедневно читаются теоретическія лекціи 30—36 часовъ. Слѣдовательно, усердному студенту-медику, ограничивающему свои познанія цикломъ естественно-историческихъ наукъ, имѣющихъ непосредственное примѣненіе къ практической медицинѣ, приходится обязательно работать въ стѣнахъ Академіи или университета отъ 10—12 часовъ ежедневно. Къ этому числу рабочихъ часовъ слѣдуетъ еще прибавить часа два, по меньшей мѣрѣ, на домашнее чтеніе книгъ или монографій по изучаемымъ предметамъ. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ сопоставленій видно, что на долю юноши, проходящаго лишь чрезъ преддверье медицинскаго образованія, выпадаетъ 14-часовой ежедневный умственный трудъ.

Спрашивается: резонно-ли требовать отъ такого студента еще заучиваній терминовъ по ботаникѣ, минералогіи, зоологіи и сравнительной анатоміи?—Откуда ему позаимствовать еще нѣсколько часовъ въ сутки на изученіе физики, фармаціи и т. п. предметовъ?—Способенъ-ли мозгъ 18-лѣтняго юноши воспринимать такой непосильный умственный трудъ?—Я полагаю, что на всѣ поставленные нами вопросы можетъ послѣдовать одинъ лишь отвѣтъ: <Non multa, sed multum>!

Помимо недостатка времени, самый способъ преподаванія естественныхъ наукъ для студентовъ-медиковъ понынѣ ведется крайне нераціонально. Въ университетахъ зоологію, ботанику, минералогію неорганическую химію и физику преподають профессора физико-математическаго факультета, т. е. лица, быть можетъ, весьма почтенные представители избранныхъ ими спеціальностей, но ничего общаго съ *практическою медициною* не имѣющія. Поэтому содержаніе лекцій для медиковъ по вышеназваннымъ предметамъ составляетъ преимущественно систематическій сборникъ научныхъ названій предметовъ всѣхъ трехъ царствъ природы, съ краткимъ ука-

*) Это предположенное число часовъ есть минимальное, ибо одна практическая анатомія поглощала у многихъ изъ насъ не менѣе 24 часъ въ недѣлю.

заніємъ отличительныхъ морфологическихъ свойствъ описываемаго индивидуума. Неоднократно мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что тотъ отдѣлъ науки, который служилъ темою для диссертациіи или вопросомъ спеціального изслѣдованія преподавателю-естественнику, излагался студентамъ-медикамъ болѣе обширно и обстоятельнѣе прочихъ отдѣловъ той же науки. Напримѣръ, одинъ профессоръ зоологіи требовалъ отъ студентовъ-медиковъ весьма обстоятельныхъ знаній по отдѣлу «*о глистахъ*», а другой профессоръ зоологіи въ томъ же университетѣ считалъ «гвоздемъ» своихъ лекцій—отдѣлъ «*о жесткрылыхъ*»; первый писалъ свою диссертацию по исторіи развитія глисть, а другой—о какихъ-то хлѣбныхъ жучкахъ. Одинъ изъ профессоровъ ботаники считалъ для медиковъ необходимымъ знать орнографію водорослей и дробянокъ, составляющихъ основаніе бактериологіи; другой, напротивъ того, налагалъ на систематику различныхъ цѣлебныхъ травъ, корней и корневищъ. И тотъ, и другой ботаникъ побуждали студентовъ-медиковъ заучивать голые факты или зазубривать пустыя названія.

Смѣю увѣрить своихъ товарищей—экзаменаторовъ по ботаникѣ, что въ головѣ студента-медика V-го курса отъ прибрѣтенныхъ имъ во II-мъ курсѣ знаній остался лишь одинъ туманъ. Въ виду этого не могу не согласиться съ мнѣніемъ студентовъ-медиковъ, утверждавшихъ, что преподаваніе вышеуказанныхъ предметовъ естествознанія составляетъ лишь излишній балластъ того перегруженного судна, которое именуется мозгомъ полудекаря.

Предчувствую, что сторонники раціональной медицины, какъ науки, прочитавшіе высказанное заключеніе, могутъ мнѣ возразить, что съ выключеніемъ естественно-историческихъ наукъ изъ программы медицинскаго факультета, медицина потеряетъ значеніе науки и станетъ опять профессією или ремесломъ, какимъ она была 150 лѣтъ тому назадъ. — „Этого-ли вы желаете?“

Ничуть! Напротивъ того,—я лично признаю взглядъ родоначальника раціональнаго направленія медицины—Джона Гѵнтера († 1793 г.) понынѣ непоколебимымъ. Названный учитель ¹⁾ требовалъ изучать медицину какъ отрасль животной экономіи. Но,

¹⁾ См. *John Hunter Observations on certain parts of the animal economy*. London. 1787 г.

именно въ виду необходимости построить все зданіе—медицину—на біологической почвѣ, слѣдуетъ, во-первыхъ, допустить юношей къ изученію этой отрасли знанія не иначе, какъ съ запасомъ свѣдѣній по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и физикѣ въ размѣрѣ нынѣшнихъ программъ полулекарскаго экзамена; во-вторыхъ, съ устраненіемъ преподаванія этихъ основныхъ началъ естественныхъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ представится возможность расширить практическое изученіе физиологіи, медицинской химіи и физики, экспериментальной патологіи въ теченіе двухъ первыхъ курсовъ. Тогда только студентъ, вступивши въ клиники съ опредѣленнымъ запасомъ прикладныхъ свѣдѣній по біологіи и сталкиваясь на каждомъ шагу съ вопросами, тѣсно связанными съ біологическими науками, невольно будетъ искать въ лабораторныхъ изслѣдованіяхъ объясненій тѣмъ явленіямъ, которыя онъ наблюдаетъ въ организмѣ человека.

Я вышелъ бы изъ роли бытописца, если бы остановился здѣсь еще на вопросѣ—гдѣ пріобрѣтать юношѣ первоначальныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ? Приведу лишь нѣсколько фактовъ, доказывающихъ несостоятельность нашихъ классическихъ гимназій для молодежи, посвящающей изученію медицины.—Въ 70-мъ году въ Медико-Хирургическую Академію поступило 12 человекъ окончившихъ курсъ естественнаго факультета со званіемъ кандидата и одинъ даже со степенью магистра естественныхъ наукъ. Очевидно, что аттестатъ зрѣлости не удовлетворялъ этихъ 12 юношей, желавшихъ стать раціональными медиками, и потому они должны были посвятить еще 4 года университетскаго образованія для пріобрѣтенія твердыхъ основъ біологическихъ наукъ. Самыми производительными студентами на нашихъ высшихъ курсахъ были указанные кандидаты естественнаго факультета или лица, получившія среднее образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ или въ реальныхъ училищахъ. Я помню какъ нѣкоторые воспитанники 3-й Петербургской гимназіи, состоявшей въ 70-хъ годахъ подъ управленіемъ извѣстнаго директора *Лимоніуса*, отличавшагося весьма строго классическимъ направленіемъ, никакъ не могли усвоить себѣ самыхъ простыхъ математическихъ формулъ, объясняющихъ физическіе законы преломляемости лучей свѣта или распредѣленія звуковыхъ волнъ. Эти ярые классики, гордившіеся

тѣмъ, что нѣкоторые ихъ товарищи, будучи въ 7-мъ классѣ 3-й Петербургской гимназіи, произносили на актѣ публично рѣчи на латинскомъ діалектѣ, лишены были возможности читать по-русски нѣкоторые медицинскія книги (какъ-то: руководства по физиологіи *Fick'a*, *Wundt'a* и другихъ подобныхъ авторовъ), лишь потому, что въ нихъ разъясненіе нѣкоторыхъ отдѣловъ физиологіи трактовалось съ математическими выкладками. Между тѣмъ ни одному изъ насъ (800 человѣкъ студентовъ-медиковъ) не встрѣчалось надобности читать какое ни-на-есть сочиненіе на латинскомъ языкѣ.

Кромѣ того, воспитанники классическихъ гимназій съ большимъ трудомъ вырабатываютъ въ себѣ способность подмѣчать особенности сродныхъ явленій, останавливать свое вниманіе на болѣ существенныхъ проявленіяхъ органическихъ функцій; словомъ, наблюдать окружающую ихъ природу. А изученіе клинической медицины безъ сказанной способности дается очень трудно. По моему мнѣнію, классическое образованіе вырабатываетъ въ учащемся воспримчивость или, такъ сказать, *емкость* ума (*Capacität*), тогда какъ реальныя науки способствуютъ развитію производительности ума (*Productivität*). Благодаря первому свойству ума, человѣкъ пріобрѣтаетъ самыя разностороннія свѣдѣнія, а благодаря второму—способность извлекать изъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній нѣчто свое—самодѣльное и самостоятельное (*Н. И. Пироговъ*).—На какомъ бы поприщѣ медицины ни работалъ врачъ, отъ него прежде всего и чаще всего жизнь требуетъ производительности, т. е. того, что продуцируетъ его самостоятельный умъ.

Таковы были мои взгляды на значеніе классическаго направленія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ еще 30 лѣтъ тому назадъ. Теперь только, съ переменю идеаловъ нашей государственной жизни обнаруживается, что многіе руководители учащейся молодежи медицинскихъ факультетовъ признали въ классическомъ обученіи юношества непроизводительную трату умственной эмоціи.—Многіе врачи не безъ удовольствія читали въ 1900 году постановленіе конференціи Военно-Медицинской Академіи о томъ, чтобы предъ высшимъ начальствомъ неходатайствовать право воспитанникамъ реальныхъ училищъ поступать въ число студентовъ

Медицинской Академіи и при приѣмахъ вообще довольствоваться знаніемъ латинскаго языка въ размѣрѣ программы первыхъ трехъ классовъ.

Такъ какъ предполагавшаяся реформа осуществилась на дѣлѣ, то не трудно будетъ тѣмъ же рациональнымъ реформаторамъ приступать къ преобразованію программъ преподаваемыхъ предметовъ въ Военно-Медицинской Академіи, — а за нею, надѣмся, послѣдуютъ и медицинскіе факультеты.

Берлинъ 15/ix—24/ix 1900.

ГЛАВА VI.

Заботы студента III-го курса Медико-Хирургической Академіи.—Нѣсколько словъ о казенной стипендіи.—Эволюціонный періодъ одной изъ піонерокъ высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Студенческая квартира у псковской мѣщанки въ Петербургѣ.—Студентъ въ роли ментора молодой дѣвушки, готовящейся вступить на высшіе женскіе курсы.—Хроническій голодъ азотистой пищи у студентовъ-медиковъ.—«Голь на выдумки хитра».

Съ переходомъ со второго курса на третій у студента Медико-Хирургической Академіи вся внутрѣнная жизнь, да, пожалуй, и внѣшность рѣзко измѣнялись. Какъ-то вдругъ, какъ-бы неожиданно, исчезли прежнія безпечность, индифферентность къ житейскимъ невзгодамъ, а вмѣсто этого выступали заботы о болѣе цѣлесообразномъ устройствѣ своего учебнаго времени. Уже въ самомъ началѣ осенняго полугодія многіе изъ насъ призадумывались надъ вопросами: какъ-бы устроить свою жизнь такъ, чтобы не гоняться за дешевыми уроками и не жертвовать лучшихъ часовъ дня на домашнее обученіе избалованныхъ барчуковъ или на репетированіе отставшихъ гимназистовъ?—Какъ-бы поселиться на Выборгской или на Петербургской сторонѣ вблизи учебныхъ учрежденій Академіи, чтобы съ наименьшею тратою времени и силъ ежедневно посѣщать клиники и лабораторіи? Не разумнѣе-ли будетъ записаться въ число казенныхъ стипендіатовъ, чтобы досужное время всецѣло посвящать изученію медицины и самообразованію...

Умѣстно будетъ указать, что въ наше время частныхъ и казенныхъ стипендій въ Медико-Хирургической Академіи было столько свободныхъ, что студентамъ высшихъ трехъ курсовъ, при удовлетворительныхъ успѣхахъ и благоуравіи, начальство почти никогда

не отказывало въ выдачѣ казенной стипендіи. Скажу еще болѣе: при назначеніи казенныхъ стипендій конференція Академіи смотрѣла на это благое дѣло настолько либерально, что она не отказывала въ выдачѣ казенной стипендіи даже католикамъ и іудеямъ. Для полученія стипендіи отъ студента требовались лишь удовлетворительные баллы на полудекарскомъ экзаменѣ и обязательство — прослужить въ военномъ вѣдомствѣ по окончаніи курса медицинскихъ наукъ за годъ стипендіи 1½ года въ званіи врача.

Нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба среди насъ было слишкомъ много; богатыхъ же студентовъ въ Академіи, напротивъ того, вовсе не было. И при такихъ условіяхъ тогдашняя голодающая молодежь Академіи все-таки весьма неохотно записывалась въ казенные стипендіаты, чтобы избѣгнуть будущей «обязательной» службы.

Неволя, что говорить, всякому тяжела; а 20-лѣтнему молодому человѣку, выросшему на нивѣ русскаго крѣпостничества, эта неволя или «обязательство служить» гдѣ-либо за Байкаломъ или по Амуру, въ Камчаткѣ или на Сахалинѣ—уже представлялась настоящею каторгою. «Die Noth bricht Eisen!» — «Нужда желѣзо ломаетъ», гласитъ нѣмецкая поговорка. Нужда и голодъ все-таки заставляли многихъ изъ насъ разрѣшать Гамлетовскій вопросъ: «To be, or not to be!» казеннокоштнымъ стипендіатомъ Медико-Хирургической Академіи?!

Въ то время, повторыя, подача прошенія на имя начальника Академіи въ большинствѣ случаевъ увѣнчивалась полнымъ успѣхомъ, и вышепоставленный вопросъ разрѣшался очень легко. Въ число такихъ студентовъ, вынужденныхъ стать казеннымъ стипендіатомъ, пришлось и мнѣ поступить осенью 187* года, благодаря особенно неблагоприятно для меня сложившимся обстоятельствамъ. Помимо обычной студенческой нужды одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ такого рѣшенія были еще и заботы о родной сестрѣ. Мои заботы о томъ, чтобы предоставить молодой дѣвушкѣ возможность стать въ ряды первыхъ пионерокъ высшаго женскаго образованія, хотя и осуществились полнымъ успѣхомъ, но впослѣдствіи имѣли немало-важное вліяніе на теченіе моей студенческой жизни въ Академіи, и, весьма вѣроятно, онѣ отозвались и на моемъ міросозерцаніи всей

послѣдующей жизни. Въ видахъ этого я считаю нужнымъ познать читателя съ обстановкою моей домашней жизни въ теченіе первыхъ лѣтъ моего академическаго студенчества.

При отъѣздѣ моемъ изъ мѣста родины въ Петербургъ, я подъ строгимъ надзоромъ матери оставилъ свою любимую 17-лѣтнюю сестру—Дашу, рисовавшуюся тогда въ моемъ воображеніи идеальною дѣвушкою, достойною стать въ ряды пионерокъ прогрессирующаго женскаго вопроса.

Она была чрезвычайно скромна, проста, почтительна къ родителямъ, трудолюбива и милостива. Отъ жизни она требовала очень мало и часто довольствовалась самою скромною ролью помощницы хозяйки бѣдной семьи. Чтеніе современныхъ беллетристическихъ журналовъ и особенно полемическихъ статей *Писарева*, *Антоновича*, *Жуковского* и другихъ или бесѣды съ братомъ о прочитанномъ, о задачахъ современной учащейся молодежи, о сочувствіи студенчества къ женскому вопросу и т. п. обмѣнъ мыслей доставляли этой 17-лѣтней дѣвушкѣ полное нравственное удовлетвореніе. Ко мнѣ Даша относилась заботливо, довѣрчиво, дружелюбно; но выраженія особенной привязанности ко мнѣ,—какъ къ ближайшему изъ братьевъ,—она не выказывала. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что эта сестра ищетъ во мнѣ своего ментора, руководителя, отъ котораго она надѣется получить возможность зажить иную жизнь—жизнью труженицы на пользу человѣчества. Эта младшая изъ моихъ трехъ сестеръ получила въ домѣ наименѣе достойное образованіе. По недостатку средствъ родители лишили Дарію даже гимназическаго воспитанія: едва она прошла первые три класса, какъ мать стала требовать отъ нея уборки комнатъ, мойки половъ, стирки бѣлья и т. п. домашней работы, отнимавшей у бѣдной дѣвушки весь досугъ ея. При такихъ условіяхъ Даріи приходилось учиться подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ „чему нибудь и какъ-нибудь“.

Если принять во вниманіе, что разница въ нашихъ возрастахъ была всего въ 4—5 лѣтъ, то читателю представится вполне естественнымъ мое желаніе дѣлиться своими познаніями и особенно литературными впечатлѣніями со своею любимою сестричкою. Въ моей памяти и понынѣ живы воспоминанія о томъ, съ какимъ

восторгомъ и увлеченіемъ 13-лѣтня Даша зачитывалась стихотвореніями *Лермонтова*, *Пушкина*, повѣстями *Гоголя*, *Тургенева* и т. п. твореніями нашихъ классиковъ.

Нѣсколько лѣтъ позже, вѣроятно, въ годъ моего выѣзда изъ родины въ Петербургъ, когда я съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за текущею журналистикою, тогда моя сестричка зачитывалась статьями тогдашнихъ литературныхъ корифеевъ, горячо ратовавшихъ за право женщинъ получать высшее образованіе наравнѣ съ мужчинами. Сестра Дарія вполне сочувствовала этимъ новымъ вѣяніямъ, а я инстинктивно поддерживалъ въ ней стремленіе выработать изъ себя женщину-труженицу, способную жертвовать своими личными интересами ради блага человечества и прогресса. При такомъ образѣ мыслей, въ дружески-братскихъ бесѣдахъ съ сестрою о предстоящей мнѣ новой жизни въ столицѣ я чувствовалъ, какъ душа ея рвется туда, гдѣ все свободное, новое и полезное бьетъ ключемъ, гдѣ наука доступна и женщинѣ, жаждущей стать производительнымъ членомъ общества и государства.

Какъ-то разъ за вечернимъ чайнымъ столомъ мать меня спросила, думаю-ли я на каникулахъ пріѣзжать домой! Отъ этихъ словъ на глазахъ у Даріи заблестѣли двѣ крупныя слезинки. Дабы нѣсколько утѣшить грустившую сестру, я, на вопросъ матери, отвѣтилъ полшутя, полусерьезно: „Не возвращусь къ вамъ раньше, чѣмъ пріобрѣту отъ васъ, мамаша, обѣщаніе отпустить со мною въ Питеръ учиться Дашу и пока не буду располагать денежными средствами настолько, чтобы осуществить это стремленіе на дѣлѣ“.

Экспромптѣмъ данный завѣтъ какъ-то невольно сталъ одной изъ ближайшихъ задачъ въ началѣ моего студенчества въ Академіи. Побуждало меня къ тому и то обстоятельство, что въ то время открылись при Академіи первые курсы „ученыхъ акушеровъ“, составлявшіе собственно зачатокъ будущихъ «Женскихъ Врачебныхъ Курсовъ». Мнѣ приходилось встрѣчать многихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя весьма энергично проводили въ жизнь идеи равноправности обоихъ половъ на высшее образованіе, — идеи, составлявшія завѣтныя мечты моей сестры Даріи.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ моего петербургскаго студен-

чества я не переставалъ заботиться о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи любимой сестры, хотя въ то время моя заботливость выражалась лишь въ частой перепискѣ съ нею и въ сообщеніи ей о тѣхъ успѣхахъ женщинъ-піонерокъ, какіе замѣчались нами студентами-медиками, смотрѣвшими на своихъ товарищей-студентовъ сквозь радужные лучи либеральнаго прогресса. Изъ писемъ сестры ко мнѣ я зналъ, что въ домѣ родителей вслѣдствіе старческой немощи отца и болѣзненности матери нужда непрерывно нарастаетъ. Сестра, занимаясь весьма дешевыми уроками, едва въ состояніи была зарабатывать десятокъ рублей въ мѣсяцъ, чтобы на нихъ пріобрѣсти предметы первой необходимости. При такихъ условіяхъ надѣяться Даріи собственными средствами добраться изъ Одессы въ Питеръ—было химерою. Мой же заработокъ въ теченіе первыхъ двухъ академическихъ лѣтъ былъ настолько скуденъ, что я не былъ въ состояніи удѣлять родителямъ или сестрѣ что-либо опредѣленное. Трудно мнѣ было еще потому, что въ первыя двѣ зимы необходимо было обзавестись теплою одеждою и солидною обувью. Однакожъ, я не терялъ надежды въ будущемъ осуществить свои мечты и видѣть когда-либо свою сестру студенткою «Врачебныхъ Курсовъ».

Дѣйствительно, скоро фортуна мнѣ улыбнулась и у меня появились матеріальныя средства.

Лѣтомъ 187* года я былъ приглашенъ въ деревню къ одному помѣщику Черниговской губерніи въ роли репетитора трехъ мальчиковъ, готовившихся вступить въ военную гимназію, съ платою по 75 руб. въ мѣсяцъ. Семья П. И. Б.—го оказалась весьма радушною; ученики меня скоро полюбили, благодаря чему наши учебныя занятія по программѣ первыхъ трехъ классовъ гимназій шли настолько удовлетворительно, что родители не сомнѣвались въ достиженіи намѣченной ими цѣли и потому къ концу лѣта у меня въ карманѣ оказался небывалый до тѣхъ поръ капиталъ—200 руб. наличными и оплаченный проѣздъ отъ Новозыбкова до Петербурга. Вотъ съ какою суммою въ рукахъ я немедленно приступилъ къ осуществленію своей заветной мечты—привести сестричку съ собою въ Питеръ.

Въ августѣ 187* года я списался съ матерью о томъ, что

если она пообѣщаетъ мнѣ отпустить Дарію въ Петербургъ, то я не замедлю пріѣхать къ ней на свиданіе и дамъ ей возможность во-очію убѣдиться, что ни студенческій голодъ, ни Питерскій холодъ не убили во мнѣ сыновней любви и заботливости о бѣдной труженицѣ—сестрицѣ. Требуемое мною общаніе матери я, противъ ожиданія, получилъ безпрепятственно и скоро. Тогда я немедленно поѣхалъ въ Одессу, не предупредивъ мать о днѣ моего пріѣзда.

Представъ совершенно неожиданно предъ глазами старушки матери, я вызвалъ въ ней потокъ самыхъ радостныхъ и счастливыхъ слезъ, такъ какъ она увидѣла во мнѣ вполне окрѣпшаго и развившагося молодого человѣка, дышащаго добрымъ здоровьемъ и сладкими надеждами на счастливую будущность. Вскорѣ эти радостныя материнскія слезы замѣнились горькимъ плачемъ, вызваннымъ разлукою съ двумя младшими дѣтьми, покидавшими родительскій домъ надолго или, быть можетъ,—на всегда.

Я помню, какъ тогда меня удивило, что разставаніе сестры съ родителями не обнаружило на ея лицѣ никакой печали или чувства сожалѣнія о томъ, что такіе пожилые и безпомощные люди, какъ мать и отецъ, предоставляются полному одиночеству на скловѣ ихъ жизненнаго пути. Такой индифферентизмъ со стороны 19-ти лѣтней дѣвушки, жившей всегда подъ крылышкомъ матери, представлялся мнѣ тогда нѣсколько страннымъ, непонятнымъ.

Уже нѣсколько часовъ спустя, послѣ выѣзда изъ дома, Дарія вошла въ роль бывалой путешественницы, несмотря на то, что предпринятое нами совмѣстное путешествіе въ Петербургъ было ея первой поѣздкой по желѣзной дорогѣ.

Нашъ путь лежалъ черезъ Харьковъ. Здѣсь мы остановились у старшаго брата, который былъ тогда женатъ и имѣлъ малолѣтняго сынишку. Съ цѣлью нѣсколько ослабить слишкомъ рѣзкій переходъ отъ замкнутой дѣвичьей жизни въ домѣ матери къ вполне свободной жизни на студенческой квартирѣ, какая ей предстояла по пріѣздѣ въ Петербургъ, я считалъ полезнымъ оставить сестру на короткое время въ семьѣ брата. Снабдивъ ее деньгами, необходимыми для проѣзда изъ Харькова въ Петербургъ, я предоставилъ ей самой пріѣхать ко мнѣ, когда она сочтетъ это для себя нужнымъ, а самъ поѣхалъ устраивать для насъ квартиру.

Въ Петербургѣ я квартировалъ въ Саперномъ переулкѣ, въ надворномъ двухъэтажномъ флигелѣ, у нѣкой Прасковьи Исааковны, весьма набожной псковской мѣщанки, вполне безграмотной, но доброй и честной женщины. Изъ пяти комнатъ своей квартиры хозяйка эта сдавала внаймы три и всѣ были заняты студентами-медиками, по два человѣка въ комнатѣ, въ одно окно; за комнату съ мебелью, отопленіемъ, самоваромъ и прислугою мы платили 8 рублей ежемѣсячно. Сама квартирная хозяйка бездѣтная, но съ мужемъ—наборщикомъ въ типографіи—располагала небольшою комнатою, загроможденною широкою двуспальною кроватью; кухнею, гдѣ она сама стряпала незатѣйливые обѣды для своего мужа, и большою парадною комнатою въ три окна, называвшеюся заломъ, гдѣ хозяева принимали у себя гостей въ особенно торжественные дни. Вотъ эту-то залу я и задумалъ снять у квартирной хозяйки и приспособить ее для совмѣстнаго жительства съ сестрою.

Благодаря доброму ко мнѣ расположенію Прасковьи Исааковны и главное, моимъ разсказамъ о любимой мною сестричкѣ, готовящейся также поступить на врачебные курсы, мнѣ удалось уговорить хозяевъ уступить мнѣ залу, выходящую тремя окнами въ маленькій садикъ. Для сестры мы (хозяйка совмѣстно со мною) отгородили ситцевою драпировкою третью часть комнаты, поставили туда новую желѣзную кровать, комодъ, умывальникъ, столикъ и два стула. По сую сторону перегородки было устроено нѣчто вродѣ пріемной: здѣсь были установлены диванъ, шесть мягкихъ креселъ, обитыхъ свѣтлою клеенкою, преддиванный столъ, поставленный на коврѣ; сбоку—между двухъ оконъ, помѣщался письменный столъ, надъ которымъ висѣла этажерка съ книжками, а въ правомъ углу комнаты былъ поставленъ богатый кюль съ образами различныхъ святыхъ угодниковъ. На окнѣ сестринаго помѣщенія повѣшены были бѣленькія занавѣсы, а на стѣнахъ фотографіи ея любимыхъ русскихъ писателей. Короче, мнѣ удалось устроить скромный, но уютный уголокъ, который среди студентовъ-медиковъ нашего времени былъ въ диковинку настолько, что онъ вызывалъ лишь похвалы и одобреніе со стороны моихъ товарищей-сосжителей по квартирѣ.

Недолго мнѣ пришлось поджидать сестрицу: въ Харьковѣ она скоро соскучилась безъ дѣла и прикатила одна въ Питеръ, гдѣ я встрѣтилъ ее у вокзала. При входѣ въ предназначенную для насъ квартиру, она не замедлила попрекнуть меня чрезмѣрно роскошною (?) обстановкою квартиры, за которую мнѣ приходилось платить 18 рублей въ мѣсяцъ и вообще она заявила, что ей очень тяжело принимать отъ меня—хотя и брата—такія пожертвованія, какія она никогда не въ состояніи будетъ возмѣстить.

Тѣмъ не менѣе Дарія водворилась въ нашей студенческой квартирѣ очень уютно и скоро освоилась со своею новою обстановкою. Она познакомилась съ моими товарищами по курсу—студентами *Ростковскимъ* и братьями *Курочкиными*, жившими у той же квартирной хозяйки; отыскала въ Петербургѣ нѣкоторыхъ землячекъ, состоявшихъ уже слушательницами Высшихъ Женскихъ Курсовъ; такимъ образомъ сестра скоро приобрѣла большое знакомство среди учащихся.

Въ виду того, что ей предстояло сдать экзаменъ въ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія по всему гимназическому курсу, я не допускалъ ее къ какому бы то ни было заработку, чтобы предоставить ей возможность располагать свободно своимъ временемъ для подготовленія къ экзамену.

По нѣкоторымъ предметамъ я лично съ нею занимался; по физикѣ, алгебрѣ и геометріи ее руководилъ студентъ *Шелуновъ*, окончившій курсъ физико-математическаго факультета и поступившій въ Медико-Хирургическую Академію студентомъ.

По природѣ Дарія не была лишена способностей, но особенно выдающихся дарованій она не выказывала. Я вполне ясно сознавалъ, что только усерднымъ трудомъ и частымъ повтореніемъ весьма скучныхъ предметовъ гимназическаго курса ей удастся перешагнуть предстоящій Рубиконъ. Поэтому я всячески убѣждалъ ее не уклоняться въ сторону отъ своей прямой задачи, не увлекаться никакими заманчивыми книжками или разжигающими статьями пропагандистовъ новыхъ ученій, пока она не сдастъ своего гимназическаго экзамена. Правда, въ личной бесѣдѣ со мною Даша мнѣ не противорѣчила, даже, повидимому, признавала логизмъ моихъ доводовъ и соглашалась признать мои совѣты разумными; но въ при-

существом моихъ товарищей и, особенно въ присутствіи своихъ товарищекъ, она нерѣдко высказывала такія идеи господствовавшаго тогда социализма, которыя меня крайне огорчали, такъ какъ эти мысли были не плодъ ея собственнаго ума, а осадокъ навѣянныхъ извнѣ разныхъ теорій и ученій западныхъ социалистовъ, — теорій, не примѣнимыхъ тогда къ русской жизни. Тѣмъ не менѣе я избѣгалъ всякихъ крутыхъ мѣръ противъ увлеченій моей любимой сестры, рассчитывая на ея благоразуміе при научныхъ занятіяхъ. Въ виду этого я стремился матеріально ее обезпечить настолько, чтобы она безпрепятственно могла сдать свой экзаменъ и получить гимназическій дипломъ, дающій ей право поступить на врачебные курсы.

Для обезпеченія сестры въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ я ничего лучшаго, болѣе вѣрнаго источника, не нашелъ, какъ зачислить себя въ число казенныхъ стипендіатовъ Академіи; получаемые мною ежемѣсячно 25 рублей я употреблялъ на уплату квартирныхъ и на приобрѣтеніе 30 билетовъ кухмистерской, которые вручались сестрѣ для обѣда. Что же касается другихъ расходовъ, потребныхъ для удовлетворенія моихъ личныхъ нуждъ или такихъ надобностей сестры, которыя не составляли предмета первой необходимости, какъ-то: чай, сахаръ, утренній и вечерній хлѣбъ, табакъ, кое-какія книги, обувь и одежда, то эти расходы покрывались мною случайными заработками: на урокахъ, переводами, чтеніемъ корректуръ и т. п. источниками умственного пролетарія.

Я понынѣ весьма живо помню, что осень 187* г. была для меня порой крайней безработицы: четыре мѣсяца я просидѣлъ безъ всякихъ уроковъ; усердныя посѣщенія аудиторій, первыхъ клиникъ и вечернихъ занятій въ лабораторіи проф. *М. М. Руднева* поглощали у меня столько времени, что для домашней продуцирующей работы оставалось весьма мало. Въ такую-то пору безработицы мнѣ приходилось кормиться преимущественно мясными пирогами особенно большихъ размѣровъ, такъ какъ они были наполнены больше гѣзами, нежели начинкой; пироги эти отпускались намъ въ долгъ крестьяниномъ *Василіемъ*, торговавшимъ въ подвальномъ помѣщеніи самой Академіи; кромѣ того чай я распивалъ у охотно угощав-

шихъ товарищей, жившихъ вблизи Академіи; наконецъ, кое у кого изъ близкихъ товарищей перехватывалъ въ долгъ нѣсколько рублишекъ.

Теперь какъ-то съ трудомъ вѣрится, чтобы молодой человѣкъ, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ роста и развитія организма, могъ просуществовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, питаясь лишь случайно попадавшеюся пищею или внося въ свой желудокъ такое малое количество бѣлковыхъ веществъ, которое едва-ли удовлетворяетъ самымъ безотлагательнымъ расходамъ азота въ организмѣ. Тѣмъ не менѣе хроническій азотный голодъ не сопровождался никакими серьезными недугами, если таковыми не считать желудочно-кишечные катарры, острые припадки которыхъ легко уступали обильному количеству горячаго чаю.

Временная нужда, однакожъ, заставляла частенько призадуматься; но не скажу, чтобы она угнетала нашу психику или отзывалась особенно дурно на расположеніи духа. Напротивъ того, иные критическіе моменты порождали въ насъ такіа замысловатая затѣи, которыя по осуществленіи представлялись намъ весьма забавными.

Какъ-то разъ, глубокою осенью, поздно вечеромъ, я возвращаюсь домой усталымъ и застаю въ нашей комнатѣ полный мракъ; зажегши спичку, я увидѣлъ сестру, сидѣвшую въ креслахъ съ поникнувшею головою.

На мой вопросъ—„почему ты сидишь въ темнотѣ?“—она отвѣчаетъ:

„Керосинъ въ лампѣ догорѣлъ, огарочка свѣчки нѣтъ, а купить нѣ-на-что. Просить же керосину у хозяйки—мнѣ уже совѣстно, такъ какъ два раза мы уже позаимствовали у нея и понинѣ не возвратили“.

У нашихъ сосѣдей комнаты были заперты на ключъ и, стало быть, достать оттуда что-либо подходящее къ освѣтительному матеріалу нельзя было. Оставалось лишь одно сидѣть въ темнотѣ и улавливать скудные свѣтовые лучи изъ уличныхъ газовыхъ фонарей, которые, конечно, были недостаточны для чтенія.

Вотъ мы сидимъ съ сестрою вдвоемъ въ темнотѣ и тераемся въ догадкахъ о томъ, гдѣ собственно задержались наши сосѣди.

Скоро-ли возвратится кто-либо изъ трехъ? Не заглянетъ-ли къ намъ кто-либо изъ знакомыхъ, у кого можно было бы позаимствовать нѣсколько пятаковъ для покупки керосину?—Но товарищи не возвращались домой, такъ какъ они въ тотъ вечеръ заигрались въ карты у одного изъ обывателей Выборгской стороны. Сырая и холодная погода ноябрьской ночи мало располагала къ тому, чтобы въ будни, въ трудовую пору навѣщать знакомыхъ студентовъ. Такимъ образомъ мы просидѣли съ добрыхъ полчаса во мракѣ; моментами только я освѣщалъ огнемъ своей курящейся папироски сестру и видѣлъ, какъ она, бѣдняжка, сидѣла, понуривъ свою голову или, по временамъ, уставляла свой темный взоръ на далекій свѣтъ уличнаго фонаря. Знать тяжелая дума одолѣла ея умомъ и чувствами. Расходиться по угламъ и расположиться въ своихъ постеляхъ—намъ не хотѣлось, такъ какъ для ночного сна было слишкомъ рано: обыкновенно мы засиживались за работою, чтеніемъ или бесѣдою до часу и двухъ по-полуночи.

Вдругъ меня осѣнила благая мысль. Я отправился въ комнату своей хозяйки—къ богомольной Прасковѣ Исааковнѣ и давай ее упрекать въ томъ, что она не чтитъ достоподобнымъ образомъ памяти преподобнаго мученика Варлаама, празднующейся завтра, ибо я вижу, что предъ иконами нигдѣ не зажжены лампы, какъ это у нея обыкновенно дѣлается наканунѣ церковныхъ праздниковъ. Бѣдная старушка съ извиненіемъ и укорами своей слабой памяти начала хлопотать о томъ, чтобы повсюду налить масла въ лампы и зажечь огни предъ всеми святыми угодниками; она хотѣла было прежде всего направиться къ намъ въ комнату, но я вызвался избавить ее отъ труда влѣзати на стулъ къ высокой лампадѣ въ залѣ и просилъ предоставить мнѣ сдѣлать это саморучно; сейчасъ же она вручила мнѣ бутылку съ подсолнечнымъ масломъ, откуда я налилъ въ три лампадки, висѣвшія предъ образами въ нашей комнатѣ, да еще въ стаканъ про запасъ. Возвративши почти пустую жестянку отъ масла хозяйкѣ и войдя обратно въ свою комнату, я увидѣлъ на письменномъ столѣ баррикаду изъ табуретокъ и подушекъ, на вершинѣ которой сидѣла Даша съ книгою въ рукахъ и съ трудомъ разбирала буквы читаемыхъ строкъ. Вскорѣ и я къ ней присоединился и такимъ образомъ мы провели около двухъ ча-

совѣ въ чтеніи подѣ освѣщеніемъ огня великомученика Варлаама.

Этотъ эпизодъ на другой день вызывалъ голосистый хохотъ и потокъ различныхъ остротъ со стороны нашихъ сосѣдей; смѣялась отъ души и сестра моя, у которой на лицѣ безслѣдно исчезли томныя черты вчерашней грусти и печали. Весьма вѣроятно, что и Прасковья Исааковна узнала поводъ моей вчерашней затѣи, ибо по уходѣ нашемъ изъ комнаты, она безъ нашего спросу наливала керосину въ обѣ лампы, стоявшія на письменномъ столѣ и на ночномъ столикѣ у кровати сестры.

Знатъ безыскусственная добрая душа русской безграмотной женщины шадила щепетильное самолюбіе неимущаго студента.

Дрезденъ. 13/ш 1901 г.

ГЛАВА VII.

О студенческих заработках на урокахъ. — Умственное брожение молодежи въ 70-хъ годахъ истекшаго вѣка и распространение подпольной печати среди учащихся. Поводъ къ недоразумѣніямъ между сестрой и братомъ, смотрѣвшими на значеніе подпольной печати подъ различными углами зрѣнія. Типъ добродушнаго студента — «человѣка безъ догматовъ», служившаго однимъ изъ поводовъ къ расторженію товарищески-братскаго союза съ сестрою.

Езработица моя длилась недолго. Въ послѣднихъ числахъ декабря 187* г. возобновились мои частные уроки въ домѣ нѣкоего Гробницкаго — богатаго помѣщика двухъ имѣній въ средней полосѣ Россіи. За ежедневное двухчасовое обученіе двухъ дѣтей — 11-лѣтняго мальчика и 13-лѣтней дѣвочки — по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса я получалъ 30 рублей въ мѣсяцъ. На рынкѣ репетиторскаго труда такая плата въ то время считалась вполнѣ пристойною. Но если принять во вниманіе, что ежедневно мнѣ приходилось употреблять около двухъ часовъ времени на прохожденіе двукратнаго разстоянія, равнаго 4 верстамъ между моею квартирою и мѣстожительствомъ Гробницкихъ, посвящать этому уроку самые лучшіе часы (отъ 9 до 1 утра) учебнаго времени, то вознагражденіе, равное 30 копѣйкамъ за трудовой часъ, придется признать весьма скромнымъ. Тѣмъ не менѣе увеличеніе нашего бюджета на 30 рублей въ мѣсяцъ оказалось весьма солиднымъ подспорьемъ, давшимъ намъ возможность удовлетворить насущнымъ потребностямъ.

Съ того времени пребываніе сестры у меня на квартирѣ я считалъ осуществленіемъ своей завѣтной мечты и ничуть не тяготился тѣми расходами, которые вызывались исключительно нуждами сестры

Даріи. Ближайшая моя забота была—сдѣлать ее своимъ другомъ-товарищемъ и единомышленникомъ тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которыми я руководился въ своей жизни. Темы для взаимнаго обмена мыслей, какъ-то: *«Жить для того, чтобы трудиться, а не трудиться для того, чтобы жить»*. *«Быть, а не казаться»*. *«Служить на пользу ближнему—не значитъ служить ближнему предметомъ эксплуатаціи»* и т. п. вопросы вызывали насъ на весьма продолжительныя бесѣды. Умышленно вызывая сестру на отвлеченныя разсужденія, я сталъ подмѣчать, что идеи у этой молодой дѣвушки витають въ какихъ-то недосягаемыхъ высяхъ, и съ сожалѣніемъ убѣждался въ томъ, что исходныя мысли ея разсужденій были вычитанныя и на вѣру принятые софизмы публицистовъ непримиримаго лагеря. Какъ-бы мы ни расходились въ своихъ воззрѣніяхъ, никогда наши дебаты не доводились до личныхъ недоразумѣній; другими словами говоря, мы спорили, но никогда не ссорились.

Осенью 187* г. среди петербургскаго студенчества происходили частыя административныя аресты и высылки на родину тѣхъ учащихся, которыхъ заподозривали участниками противуправительственныхъ ассоціацій. Еще чаще производились на студенческихъ квартирахъ полицейскіе обыски, причеиъ нахождение какихъ-либо запрещенныхъ книгъ или брошюръ влекло за собою арестованіе хозяина комнаты совмѣстно съ найденной контрабандой.

Какъ-то разъ зимою я возвратился домой подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ извѣстія объ арестованіи 30 человекъ студентовъ-медиковъ нашего курса. Разсказавъ объ этомъ сестрѣ, я, между прочимъ, просилъ ее заблаговременно сказать мнѣ—хранятся-ли у нея какія либо запретныя книжки и если у нея таковыя есть, то назвать мнѣ ихъ, дабы я, въ случаѣ возможнаго обыска, могъ прямо заявить полиціи, что такіа-то книги и брошюры я читаю, такъ какъ интересуюсь современнымъ направлеіемъ подпольной печати, но не пропагандирую ея крайнихъ идей и не распространяю этихъ брошюръ среди другихъ. При такомъ показаніи полицейскій обыскъ въ большинствѣ случаевъ кончался лишь отниманіемъ запрещенныхъ книгъ и внесеніемъ имени хозяина въ списки «поднадзорныхъ».

На сдѣланное мною предложеніе сестра категорически отвѣтила:

— Никакихъ запрещенныхъ книгъ у меня нѣтъ и полицейскаго обыска нечего тебѣ бояться.

Этимъ отвѣтомъ я вполнѣ удовлетворился: болѣе объ этомъ предметѣ мы въ сей вечеръ не говорили.

На слѣдующій или третій день послѣ этого разговора я случайно проснулся около трехъ часовъ по-полуночи и вижу свѣтъ за перегородкою у сестры, читавшей какую-то книгу. На мой вопросъ:

— Даша, чѣмъ ты такъ увлеклась, что по сію пору не спишь? — она перебросила мнѣ черезъ перегородку какой-то учебникъ по древней исторіи и говоритъ:

— „На, смотри, что я читаю!—Ты, вѣроятно, заподозриваешь меня въ чтеніи запрещенныхъ книгъ и это подозрѣніе не даетъ тебѣ спать. Успокойся!“ — Вслѣдъ за этими, въ сердцахъ сказанными, словами сестра погасила свѣчу, а я скоро спокойно уснулъ.

Проснувшись на другое утро, я рано отправился на урокъ; сестра еще спала и съ нею я не видѣлся. Возвратился, противъ обыкновенія, около часу домой, чтобы взять у нея нѣсколько денегъ на обѣдъ; но ее дома не засталъ. Деньги же хранились во второмъ ящикѣ общаго комода, куда складывала сестра свои вещи; я открываю ключемъ этотъ ящикъ и вмѣстѣ съ денежнымъ конвертомъ подъ бѣльемъ нахожу книжки полныхъ журналовъ «Набатъ», «Впередъ» и нѣсколько запрещенныхъ брошюръ.

Въ первый моментъ я обомлѣлъ, изумившись неожиданной находкѣ. Какъ?! — Сестра-товарищъ и другъ — утаиваетъ отъ меня тѣ книги, которыя она читаетъ! — За что такое недовѣріе ко мнѣ? Какая несправедливость съ ея стороны: утаить то, что я недавно именно просилъ не дѣлать! — А вчерашняя сцена съ книгой — явный обманъ.

Вотъ какіе вопросы и тяжелыя думы одолевали меня, когда я молча стоялъ у открытаго комода и разсматривалъ неожиданную находку.

Опомнившись, я досталъ изъ конверта нужное мнѣ количество денегъ; книжки и брошюры оставилъ въ комодѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ лежали; а самъ направился въ Академію съ тяжелыми думами о незаслуженно-нанесенной мнѣ обидѣ родною и любимую сестрою.

Вечеромъ того же дня возвратился я домой преждевременно и

найдя Дашу въ комнатѣ за какою-то книжкою, я не замедлилъ рассказать ей о моей неожиданной находкѣ, изумившей и оскорбившей меня до-нельзя. На это сестра возразила очень холодно и сурово:

«Я не ожидала встрѣтить въ тебѣ сыщика! Книжки эти мнѣ дала студентка С... спрятать, такъ какъ она со дня на день ожидаетъ у себя на квартирѣ полицейскаго обыска». Съ этими словами Дарія ушла къ себѣ за перегородку и прочую часть вечера не проронила ни одного слова...

Вотъ фактъ. Судите насъ вы, безпристрастные читатели и читатели; скажите, кто въ этомъ недоразумѣніи между братомъ и сестрою виноватъ?... Произнесите свой безпристрастный приговоръ; я ему заранѣе подчиняюсь безпрекословно, ибо я убѣжденъ, что онъ не можетъ быть болѣе суровъ, нежели приговоръ моей сестры, которая послѣ вышеприведеннаго эпизода направила всѣ свои средства къ тому, чтобы вырвать изъ моего сердца самое дорогое, самое чистое и самое потаенное чувство—чувство безупречной и безкорыстной любви,—любви брата къ сестрѣ.

Теперь, 35 съ лишкомъ лѣтъ спустя, когда воспоминанія о пережитомъ и пережитомъ рисуются въ нашемъ представленіи болѣе мягкими штрихами, когда взаимныя отношенія или человѣческія слабости могутъ и должны обсуждаться вполнѣ абстрактно, когда нравственные качества близкихъ людей подвергаются хотя строгой, но безпристрастной критикѣ, теперь заключенія наши становятся справедливыми. Съ другой же стороны, сознаю, что только при полной объективности приводимые изъ жизни автора факты могутъ вызвать въ представленіи читателя отпечатокъ чего-то, дѣйствительно, былого, прошлаго и потому заслуживающаго вниманія читателя.

Становясь на такую точку зрѣнія, я предоставляю своимъ мыслямъ полный просторъ, не накладывая цензуры на такія страницы прожитаго, которыя касаются щекотливыхъ сторонъ нашей внутренней жизни и не утаиваю тѣхъ эпизодовъ, свидѣтелями которыхъ были близкіе мнѣ люди, товарищи, пользующіеся въ настоящее время благами жизни и весьма почетнымъ положеніемъ на общественномъ поприщѣ.

Кромѣ того, описываемые мною эпизоды изъ жизни студентовъ

70-х годовъ—какъ факты, касающіеся жизни піонерокъ высшаго женскаго образованія и поборницъ равноправія обоихъ половъ чело-вѣчества, представляютъ общественный интересъ. Я убѣжденъ, что чѣмъ болѣе объективно будутъ разсматриваться отдѣльныя стороны интересующаго насъ вопроса, тѣмъ рельефнѣе выступятъ недостатки или слабыя мѣста самыхъ устоевъ, на которыхъ зиждется все званіе—умственная эволюція русской женщины.

Теперь, съ облегченнымъ сердцемъ, я охотно возвращаюсь къ своему разсказу.

Убѣдившись, что совмѣстное жительство въ одной комнатѣ тяготитъ сестру, я предложилъ товарищу *Ростковскому*, занимавшему комнату въ квартирѣ той же хозяйки, перейти на жительство въ мою комнату, а свою малую комнату (въ одно окно) уступить сестрѣ, на что *Ростковскій* изъявилъ свое согласіе. Благодаря такой комбинаціи, мы имѣли возможность жить съ сестрою врознь, но подъ одною кровлею, до наступленія весны, когда Дарія Степановна, какъ звали ее мои сверстники, успѣшно сдала свой экзаменъ на званіе домашней учительницы, предоставлявшее право поступить на Высшіе Женскіе Врачебные курсы.

Выше, мимоходомъ, я уже упомянулъ, что мои товарищи, студенты-медики III курса Академіи, квартировавшіе у той же хозяйки Прасковьи Исааковны, относились весьма дружелюбно къ моей сестрѣ, которая своимъ наивно-добрымъ и милымъ обхожденіемъ приобрѣла себѣ всеобщее расположеніе со стороны моихъ сверстниковъ, бывавшихъ у насъ на квартирѣ. Изъ нихъ особенно внимательно и даже заботливо относился къ Данѣ товарищъ мой *Иванъ Филипповичъ Ростковскій*, съ которымъ я жилъ въ одной комнатѣ еще до пріѣзда моей сестры въ Петербургъ.

Ростковскій, по происхожденію полякъ, воспитывавшійся въ Россіи, былъ по природѣ весьма добрый малый, хорошій товарищъ, словоохотливый собесѣдникъ, услужливый кавалеръ молодыхъ барышень-курсистокъ; но по образу жизни и своимъ дѣяніямъ, онъ былъ чело-вѣкомъ „безъ догматовъ“.

Такъ, напримѣръ, *Ростковскій* медицину, какъ науку, ставилъ весьма высоко, поклонялся избраннымъ авторитетамъ практическихъ отраслей медицины и особенно почиталъ нѣкоторыхъ профессоровъ

нашей Академіи; но рядомъ съ этимъ весьма лѣниво посѣщалъ лекціи своихъ adeptовъ, ни одной серьезной книги не прочиталъ въ теченіи 5-лѣтняго курса своего студенчества; ни лабораторныя работы, ни клиническія занятія не привлекали къ себѣ студента *Ростковскаго*. Онъ не столько учился, сколько жилъ студенческою жизнью, причемъ въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ студенчества непосредственнаго участія не принималъ, хотя и бралъ на себя трудъ разносить билеты на студенческіе благотворительные вечера, хлопотать о виѣшнемъ устѣхѣ подобныхъ студенческихъ собраній. Помогать бѣднымъ товарищамъ онъ всегда былъ готовъ; но никогда не присутствовалъ на запретныхъ сходкахъ, никогда не читалъ запрещенныхъ брошюръ, не вступалъ въ обсужденіе такихъ вопросовъ, которые касались социологіи или политической жизни Россіи.

Унаслѣдовавъ отъ отца небольшое имѣніе, *Ростковскій* свои средства раздавалъ безъ расчета племянникамъ и племянницамъ, а самъ зачислился казеннымъ стипендіатомъ Академіи, чтобы себѣ обезпечить 25-ти рублевый мѣсячный доходъ, потребный на безотлагательныя нужды.

Ростковскій былъ роста ниже средняго, широкоплечій, что называютъ коренастый мужчина; его большая русая голова окаймлялась рыжеватою густою бородою; свѣтло-голубые глаза скрывались за темными очками въ золотой оправѣ. Вся виѣшность придавала его фیزیономіи нѣсколько старческій видъ, почему мы всѣ его величали „дядя Ваня“.

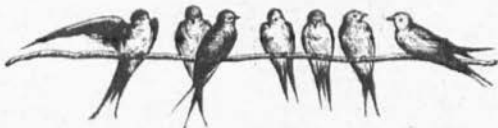
Вотъ этотъ-то дядя Ваня любилъ, особенно по утрамъ, заливаться въ постели съ папирскою въ зубахъ и, прихлебывая глотки тепленькаго чаю, рассказывать въ прибауткахъ про свои сердечныя привязанности то къ той, то къ другой, то къ третьей изъ знакомыхъ курсистокъ, причемъ частенько признавался намъ въ неудачахъ или крушеніяхъ своего „ферлакурства“.

Въ нравственномъ отношеніи мы считали *Ростковскаго* вполне честнымъ человѣкомъ и добросовѣстнымъ товарищемъ, поэтому никто изъ насъ не придавалъ серьезнаго значенія его рассказамъ.

Относительно моей сестры *Ростковскій* поставилъ себя въ роли дѣйствительнаго дядюшки или дядьки; его услуги становились иногда чрезмѣрно заботливыми: онъ всегда вызывался сопровождать сестру

въ книжный магазинъ Черкесова мѣнять книги для чтенія, чтобы изъавить молодую барышню таскать тяжелый пакетъ. Не разъ бывало, въ дождливую осеннюю погоду, „дядя Ваня“ прибѣжить домой на квартиру, достанетъ галоши сестры и съ большимъ зонтикомъ отправится за сестрою куда-либо на Пески, чтобы доставить ей возможность возвратиться домой въ сухомъ видѣ и, такимъ образомъ, предохранить барышню отъ простуды. Дарія сначала принимала эти услуги не безъ стѣсненія; затѣмъ она къ нимъ попривыкла и не придавала такого рода заботамъ со стороны *Ростковскаго* никакого значенія. Впослѣдствіи я сталъ замѣчать со стороны сестры нѣкоторыя странныя выходки: она начала его мальтретировать какъ мальчика на посылкахъ. Тогда я ей указывалъ на не совсѣмъ-то деликатныя отношенія къ *Ростковскому*, какъ къ моему товарищу; но мои замѣчанія въ большинствѣ случаевъ оставались безотвѣтными и безрезультатными. Это обстоятельство служило однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ меня рѣшиться разѣхаться съ сестрою. Къ ближайшей веснѣ, когда сестра сдала евой экзаменъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія на званіе домашней учительницы, давшее ей возможность зачислиться слушательницей Высшихъ Женскихъ Медицинскихъ курсовъ, мы разстались: я уѣхалъ на урокъ къ помѣщику Гробницкому въ Харьковскую губернію, а сестра на вакаціонное время поселилась на житье у старшаго брата, жившаго въ Харьковѣ.

Съ тѣхъ поръ нашъ братско-товарищескій союзъ съ сестрою Даріей прервался и болѣе не возобновлялся; мы стали чужды другъ другу. Хотя впослѣдствіи, уже будучи врачами, мы неоднократно встрѣчались на общественныхъ сѣздахъ врачей, но выраженія интереса къ моимъ задачамъ со стороны родной сестры, женщины-врача—никогда не встрѣчалъ.

ГЛАВА VIII.

Нѣсколько словъ о значеніи *Рудольфа Вирхова* въ исторіи современной медицины. Проф. *М. М. Рудневъ* въ роли культиватора Вирховскаго ученія на нивѣ русской медицины. Занятія студентовъ подъ руководствомъ *Руднева* въ секціонной залѣ, въ аудиторіи и за микроскопомъ. Оцѣнка дѣятельности *Руднева* въ роляхъ профессора и представителя русской школы анатомо-патологовъ. Школа *Руднева* и ея первые ученики.

Четверть вѣка назадъ основою раціональной медицины считалась патологическая анатомія въ томъ реформированномъ видѣ, какой придалъ этой наукѣ *Рудольфъ Вирховъ*. Этотъ глубокомыслящій врачъ-натуралистъ высказалъ весьма простую истину: «всякая клѣточка рождается изъ клѣточки» (*omnis cellula e cellula*); другими словами говоря, безъ клѣточки нѣтъ жизни. Скоро истина эта стала лозунгомъ изучающихъ біологію вообще и медицину въ частности; въ понятіи же студента-медика Вирховскій афоризмъ звучалъ какимъ-то новымъ, непоколебимымъ закономъ природы, внушающимъ глубокую вѣру въ раціональность современной медицины. Вотъ почему въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія патолого-анатомическія изслѣдованія и теоріи *Вирхова* составляли любимый предметъ изученія на медицинскомъ факультетѣ и въ Медико-Хирургической Академіи. Но внушить студентамъ охоту заниматься такимъ труднымъ для изученія предметомъ, какъ патологическая анатомія человѣка, могъ лишь такой руководитель, который въ совершенствѣ владѣлъ современными способами изслѣдованія и, главное, былъ твердо убѣжденъ въ продуктивности смѣлыхъ гипотезъ и теорій *Вирхова*.

У насъ въ Россіи въ то время было два представителя кафедры патологической анатоміи: *Полунинъ* (въ Москвѣ) и *М. М. Рудневъ* (въ Петербургѣ). Первый весьма скептически относился къ новому ученію *Вирхова* и даже пытался сорвать нѣкоторыя вѣтки съ лавроваго вѣнца нѣмецкаго ученаго; тогда какъ второй смѣло вступилъ въ ряды учениковъ *Вирхова* и подъ знаменемъ этого реформатора медицины сѣялъ въ умы русской учащейся молодежи твердыя познанія патологіи человѣческаго организма.

Насколько кафедра *Полунина* вызывала недоразумѣніе среди студентовъ-медиковъ, отказавшихся въ 1871 году посѣщать лекціи названнаго профессора, настолько же кафедра *М. М. Руднева* въ то же время служила притягательною силою для студентовъ-медиковъ и способствовала прогрессу русской медицины вообще.

М. М. Рудневъ въ началѣ 70-хъ годовъ непосредственно изъ лабораторіи *Р. Вирхова* перенесъ всѣ новѣйшіе способы изслѣдованія патологической анатоміи въ рабочія залы Медико-Хирургической Академіи, гдѣ онъ состоялъ прежде прозекторомъ, а затѣмъ непосредственно ординарнымъ профессоромъ кафедры патологической анатоміи. Въ описываемое время главнѣйшая заслуга *М. М. Руднева* выражалась въ томъ, что онъ сдѣлалъ микроскопъ для студентовъ такимъ же обыденнымъ орудіемъ изслѣдованія, какимъ до *Руднева* служилъ секціонный ножъ и невооруженный глазъ. Помимо весьма солидныхъ знаній гистологіи и патологіи *Рудневъ*, какъ преподаватель, обладалъ еще двумя весьма цѣнными качествами: чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и любовью къ избранной профессіи преподавателя. Самый ревностный, усердный и производительный учитель-работникъ Медико-Хирургической Академіи 70-хъ годовъ, послѣ *В. Л. Грубера*, былъ *М. М. Рудневъ*.

По сіе время запечатлѣлись въ моей памяти многозначительные понедѣльники, когда *Михаилъ Матвѣевичъ* посвящалъ студентамъ III-го курса, по меньшей мѣрѣ, 7—8 часовъ самаго усидчиваго труда: утромъ отъ 9 до 12 часовъ происходили анатомо-патологическія вскрытія труповъ (нерѣдко бывало, что 3—4 трупа вскрывались подрядъ), производившіяся непосредственно проф. *Рудневымъ* въ присутствіи многочисленнаго собранія студентовъ, вниманіе которыхъ останавливалось на каждомъ патологическомъ измѣ-

неніи ткани и органовъ; при этомъ почтенный лекторъ простымъ разговорнымъ языкомъ объяснялъ сущность и характеръ разсматриваемыхъ явленій, освѣщалъ факты новѣйшими воззрѣніями или теоріями *Вирхова* и его сподвижниковъ целлюлярной патологіи, либо подтверждалъ эти воззрѣнія научными изслѣдованіями своихъ учениковъ.

Этотъ демонстративный курсъ патологической анатоміи *Мих. Мат. Руднева* до того усердно посѣщался студентами трехъ высшихъ курсовъ Академіи и многими врачами, что не безъ борьбы приходилось доставать мѣсто непосредственно у секціоннаго стола. Бывали дни, когда я забирался въ секціонную залу анатомическаго института *Руднева* въ 8 час. утра, т. е. за часъ ранѣе начала его лекцій; тѣмъ не менѣе заставалъ уже нѣсколько товарищей, которые терпѣливо поджидали своего любимаго лектора-демонстратора, пренебрегая анатомическимъ зловоннымъ воздухомъ, которымъ приходилось невольно дышать, оправдывая въ этомъ отношеніи извѣстное изрѣченіе *Сенеки*— „per aspera ad astra!“ *).

Замѣтимъ, что указанныя демонстрированія на трупахъ не входили въ курсъ обязательныхъ занятій для студентовъ III-го курса; однакожь они посѣщались студентами весьма усердно. По понедѣльникамъ же отъ 12 до 1¹/₂ час. пополудни *М. М. Рудневъ* читалъ теоретическія лекціи по патологической гистологіи; эти лекціи были внесены въ «рописание учебныхъ часовъ Медико-Хирургической Академіи». Аудиторія проф. *М. М. Руднева* опять-таки была на столько же переполнена слушателями, какъ его секціонный залъ.

Въ роли лектора *Михаилъ Матвѣевичъ* не обладалъ ни краснорѣчіемъ, ни увлекающимъ даромъ слова, ни блестящимъ подетомъ мыслей; но простымъ, строго-систематичнымъ изложеніемъ фактовъ и логическою связью мыслей онъ приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей; все, что онъ рисовалъ на доскѣ или описывалъ въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, твердо запечатлѣвалось въ памяти студента. Внимательный слушатель, уяснившій себѣ сущность законовъ патологіи, выносилъ изъ аудиторіи *Руднева* убѣжденіе въ томъ, что трактуемое *Михаиломъ Матвѣевичемъ* есть продукція его мыслительной способности при анализированіи патологическихъ фактовъ или результатъ его собственныхъ научныхъ изслѣдованій.

*) «Къ звѣздамъ ведетъ лишь тернистый путь»

Студенты V-го курса называли *Михаила Матвеевича* „нашъ русскій *Вирховъ*“, выражая этимъ его любовь къ предмету, усердіе къ занятіямъ, способность къ научнымъ изслѣдованіямъ и, наконецъ, самое значеніе роли *Руднева* въ русской школѣ медицины студенты ставили такъ же высоко, какъ роль *Р. Вирхова* въ Германіи.

По понедѣльникамъ проф. *Рудневъ* едва успѣвалъ съѣздить домой на-скоро пообѣдать, какъ къ 5-ти часамъ онъ возвращался въ свою гистологическую лабораторію, куда мы собирались группами по 40—50 человекъ и каждому было отведено мѣсто у рабочаго стола для непосредственного микроскопическаго изслѣдованія патологическихъ препаратовъ. И на этихъ вечернихъ занятіяхъ *М. М. Рудневъ* бывало предпошлетъ краткое описаніе того процесса [преимущественно здѣсь рѣчь шла о различныхъ опухоляхъ], который подлежитъ гистологическому изслѣдованію, предложить каждому изъ присутствующихъ рассмотреть подъ микроскопомъ готовые срѣзы, раздаваемые его помощниками и затѣмъ подойдетъ къ каждому студенту отдѣльно, заглянетъ въ микроскопъ и поведетъ свою бесѣду о томъ, что видно въ полѣ микроскопа, что означаетъ та или другая гистологическая картина, отъ чего зависить измѣненіе въ разсматриваемыхъ клѣткахъ и т. п.; короче, въ перекрестныхъ вопросахъ и отвѣтахъ студентъ самымъ объективнымъ образомъ изучалъ основы нормальной и патологической гистологіи. Кто изъ насъ чувствовалъ себя слабѣе подготовленнымъ по патологической гистологіи, тотъ обыкновенно не довольствовался личною бесѣдою съ *М. М. Рудневымъ*, а сопровождалъ его при обходѣ прочихъ столовъ и внимательно прислушивался къ colloquium'у съ его товарищами. Такимъ образомъ слушатель имѣлъ возможность уяснить себѣ и закрѣпить въ своей памяти тѣ факты, которые казались ему болѣе трудно усвоиваемыми. Въ подобныхъ, весьма утомительныхъ для ментора демонстративныхъ занятіяхъ *Михаилъ Матвеевичъ* проводилъ время отъ 5—8 ч. вечера. Слѣдовательно, по понедѣльникамъ *Рудневъ* обучалъ студентовъ III-го и IV-го курсовъ, по меньшей мѣрѣ, 7 часовъ.—Кромѣ того онъ еще три раза въ недѣлю (по средамъ, четвергамъ и субботамъ) 2½ часа читалъ теоретическія лекціи или производилъ анатомо-патологическія вскры-

тія для того же III-го курса. Студенты высшихъ курсовъ обыкновенно въ послѣ-обѣденное время работали въ гистологической лабораторіи *Руднева* надъ различными научными задачами.

При подобномъ ревностномъ и демонстративномъ преподаваніи патологической анатоміи, вполне естественно, послѣдняя становилась излюбленнымъ предметомъ учащихся въ Медико-Хирургической Академіи и проф. *М. М. Рудневъ* зналъ каждого изъ своихъ слушателей; уже на третьемъ курсѣ онъ подмѣчалъ себѣ тѣхъ ревностныхъ студентовъ, которымъ онъ сумѣлъ внушить особенную любовь къ занятіямъ патологической анатоміи, задавалъ имъ спеціальныя задачи для научнаго рѣшенія путемъ гистологическихъ изслѣдованій и, такимъ образомъ, созидалъ себѣ цѣлую школу научныхъ сотрудниковъ.

И дѣйствительно, лабораторія *М. М. Руднева* 1872 — 1877 г.г. служила разсадникою русскихъ профессоровъ: сюда стекались молодые ученые силы со всѣхъ російскихъ университетовъ и отсюда выходили весьма солидные представители каедръ по различнымъ отраслямъ медицины. Рудневская лабораторія ежегодно выпускала научныхъ работъ въ формѣ солидныхъ докторскихъ диссертаций значительно больше, нежели всѣ прочія лабораторіи Медико-Хирургической Академіи, совмѣстно взятыя. Въ относительно короткое время изъ школы *Руднева* вышли профессорами: *Крыловъ* (по патологической анатоміи), *Оболенскій* (по внутренней medicinѣ) въ Харьковскомъ университетѣ, *Славянскій* (по акушерству), *Н. П. Ивановскій* (по патологической анатоміи) въ Медико-Хирургической Академіи, *Строгановъ* въ Одессѣ и многіе другіе весьма почтенные дѣятели по практической medicinѣ.

Далѣе, при оцѣнкѣ ученой дѣятельности *Руднева* слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ основалъ и издавалъ первый спеціаль-
ный «*Журналъ нормальной и патологической гистологіи*», въ которомъ онъ помѣщалъ свои оригинальныя работы и работы своихъ учениковъ; онъ перевелъ на русскій языкъ классическое руководство *Р. Вирхова* — «*Целлюлярная патологія и ученіе о тканяхъ*», «*Опухоли*»; учебники по гистологіи *Риндфлейша* и по патологіи *Клебса* были также переведены на русскій языкъ подъ редакцію *М. М. Руднева*; далѣе, классическое сочиненіе по

Рис. 9. *Михаилъ Матвѣевичъ Рудневъ*—орд. проф. кафедры Патологической Анатоміи въ Медико-Хирургической Академіи (1870—1877 гг.).

судебной медицинѣ *Каспера* сдѣлалось достояніемъ русской учащейся молодежи при посредничествѣ *М. М. Руднева*.

Итакъ, въ лицѣ *Руднева* мы имѣли не только образцоваго учителя, руководителя и преподавателя учащихся, но и представителя новой современной русской школы патологій и серьезнаго русскаго ученаго, мнѣніе котораго принимали во вниманіе и высшіе представители патологій (*Вирховъ, Конеймъ, Реклинтаузенъ*) западныхъ школъ.—Къ сожалѣнію, злой недугъ весьма быстро похитилъ этого плодотворнаго дѣятеля изъ среды учащихся въ Медико-Хирургической Академіи: въ 1877 году *Михаилъ Матвѣевичъ* заболѣлъ психическою болѣзнію настолько серьезно, что вынужденъ былъ поступить въ психіатрическую клинику проф. *И. М. Балинскаго*, гдѣ черезъ годъ онъ умеръ на 41 году отъ роду (см. рис. 9).

Михаилъ Матвѣевичъ Рудневъ въ общественной жизни примыкалъ къ молодой партіи ученыхъ—прогрессистовъ и либераловъ: онъ придавалъ весьма мало значенія аттестату зрѣлости гимназій для изученія медицины. Поэтому, будучи секретаремъ конференціи Академіи, *Рудневъ* принималъ въ число студентовъ медицинскаго отдѣленія семинаристовъ, студентовъ-ветеринаровъ или юношей, неокончившихъ полного курса гимназіи. Далѣе, благодаря его ходатайству, въ Академію была допущена въ роли слушательницы первая женщина—г-жа *Кашеварова*, которая, по окончаніи курса наукъ Медико-Хирургической Академіи, получила званіе сначала врача, а нѣсколько лѣтъ спустя, представивъ диссертацию, составленную въ лабораторіи *М. М. Руднева*, и послѣ публичной защиты, при которой главнымъ оппонентомъ былъ *М. М. Рудневъ*, г-жа *Кашеварова* была признана докторомъ медицины.

Михаилъ Матвѣевичъ, какъ истый жрецъ храма науки, былъ идеалистъ; поэтому онъ видѣлъ въ г-жѣ *Кашеваровой* самую подходящую женщину, способную дѣлать съ нимъ труды ученаго работника и достойную носить его фамилію. *Рудневъ* женился на *Кашеваровой* и, слѣдовательно, брачнымъ союзомъ было создано въ русской литературѣ имя *Кашеварова-Руднева*. Къ сожалѣнію, сія послѣдняя не оправдала тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, которыми возлагали на нее—съ одной стороны—достойнѣйшій ея учитель и супругъ,

а съ другой — ея alma mater, воспитавшая въ *Кашеваровой* пионерку высшего женскаго образованія въ Россіи.

И въ правѣ думать, что *Рудневу* неоднократно приходилось разочаровываться и въ нѣкоторыхъ изъ созданныхъ имъ ученыхъ дѣятеляхъ. — Современники, вѣроятно, помнятъ ученый диспутъ докторанта *Покатилова*, работавшаго въ лабораторіи *Михаила Матвѣевича* со студенческой скамьи до сзиданія своей докторской диссертации; на этомъ диспутѣ, сопровождавшемся весьма прискорбными недоразумѣніями и крайне рѣзкими выраженіями, во-очію обнаружались непріязненные отношенія между ученикомъ и учителемъ. Вспомнимъ возраженія другого Рудневскаго ученика *Строганова*, сдѣланныя имъ въ обществѣ Русскихъ Врачей въ Петербургѣ по поводу вопроса «О развитіи рака изъ эпителия»; въ этомъ докладѣ молодой ученый, вкорѣ послѣ возвращенія въ Академію изъ ученой заграничной командировки, полученной имъ благодаря ходатайству *М. М. Руднева*, всячески старался подорвать ученый кредитъ своего учителя въ глазахъ врачей, власть имѣвшихъ и недовольныхъ авторитетнымъ именемъ *Руднева* среди учащихся.

Затѣмъ, въ исторіи кафедръ патологической анатоміи въ Академіи мы читаемъ, что большинство учениковъ Рудневской школы смотрѣли на изученіе патологической анатоміи больше какъ на средство, облегчающее имъ доступъ къ клинической профессурѣ, нежели какъ на дѣлъ своего научнаго стремленія. Примѣры: первый ассистентъ *Руднева* — *Ив. Ник. Оболенскій* получилъ кафедру терапевтической клиники въ Харьковѣ; второй ассистентъ *С. Я. Кремлянский* читалъ частную патологию и терапію въ томъ же университетѣ; третій — *Ив. Ив. Бурцевъ* занялъ кафедру кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней въ томъ же университетѣ; *Кр. Θ. Славянский*, работавшій много лѣтъ въ лабораторіи *Руднева*, при посредствѣ котораго онъ былъ посланъ за границу для усовершенствованія въ патологіи, занялъ кафедру акушерства и женскихъ болѣзней при Медико-Хирургической Академіи; *Ив. Петр. Коровинъ*, также изъ числа первыхъ учениковъ *Руднева*, избралъ своей спеціальностью дѣтскія болѣзни и при обширной частной практикѣ въ городѣ на врядъ-ли имѣлъ возможность заглядывать въ секціонную залу, а въ лабораторіи — тѣмъ паче. Наконецъ, *Николай Алек.*

Строгановъ, принявъ на себя почетный постъ прозектора Одесской городской больницы, съ профессорскимъ окладомъ жалованья, занимался патологическою анатоміею весьма усердно, но только до тѣхъ поръ, пока онъ лелѣялъ себя надеждою при посредствѣ поддержки *С. П. Боткина* получить кафедру при Академіи. Когда же эта надежда стала тщетною, *Н. А. Строгановъ* забросилъ свой микроскопъ и принялся за врачебную практику въ богатомъ торговомъ городѣ—Одессѣ сначала по сифилитическимъ болѣзнямъ, затѣмъ расширилъ свою задачу, включивъ въ свою спеціальность и всѣ внутреннія болѣзни.

Эти факты изъ жизни выдававшихся врачей нашего времени какъ-то невольно всплываютъ въ моей памяти, и когда мысленно хоть нѣсколько проанализируемъ ихъ, то убѣждаемся, что нравственные принципы описываемой школы были недостаточно стойки и потому они породили въ ученикахъ *Руднева* не совсѣмъ-то благовидные поступки. Для подтвержденія высказаннаго приговора я обращаюсь къ генезу дѣятелей Рудневской школы.

1) Глава этой школы *М. М. Рудневъ* по происхожденію—сынъ протоіерея; первоначальное образованіе получилъ въ Тульской духовной семинаріи, откуда перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію.

2) Одинъ изъ первыхъ пастырей Рудневскаго храма былъ Иванъ Николаевичъ *Оболенскій*, по происхожденію сынъ учителя Тульского духовнаго училища, родился въ Тулѣ и воспитывался въ Тульской духовной семинаріи. Впослѣдствіи былъ ординарнымъ профессоромъ на кафедрѣ терапевтической клиники въ Харьковскомъ университетѣ.

3) Второй изъ пастырей того же храма—Владиміръ Платоновичъ *Крыловъ*, по происхожденію сынъ священника; первоначальное образованіе получилъ въ Ярославскомъ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи. Изъ школы *Руднева* перешелъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ онъ занималъ ординарную кафедру патологической анатоміи.

4) Иванъ Ивановичъ *Бурцевъ*—также сынъ священника, первоначальное воспитаніе получилъ также въ Тульской духовной семинаріи; впослѣдствіи занялъ ординарную кафедру по клиникѣ на-кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней въ томъ же Харьковскомъ университетѣ.

5) Константинъ Николаевичъ *Виноградовъ*—сынъ священника, первоначальное образованіе получилъ въ Тульской духовной семинаріи; впоследствии получилъ кафедру патологической анатоміи при Военно-Медицинской Академіи, гдѣ и окончилъ свою карьеру.

6) Николай Алексѣевичъ *Строгановъ*—сынъ священника.

7) Иванъ П. *Коровинъ*—сынъ священника, среднее образованіе получилъ въ Долматовскомъ духовномъ училищѣ и въ Пермской духовной семинаріи.

8) Алек. Дмитр. *Павловскій*—одинъ изъ послѣднихъ учениковъ Рудневской школы, по происхожденію сынъ священника, среднее образованіе получилъ въ Ярославской духовной семинаріи. По окончаніи курса наукъ въ Медико-Хирургической Академіи оставленъ былъ при кафедрѣ патологической анатоміи для усовершенствованія; по смерти *Руднева А. Д.* *Павловскій* возвратился изъ заграничной ученой командировки, измѣнивъ наименованіе на знамени своей специальности: вмѣсто патолого-анатома онъ предпочелъ званіе хирурга и, какъ таковой, онъ получилъ кафедру теоретической хирургіи въ университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ.—Здѣсь-то, послѣ десятка лѣтъ профессорской дѣятельности, про *А. Д. Павловскаго* сложилась весьма остроумная характеристика: „среди анатомовъ *Павловскій*—хирургъ, а среди хирурговъ онъ — анатомо-патологъ“, что можно окрестить терминомъ *Fledermaus*.

Изъ приведеннаго перечня дѣятелей описываемой школы, функционировавшей въ Медико-Хирургической Академіи всего семь лѣтъ, мы находимъ, по меньшей мѣрѣ, восемь воспитанниковъ духовной семинаріи и, преимущественно, изъ Тульской семинаріи, откуда вышелъ и самъ патріархъ русской школы анатомо-патологовъ. Очевидно, что *Рудневъ*, при выборѣ себѣ помощниковъ — руководствовался принципомъ *Фамусовой нравственности*:

«Какъ станешь представлять къ крестикъ или къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадытъ родному человѣчку».

И вотъ благодаря этому то принципу, совсѣмъ неумѣстному въ храмъ науки, школа *Руднева*, къ сожалѣнію, создала не столько дѣятелей, преданныхъ душой и тѣломъ чистой наукѣ, сколько врачей-практиковъ, искавшихъ въ медицинѣ средства къ добычанію житейскихъ благъ.

ГЛАВА IX.

О значеніи патологической анатоміи въ практической медицинѣ. *Рудольфъ Вирховъ* и *Николай Пироговъ* за секціоннымъ столомъ и у больничной койки.—Общая характеристика юбилейнаго памятника «*Исторія Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ*». —Пропедевтическая клиника въ Медико-Хирургической Академіи. Проф. Э. Э. *Эйхвальдъ*—какъ руководитель учащихся въ названной клиникѣ, какъ лекторъ и какъ врачъ-практикъ.—Отношенія конференціи Академіи къ задачамъ проф. Э. Э. *Эйхвальда*. Учрежденіе Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны по инициативѣ и основнымъ принципамъ Э. Э. *Эйхвальда*.

Какъ-бы велико ни было значеніе патологической анатоміи для практической медицины, приходится все-таки признать, что на трупахъ нѣтъ возможности изучать всѣ сложныя и разнообразныя картины проявленія и теченія патологическихъ процессовъ живыхъ тканей въ живомъ организмѣ челоуѣка. Какъ технологу по отбросамъ какой-нибудь фабрики нѣтъ возможности опредѣлить техники даннаго фабриката или судить о качествахъ самой фабрикаціи, такъ равнымъ образомъ анатомо-патологу трудно, а подчасъ и невозможно, на трупѣ опредѣлить: какіе предшествующіе процессы организма привели къ даннымъ измѣненіямъ тканей, какъ проявляется тотъ или другой симптомъ болѣзни, въ какой постепенности чередовались одни явленія за другими, наконецъ, какова была реакція организма, зависящая отъ индивидуальности даннаго больного. Короче, патологическая анатомія для практической медицины есть, пожалуй, основная, но *вспомогательная* наука, а не созидательная школа клиницистовъ.

Признавая изученіе клинической медицины лишь возможнымъ у постели больного, я считаю ненормальнымъ явленіемъ — созидать

терапевтовъ, хирурговъ и сифилидологовъ въ анатомическихъ залахъ, а не въ больничныхъ палатахъ. — Предоставить возможность хотя бы самому опытному анатомо-патологу непосредственно изъ секционной залы выйти профессоромъ терапевтической или хирургической клиники и стать руководителемъ учащейся молодежи по практической медицинѣ—есть зло, весьма жутко отзывающееся какъ на здоровьи больныхъ, такъ и на умственномъ развитіи учащихся. Къ прискорбію нашему, подобнаго рода аномалии въ русскихъ школахъ медицины тридцать лѣтъ тому назалъ повторялись весьма часто и повторяются нерѣдко и въ настоящее время.

Опасаясь быть ложно понятымъ въ своемъ требованіи клинической подготовки профессоровъ въ русскихъ школахъ медицины, я позволю себѣ иллюстрировать свою мысль нѣкоторыми фактами изъ жизни лучшихъ учителей медицины.

Рудольфъ Вирховъ въ теченіе своей 50-лѣтней профессорской дѣятельности, весьма вѣроятно, никого не лечилъ и не прописывалъ ни одного рецепта для больного, ибо онъ всегда оставался исключительно анатомо-патологомъ; тѣмъ не менѣе, какъ таковой, будучи профессоромъ кафедры патологической анатоміи, онъ одновременно производилъ наблюденія въ больничныхъ палатахъ Берлинской городской больницы «Charité», чтобы имѣть возможность у постели больного прослѣдить клиническія явленія, вызывающія опредѣленные, точно выраженные патологическія измѣненія въ тканяхъ организма. Такимъ образомъ, путемъ логическаго сочетанія явленій, совершающихся при жизни, съ фактами, констатированными по смерти, *Вирховъ* изучалъ законы патологіи и создалъ раціональныя теоріи о патогенезѣ болѣзненныхъ процессовъ. Благодаря такому воззрѣнію на задачи патолога, *Вирховъ* могъ еще въ 1862 году написать весьма поучительное сочиненіе: «*Vier Reden über Leben und Kranksein*» *) основныя мысли котораго должны бы стать лозунгомъ для многихъ клиницистовъ. Слѣдовательно, раціональный анатомо-патологъ считалъ нужнымъ въ клиникахъ черпать дополнительные свѣдѣнія, необходимыя для разъясненія заключительнаго акта патологическихъ процессовъ.

*) «Четыре трактата о жизни и болѣзни».

Другой примѣръ. Нашъ безсмертный *Н. И. Пироговъ* — патриархъ военно-полевой и клинической хирургіи — лучшіе годы своей жизни проводилъ за секціоннымъ анатомо-патологическимъ столомъ, чтобы *всесторонне изучать патогенезъ* болѣзненныхъ процессовъ; въ свое время *Пироговъ* былъ наилучшимъ анатомо-патологомъ въ Медико-Хирургической Академіи. Тѣмъ не менѣе отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ онъ требовалъ, чтобы они изучали практическую медицину не въ секціонныхъ залахъ, а въ госпиталяхъ и больницахъ. Будучи очень требовательнымъ къ себѣ самому, *Пироговъ* требовалъ много и отъ своихъ учениковъ, стремившихся получить званіе профессора. Вотъ одна изъ причинъ, по которымъ клиническая школа *Пирогова* не выпустила и половины того числа профессоръ-клиницистовъ, какое натворила анатомо-патологическая школа *Руднева* въ теченіе весьма короткаго періода дѣятельности послѣдняго *).

Сослуживцы *М. М. Руднева*, занимавшіе клиническія кафедры въ той же Медико-Хирургической Академіи и обладавшіе недюжими способностями, не могли оставаться равнодушными созерцателями указанной аномаліи; поэтому они въ полномъ вооруженіи своихъ лабораторій при клиникахъ стали вырабатывать такихъ молодыхъ ученыхъ клиницистовъ, которые вполне усвоили себѣ законы «des Lebens und Krankseins».

Въ описываемый нами періодъ жизни Академіи работали такіе клиницисты: какъ *С. П. Боткинъ*, *Э. Э. Эйхвальдъ*, *Д. И. Кошляковъ* — по терапіи; *Е. И. Богдановскій*, *Н. В. Склифосовскій* — по хирургіи; *А. Я. Красовскій* и *М. И. Горовицъ* — по акушерству и женскимъ болѣзнямъ; *В. М. Тарновскій* и *И. Г. Полотебновъ* — по сифилидологіи и дерматологіи. Имена и дѣятельность этихъ клиницистовъ пріобрѣли вполне заслуженную

*) За десятилѣтіе (1867—1877 гг.) руководительства *М. М. Руднева* анатомо-патологической школой эта послѣдняя выпустила: *А. С. Кремянскаго* — профессоромъ частной патологіи и терапіи Харьковскаго университета, *И. Н. Оболенскаго* — профессоромъ терапевтической клиники того же университета, *Н. Ф. Славянскаго* — профессоромъ акушерской и гинекологической клиники Казанскаго университета, *И. И. Бурцева* — профессоромъ кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней Харьковскаго университета, д-ровъ *Строганова* и *Покатилова* — сифилидологами.

извѣстность далеко за предѣлами Россіи. Благодаря ихъ трудамъ, въ западной медицинской литературѣ стали прислушиваться къ мнѣнію русскаго врача. Нѣкоторые изъ переименованныхъ мною лицъ достойны быть названы реформаторами русской школы медицины; другія были образцовыми учителями и учеными, не уступающими лучшимъ современникамъ европейскихъ клиникъ; третьи—выдавались своими природными дарованіями—распознавать человѣческіе недуги и своимъ умѣніемъ внушить обществу уваженіе и довѣріе къ русскому врачу. Подобнаго рода дѣятели, вполне естественно, оставляютъ неизгладимые слѣды въ исторіи русской медицины.

Къ сожалѣнію, на страницахъ памятника — *«Исторія Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ»* дѣятельность многихъ изъ профессоровъ описываемаго мною періода представлена въ чрезмѣрно хвалебномъ тонѣ, про другихъ — составители этого историческаго памятника ограничивались весьма краткими официальными свѣдѣніями, нѣкоторые, весьма цѣнные событія изъ жизни Академіи обойдены молчаніемъ, другія — изложены въ превратномъ видѣ; короче говоря — въ названной „Исторіи...“ все пятна вычищены, шероховатости сглажены, прорѣхи заплатаны, все какъ-бы приготовлено для юбилея. Даже въ специальныхъ монографіяхъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ клиническихъ кафедръ и изданныхъ — по поводу празднованія перваго столѣтія Академіи — въ формѣ докторскихъ диссертаций мы находимъ слишкомъ много официальныхъ выписокъ изъ формулярныхъ списковъ того или другого профессора и весьма мало фактическихъ свѣдѣній для характеристики даннаго лица.

Въ виду этого я долженъ предупредить читателя, что въ очеркахъ моихъ воспоминаній колоритъ высокочтимыхъ учителей по клинической медицинѣ представится нѣсколько инымъ: каждый дѣятель выступитъ не въ праздничномъ нарядѣ, въ мундартъ и при орденахъ, а въ будничной обстановкѣ: у больничной койки, предъ толпою слушателей-студентовъ, ординаторовъ клиники, земскихъ и городскихъ врачей и т. п. лицъ, ищущихъ познаній и требующихъ отъ своего руководителя добросовѣстнаго отношенія къ своему дѣлу и исполненія долга учителя.

Такъ какъ въ предшествовавшей главѣ я остановился на опи-

савіи занятій студента III-го курса Академіи, то въ моихъ воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ студенчества воскресаетъ прежде всего кафедра проф. *Э. Э. Эйхвальда*, задача котораго была — научить студентовъ изслѣдовать больного вообще, т. е. онъ намъ читалъ діагностику и общую терапію внутреннихъ болѣзней.

Въ 187* г. *Э. Э. Эйхвальдъ* состоялъ адъюнктъ-профессоромъ по названной кафедрѣ и, по случаю болѣзни проф. *Экка*, временно завѣдывалъ госпитальною терапевтическою клинкою съ 125 больничными койками. Благодаря такимъ условіямъ, *Эйхвальдъ* для своихъ лекцій по діагностикѣ располагалъ весьма разнообразнымъ и многочисленнымъ клиническимъ матеріаломъ. — Какъ современинъ клиницистъ и опытный руководитель, онъ не допускалъ третьюкурника выслушивать и выстукивать *больныхъ* прежде, чѣмъ не убѣдится въ томъ, что данный студентъ усвоилъ себѣ *теорію* перкуссіи и аускультации и, главное, умѣть-ли онъ выстукивать и выслушивать *здороваго* человѣка. Для достиженія сказанной цѣли *Эйхвальдъ* раздѣлялъ свои занятія на два отдѣла: въ утренніе часы онъ намъ читалъ теоретическія лекціи по діагностикѣ вообще, а въ вечернее время (два, три раза въ недѣлю) онъ въ сопровожденіи ассистента и нѣсколькихъ ординаторовъ — весьма опытныхъ въ перкутированіи и аускультированіи больныхъ — обходилъ со студентами больничныя палаты и тутъ же, у койки, на больныхъ, прекрасно демонстрировалъ намъ всѣ тѣ перкуторныя и аускультативныя явленія, о которыхъ онъ трактовалъ въ аудиторіи.

Третьекурники медицинского факультета имѣютъ обыкновеніе предпочитать практическія занятія всякимъ теоретическимъ лекціямъ. И это понятно: студентъ, вступивъ дѣйствующимъ лицомъ въ клинику, жаждетъ живого дѣла. Поэтому аудиторіи многихъ профессоровъ, какъ, напримѣръ, *Шестакова*, *Бессера*, *Карпинскаго* и другихъ лекторовъ, излагавшихъ теоретически свой предметъ, пустовали съ самаго начала семестра. Не то мы видѣли въ аудиторіи проф. *Эйхвальда*: когда бы ни читалъ Эдуардъ Эдуардовичъ (иногда онъ назначалъ свои лекціи по воскресеньямъ отъ 1—3 часовъ по-полудни — время весьма неудобное для многихъ студентовъ), какой-бы отдѣлъ діагностики или терапіи онъ ни избиралъ темою своихъ

теоретических лекцій—всегда больничная зала была переполнена слушателями: не только всѣ скамьи и стулья занимались студентами, но неоднократно приходилось видѣть, какъ военные врачи весьма почтеннаго возраста вскарабкивались на подоконники, столы и шкапчики, чтобы прослушать двухчасовую бесѣду—«*О простѣйшихъ способахъ анализа мочи и діагностическомъ значеніи послѣдняго при различныхъ лихорадочныхъ заболѣваніяхъ*», или «*О клиническомъ изслѣдованіи нервныхъ больныхъ*», или «*О физическихъ основахъ перкуссіи и аускультации грудной клѣтки*» и т. п. темы.

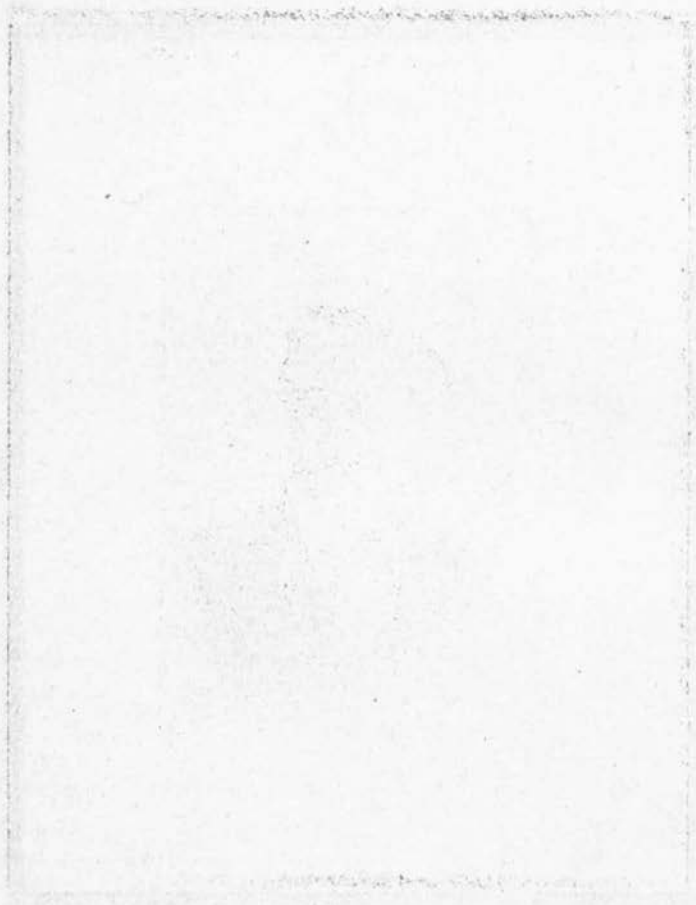
Какъ лекторъ по клиническому предмету, *Эйхвальдъ* не имѣлъ себѣ соперника въ Академіи: его теоретическія лекціи всегда были содержательны и хорошо обработаны; изложенные имъ факты какъ-то сами собою связывались въ одну непрерывную цѣпь съ теоретическими воззрѣніями лектора на тотъ или другой вопросъ патологии. Его изящная, увѣренная, строго логическая рѣчь увлекала слушателей, выразительное вниманіе которыхъ, въ свою очередь, увлекало лектора. Какъ-бы сложенъ ни представился трактуемый вопросъ, *Эйхвальдъ* умѣлъ представить его аудиторіи въ доступной для третьекурсника формѣ. Для этого, быть можетъ, лектору приходилось отступать отъ академическихъ требованій науки, такъ какъ онъ, ради ясности выводовъ, умалчивалъ о темныхъ сторонахъ разсматриваемаго вопроса.

Непріязненные къ *Эйхвальду* слушатели ставили ему въ упрекъ это стремленіе популяризировать строгія истины, называя такое отношеніе къ аудиторіи „кокетничаніемъ“ предъ незрѣлыми слушателями. Однакожъ, откровенно говоря, третьекурсники отъ этого ничего не теряли; напротивъ того, мы выходили изъ лекторіи проф. *Эйхвальда* всегда съ вполне яснымъ и хорошо усвоеннымъ воззрѣніемъ на трактовавшійся вопросъ по клинической медицинѣ.

Студенты чтяли проф. *Эйхвальда*, но нельзя сказать, чтобы они относились къ нему, какъ къ лектору, всегда снисходительно. Онъ, вслѣдствіе своей многосложной и придворной дѣятельности бывало, запоздастъ къ назначенному для лекціи времени; тогда *Эдуардъ Эдуардовичъ*, нѣсколько разфранченный (см. рис. 10), войдетъ въ аудиторію и скажетъ нѣсколько словъ въ извиненіе своего мимоволь-

Рис. 10. Э. Э. Эйхвальд—адъюнктъ профессоръ кафедры діагностики внутреннихъ болѣзней (1868—1873 гг.).

наго упущенія. Въ отвѣтъ на такое вѣжливое обращеніе лектора въ аудиторіи вдругъ раздается голосъ изъ толпы:

«Нечего одновременно на двухъ свадьбахъ плясать!»

Этимъ грубымъ восклицаніемъ выражался тогда упрекъ *Эйхвальду* въ томъ, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ роль жреца науки съ ролью придворнаго врача-сатрапа.

Какъ діагностъ по внутреннимъ болѣзнямъ, *Эйхвальдъ* обладалъ въ совершенствѣ подготовительными свѣдѣніями по химіи, физикѣ, физиологіи и патологіи. Весьма опытные врачи другого лагеря, присутствуя на воскресныхъ лекціяхъ *Эйхвальда*, неоднократно высказывали свое удивленіе тѣмъ солиднымъ знаніямъ по химіи и физиологіи, которыя лекторъ обнаруживалъ при разборѣ клиническихъ явленій или при объясненіи физическихъ способовъ изслѣдованія больного.

Какъ врачъ-практикъ, *Эйхвальдъ* пользовался въ городѣ весьма солиднымъ довѣріемъ какъ со стороны высокопоставленныхъ лицъ (онъ состоялъ лейбъ-медикомъ Великой Княгини *Елены Павловны*), такъ и со стороны интеллигенціи вообще и учащихся въ особенности. Его домашніе приемы больныхъ въ опредѣленные дни недѣли затягивались до 2—3-хъ часовъ по-полуночи. Благодаря своимъ природнымъ качествамъ и свѣтскому образованію, *Эйхвальдъ* обладалъ всѣми средствами, обеспечивающими врачу славу и успѣхъ въ обществѣ. — *Эйхвальдъ* не добивался практики, не заискивалъ у сильныхъ міра сего и не прислуживался выше его стоящимъ товарищамъ, чтобы выдвинуться по службѣ въ Академіи. Вотъ почему *Эйхвальдъ* восемь лѣтъ (1867—1875) оставался въ должности адъюнктъ-профессора, не дававшей ему права участвовать въ заведеніяхъ конференціи Академіи, что парализировало его благія намѣренія относительно реформъ клиническаго преподаванія. Однакомъ усердіе въ занятіяхъ со студентами и врачами, самое заботливое отношеніе къ клиническимъ больнымъ и, главное, безостановочное слѣдованіе за прогрессомъ медицинскихъ наукъ вообще настолько прочно установили за *Эйхвальдомъ* реномѣ талантливаго преподавателя и серьезнаго ученаго, что, не смотря на всякія каверзы со стороны многихъ членовъ конференціи, Академія все-таки признала *Э. Э. Эйхвальда* въ 1875 г. ординарнымъ профессоромъ и, по

смерти старого ветерана—*В. Е. Эйка*, предоставила госпитальную терапевтическую клинику веденію и руководству *Эйхвальда*.

Разсматривая дѣятельность профессора *Э. Э. Эйхвальда* по кафедрѣ діагностики и общей терапіи, я долженъ отмѣтить, что его немалый и нелегкій трудъ со студентами III-го курса увѣнчался успѣхомъ, явнымъ для каждого изъ насъ, его многочисленныхъ слушателей. Студентъ третьекурсникъ, усердно посѣщавшій діагностическую клинику *Эйхвальда* въ теченіе учебнаго года, приобрѣталъ настолько прочныя знанія въ распознаваніи простѣйшихъ формъ заболѣванія сердца и легкихъ и такъ увѣренно владѣлъ перкуторнымъ молоткомъ и аускультативною трубкою, что не упускалъ случая показать свое умѣніе передъ товарищами или ординаторомъ клиники. Многіе изъ насъ подъ вліяніемъ увлекательныхъ лекцій *Эйхвальда* мечтали сдѣлаться специалистами по внутренней медицинѣ; нѣкоторымъ удалось осуществить свою мечту III-го курса и таковыя въ настоящее время пожинаятъ богатая жатва на нивѣ практической медицины; другіе товарищи, по сложившимся впоследствии обстоятельствамъ, специализировались въ хирургіи, акушерствѣ, гинекологіи и т. п. отрасляхъ врачебнаго искусства; но понынѣ всѣ они сохранили за собою охоту и умѣніе изслѣдовать больного съ точки зрѣнія терапевта. Короче, знанія почерпнутыя нами въ клиникѣ *Э. Э. Эйхвальда*, служили основами нашей практической дѣятельности въ теченіе всей жизни; поэтому воспоминанія о такомъ учителѣ не сглаживаются изъ памяти врача даже на склонѣ его жизненнаго пути.

Пишущій эти строки— не терапевтъ и не изъ тѣхъ адептовъ *Эйхвальда*, которымъ онъ открылъ доступъ къ карьерѣ счастливыхъ практиковъ. Ради правды и справедливости я долженъ сказать: *Эйхвальдъ* былъ преданъ тѣломъ и душой своей *almae matris*— Медико-Хирургической Академіи, въ которой онъ получилъ свое медицинское образованіе; съ любовью и завидной энергіей онъ посвящалъ свои силы и познанія ко благу учащихся медицинѣ, съ гражданскимъ мужествомъ и отцовскою заботливостью онъ пробивалъ русскому врачу новые пути къ приобретенію научно-практическихъ знаній.

И такого дѣятеля фарисеи, засѣдавшіе въ конференціи Акаде-

ми въ описываемое время, считали вреднымъ членомъ русской школы медицины, всякими неправдами сѣяли въ сердцахъ учащихся негодованіе къ предмету, преподаваемому *Эйхвальдомъ*, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ попрекали его нѣмецкимъ происхожденіемъ и, якобы, недостаткомъ русскаго патріотизма.

Однакожь вспомнимъ, что въ порѣ господства quasi-патріотической партіи въ Академіи *Э. Э. Эйхвальдъ* сумѣлъ создать въ Петербургѣ самостоятельный Клиническій Институтъ, задачи котораго были—съ одной стороны—дать возможность практическимъ врачамъ (преимущественно земскимъ и городскимъ) пополнить недостающія имъ познанія въ прикладныхъ отрасляхъ врачебнаго искусства; съ другой—предоставить молодымъ ученымъ силамъ, не пользовавшимся фаворомъ вышеназванныхъ фарисеевъ, средства для развитія преподавательской дѣятельности помимо конференціи Медико-Хирургической Академіи. Чтобы осуществить на дѣлѣ эту заветную мечту, *Э. Э. Эйхвальдъ* внушилъ Великой Княгинѣ *Еленѣ Павловнѣ* мысль о крайне благотворномъ вліяніи такого врачебнаго института на народное здравіе, что побудило Ея Высочество, какъ безмѣрную филантропку, отказать нѣсколько сотенъ тысячъ рублей на учрежденіе Клиническаго Института; къ этой суммѣ *Эйхвальдъ* приложилъ изъ своихъ средствъ пожертвованіе въ 75 тысячъ рублей, и преподнесъ на благоусмотрѣніе покойнаго Государя *Александра Николаевича* проектъ этого учрежденія въ такомъ привлекательномъ видѣ, что осуществленіе его встрѣтило себѣ самое теплое участіе какъ со стороны министерства двора, такъ и со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

Первымъ директоромъ «*Клиническаго Института*» въ память *В. К. Елены Павловны*, правда, былъ проф. *Э. Э. Эйхвальдъ*; ближайшими же сотрудниками его въ дѣлѣ преподаванія были: *М. Ив. Афанасьевъ*, *Н. Д. Монастырскій*, *В. Н. Никитинъ*—врачи съ вполне русскими именами, которые по научной подготовкѣ и по своимъ научнымъ работамъ несомнѣнно заслужили того, чтобы стать руководителями учащихся медицинъ; но при господствовавшихъ тогда въ Академіи принципахъ эти почтенные дѣятели никогда не получили-бы профессуры именно потому, что они были сторонниками воззрѣній и стремленій *Эйхвальда*—создать школу „свободныхъ

преподавателей“ (professeurs libres). Къ сожалѣнію, руководство Клиническаго Института въ рукахъ энергичнаго его представителя — проф. *Эйхвальда* оставалось весьма короткое время (1885—1889 гг.); преждевременная смерть труженика нанесла незамѣнимый уронъ этому учрежденію; поэтому многіе пробѣлы и недостатки послѣдняго понынѣ не восполнены. Однакожъ прислушиваясь къ безпристрастному и правдивому голосу народныхъ врачей, мы знаемъ, что Клиническій Институтъ В. К. *Елены Павловны* по нѣкоторымъ отдѣламъ практической медицины прекрасно выполняетъ свои задачи. Стало быть, въ заботахъ о народномъ здоровіи *Э. Э. Эйхвальда* вносилъ свою лепту труда и матеріальныхъ средствъ не менѣе другихъ его сослуживцевъ по Академіи (проф. *Забѣлина*, *Заварькина*, *Сорокина* и т. п.). *) Уже въ виду этого факта наврядъ ли справедливо *Э. Э. Эйхвальда* не признавать сыномъ своей родины, а считать его поборникомъ нѣмецкаго направленія въ воспитаніи русскихъ врачей. Неопровержимые факты говорятъ: *Эйхвальда* родился, жилъ и умеръ русскимъ человѣкомъ; только въ научныхъ вопросахъ онъ выступалъ космополитомъ, слѣдуя золотому принципу — «la science n'a pas de patrie»! —

«Старая Деревня»
подъ Петербургомъ.
14. VII. 1901.

*) Укажемъ между прочимъ на два факта изъ жизни *Э. Э. Эйхвальда*: 1) Въ списокъ его ученыхъ трудовъ мы находимъ: «Что дѣлать въ ожиданіи холеры и при первомъ ея появленіи». — «Инструкція для охраненія здоровья воинскихъ чиновъ дѣйствующей арміи». — «Полемиическія статьи о смертности въ Россіи». — 2) На учрежденіе Клиническаго Института *Э. Э. Эйхвальдъ* пожертвовалъ 75.000 рублей, тогда какъ по смерти его семья вынуждена была продать его богатую библіотеку за относительно ничтожную сумму, чтобы обезпечить себя мало-мальски сносно. Эти факты явно свидѣтельствуютъ, что *Эйхвальдъ* думалъ и заботился о здоровіи русскаго народа значительно больше, чѣмъ его соперники — вышеперечисленные quasi-патріоты, не признававшіе въ *Эйхвальдѣ* русскаго человѣка изъ-за личныхъ выгодъ.

ГЛАВА X.

Отношенія студентовъ къ профессорамъ Медико-Хирургической Академіи.—Характеристическіе знітеты нѣкоторыхъ профессоровъ 70-хъ годовъ.—Недостатокъ общей программы преподаванія медицинскихъ наукъ въ Академіи.— Преподаваніе предмета «Частная патологія и терапія» съ кафедръ—есть *pensens*.—Жалоба первыхъ земскихъ врачей на недостатки практическихъ знаній врачебнаго искусства.—Дѣятельность проф. *Н. В. Склифосовскаго* по кафедрѣ хирургической патологіи въ 1871 г.—*Н. В. Склифосовскій* въ роли лектора, демонстратора и оператора. Поучительный эпизодъ изъ клинической практики проф. *Н. В. Склифосовскаго*.

Однимъ изъ отрадныхъ явленій описываемаго періода расцвѣта Медико-Хирургической Академіи было то, что въ наше время студенты читли своихъ учителей, видѣли въ нихъ людей съ твердыми убѣжденіями, съ непоколебимыми принципами нравственныхъ началъ и гражданскаго долга. За нѣкоторыми изъ профессоровъ Академіи мы, студенты, признавали авторитетъ не только въ вопросахъ научныхъ, но и общественныхъ или житейскихъ. Вообще говоря, студенты любили свою Академію, какъ истую *alma mater*, слѣдили за каждымъ шагомъ ея развитія, интересовались каждымъ ея дѣятелемъ въ частности и духовно сплочивались въ единую семью готовящихся и готовящихся общественныхъ дѣятелей.

Хотя внутренній строй Медико-Хирургической Академіи не способствовалъ тѣсному сближенію учащихся съ учащимися, тѣмъ не менѣе студенты высшихъ курсовъ знали многихъ профессоровъ не только по ихъ служебнымъ обязанностямъ, но и по ихъ общественному положенію, по ихъ воззрѣніямъ на животрепещущіе вопросы жизни, по ихъ участію въ современномъ прогрессѣ русской гражданственности, по принадлежности ихъ къ тому или другому изъ двухъ

господствовавших лагерей конференціи; а о нѣкоторыхъ профессорахъ — фаворитахъ студенчества — циркулировали среди насъ біографическія свѣдѣнія: мы знали ихъ семейный, домашній образъ жизни, ихъ происхожденіе, начальное воспитаніе и научное образованіе. Вотъ почему сложившееся среди студентовъ мнѣніе о личности выдающагося профессора въ большинствѣ случаевъ представлялось объективнымъ, безпристрастнымъ и разностороннимъ.

Въ товарищескихъ бесѣдахъ темою для взаимнаго обмѣна мыслей нерѣдко служили сужденія о научно-практической пользѣ, приобретаемой студентами отъ того или другого преподавателя, причемъ невольно складывалась характеристика выдающихся руководителей. — Такъ, напр., *Грубера* величали „Пименомъ“ русской анатомической школы; *Ландцверта* — „художникомъ“ анатомической кафедрѣ; *Зинина* — «дядькой» академическаго студенчества; *Сычкова* — «Ломоносовымъ» русской фізіологіи; *Руднева* — «русскимъ Вирховымъ» и т. д. Подобнаго рода эпитеты давались только избраннымъ профессорамъ, аудиторіи и лабораторіи которыхъ посѣщались студентами особенно усердно. Характеристика же дѣятельности другихъ лекторовъ иногда выливалась въ очень неизысканныя формы. Напримѣръ, про достоинство чтенія профессора *Шестова* студенты говорили: «пять дураковъ шестого слушаютъ», — т. е. этимъ выразилось: во-первыхъ, что лекціи названнаго профессора обыкновенно посѣщали одни и тѣ же пять слушателей изъ 160 человѣкъ всего курса; а, во-вторыхъ, что лекціи проф. *Шестова* были до того малосодержательны и бесполезны, что только такіе студенты, которые желали мозолить глаза преподавателю своимъ усерднымъ посѣщеніемъ лекцій съ цѣлью получить на экзаменѣ по предмету частной патологіи и терапіи весьма удовлетворительную отмѣтку, способны слушать такую галиматью, какую преподавалъ проф. *Шестовъ*.

Нужно замѣтить, что въ 70-хъ годахъ курсъ медицинскихъ наукъ былъ не менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ настоящее время; но главный недостатокъ программы преподаванія выражался въ томъ, что практическимъ или, точнѣе, прикладнымъ знаніямъ врачебнаго искусства студентовъ обучали очень мало. Даже такой практическій предметъ, какъ курсъ механургіи и десмургіи [ученіе о повязкахъ и

объ оказаніи первой помощи], преподаваемый проф. *Карпинскимъ*, излагался *теоретически*, причемъ студентамъ демонстрировались иногда различные механическіе приемы [напр. вправленіе вывиха, наложеніе неподвижныхъ повязокъ, леченіе искривленій конечностей и позвоночника] на скелетахъ, на рисункахъ и на куклахъ. Подобнаго рода свѣдѣнія, какъ это знаетъ всякій врачъ, приобретаются только на практикѣ непосредственно у постели больного или на амбулаторномъ приѣмѣ больныхъ; поэтому преподаваніе механургіи и десмургіи должно имѣть мѣсто въ клиникахъ или лечебницахъ, не никакъ не въ музеѣ какихъ-то историческихъ снарядовъ военно-полевой хирургіи.

Предлагаю опытнымъ руководителямъ по внутренней медицинѣ остановиться мысленно на вопросахъ: что можетъ самый усердный третьекурсникъ вынести изъ лекціи частной патологіи и терапіи, преподаваемой съ кафедръ? Какъ удержать въ памяти студенту, не выдавшему больного, такіа сложныя клиническія картины, какія представляютъ энцефалитъ, урэмія, циррозъ печени и т. п. формы болѣзней? Какая частичка знанія можетъ остаться въ головѣ слушателя изъ длиннаго ряда медицинскихъ терминовъ, не вызывающихъ въ его воображеніи конкретнаго представленія о трактуемыхъ явленіяхъ?... Простое, такъ сказать, энциклопедическое опредѣленіе этимъ терминамъ студенты получаютъ изъ устъ преподавателей общей патологіи, патологической анатоміи и руководителя пропедевтической (діагностической) клиники; болѣе рельефнаго представленія о патологическихъ процессахъ третьекурсникъ изъ аудиторіи частной патологіи и терапіи не вынесетъ; слѣдовательно, кафедра по названному предмету совершенно излишняя. То же самое сужденіе студентамъ имѣли по многимъ другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ наше время съ кафедръ — *теоретически*.

Прочитавъ въ газетахъ вполнѣ справедливыя жалобы молодыхъ врачей на то, что при вступленіи ихъ на земскую службу они на первыхъ же порахъ убѣждаются въ своемъ незнаніи простѣйшихъ, и необходимѣйшихъ приѣмовъ практической медицины, я сознательно и обдуманно причислился къ тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые признавали всякія теоретическія лекціи по прикладнымъ предметамъ медицины излишнимъ балластомъ, а свободные отъ лекцій часы мы

охотнѣе посвящали клиникамъ, гдѣ нерѣдко исполняли всякія фельдшерскія обязанности.

Піонеры охраненія народнаго здравія неоднократно заявляли во „Врачѣ“ о томъ, что въ теченіе всего академическаго курса медицинскихъ наукъ они ни разу не видѣли — *какъ прививаютъ оспу* *); какъ укладываютъ на носилки тяжело раненаго въ грудь; какова должна быть помощь угорѣвшему или утопленнику; какъ унимается острое носовое кровотеченіе и т. п. обыденныя и безотлагательныя врачебныя пособія. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что земскимъ врачамъ приходилось въ первое время своей практической дѣятельности учиться вышеуказаннымъ приемамъ у своихъ фельдшеровъ и, слѣдовательно, терять въ глазахъ послѣднихъ свой престижъ «старшаго».

Возвращаясь теперь къ описанію нашей студенческой жизни на третьемъ курсѣ Медико-Хирургической Академіи, я долженъ сказать, что, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ профессоровъ — *Руднева* и *Эйхвальда*, въ моей памяти сохранились еще воспоминанія о профессорѣ *Н. В. Склифосовскомъ*, какъ о весьма полезномъ руководителѣ учащихся по практической хирургіи, хотя занимаемая имъ тогда каедра предназначалась главнымъ образомъ для ознакомленія студентовъ съ хирургическою патологіею или съ ученіемъ о хирургическихъ заболѣваніяхъ вообще.

Н. В. Склифосовскій въ 1871 г. вошелъ въ составъ преподавателей Академіи помимо желанія другихъ членовъ ея; поэтому онъ при самомъ вступленіи въ корпорацію профессоровъ встрѣтилъ недружелюбіе другихъ хирурговъ-клиницистовъ. Только благодаря тому, что *Склифосовскому* удалось сохранить при каедрѣ теоретической

*) Въ № 6 газеты «Врачъ» за 1880 г. мы прочитали слѣдующія строки: «Позвольте надѣяться, что Вы, г. редакторъ, не откажетесь удѣлить нѣсколько строкъ моему письму. Окончивъ не такъ давно курсъ въ Академіи, я поступилъ на службу въ земство. Случилось такъ, что одновременно со мною въ то же земство поступили два товарища, одинъ изъ Московскаго, другой изъ Казанскаго университета. Намъ пришлось руководить оспопрививаніемъ. И что же? Ни одинъ изъ насъ не видалъ на практикѣ, какъ прививаютъ оспу! Разговорились мы какъ-то объ оживленіи угорѣвшихъ: оказалось, что и о способахъ оживленія, объ искусственномъ дыханіи и проч. мы тоже знаемъ только изъ книгъ. Это—пробѣлъ, и пробѣлъ весьма существенный. Д—нѣ (см. «Врачъ» Т. I, стр. 112).

хирургіи 50 постоянныхъ коекъ (чего не было при той же кафедрѣ въ университетахъ), преподаваніе этого предмета въ Академіи велось не столько съ кафедры, сколько въ больничныхъ палатахъ, въ перевязочномъ залѣ или за операціоннымъ столомъ. Результатомъ такихъ благопріятныхъ условій явилась школа русскихъ врачей, хорошо знакомыхъ съ современными требованіями хирургіи и изъ больничнаго практика *Н. В. Склифосовскаго* выработался образцовый профессоръ-клиницистъ, завоевавшій себѣ первое мѣсто среди русскихъ хирурговъ и насаждавшій новые посѣвы на нивѣ клинической хирургіи.

Въ описываемое время *Н. В. Склифосовскій* не пользовался среди учащихся авторитетомъ ученаго; его теоретическое изложеніе хирургической патологіи не привлекало вниманія слушателей, несмотря на то, что лекторъ, видимо, тщательно обрабатывалъ свои лекціи, старался описывать различные хирургическіе процессы въ строгой системѣ весьма картинно и въ изящныхъ формахъ выраженія. Напримѣръ, говоря о необходимости произвести ампутацію, онъ обыкновенно выражался: „Какъ ни печальна наша терапия, тѣмъ не менѣе мы къ ней прибѣгаемъ какъ къ единственному средству спасти жизнь человѣка!“

Вообще говоря, тотъ отдѣлъ лекціи, въ которомъ *Н. В. Склифосовскій* касался анатомическихъ или патологическихъ объясненій фактовъ, отдавалъ чѣмъ-то книжнымъ, прочитаннымъ, но не продуманнымъ; въ тѣхъ же отдѣлахъ его научныхъ бесѣдъ, гдѣ обсуждались вопросы о сравнительной оцѣнкѣ различныхъ терапевтическихъ приѣмовъ, тамъ опытность, увѣренность и самостоятельность лектора сами собою выступали предъ слушателями. Еще рельефнѣе выдавались эти качества *Н. В. Склифосовскаго* при демонстраціи больныхъ: студенты, я помню, восхищались быстротою, изяществомъ и цѣлесообразностью его техники наложенія гипсовыхъ повязокъ, его ловкими приѣмами при инструментальномъ изслѣдованіи больныхъ, имѣвшихъ камень въ мочевомъ пузырьѣ, или при выполненіи весьма сложныхъ операцій въ трудно доступныхъ областяхъ (напр., въ глубинѣ околоушной впадины, въ подкрыльцовой ямѣ и т. п.).

При выполненіи подобной задачи *Николай Васильевичъ* обыкновенно хранилъ глубокое молчаніе, зорко слѣдилъ за дыханіемъ и вы-

раженіемъ лица оперируемаго, требовалъ отъ окружающихъ безусловной тишины, а самъ «священнодѣйствовалъ» надъ опасными органами человѣка со средоточеннымъ вниманіемъ, педантично и съ изумительнымъ спокойствіемъ.

Проф. *Склифосовскій* любилъ видѣть себя окруженнымъ толпою врачей и студентовъ; во время обхода больныхъ по палатамъ клиники онъ весьма охотно обучалъ насъ различнымъ приемамъ изслѣдованія и уходу за хирургическими больными; при этомъ онъ никогда не упускалъ изъ виду ощущенія, болевую чувствительность и врожденную стыдливость больного человѣка. При изслѣдованіи хирургическихъ больныхъ, особенно женщинъ и дѣтей, *Склифосовскій* старался устранить всякую боль или огорченія больныхъ, не нанося при этомъ ущерба тщательности изслѣдованія или изученія характера болѣзни. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить особенное достоинство *Н. В. Склифосовскаго*: никто изъ руководящихъ нами по практическимъ отраслямъ медицины въ Академіи не умѣлъ создать въ клиникѣ такой дисциплины, внушать больнымъ такого къ себѣ довѣрія, студентамъ—любви къ дѣлу и вѣру во врачебное искусство, клиническому персоналу—гуманное отношеніе къ больнымъ и строгое исполненіе своихъ обязанностей, каковыя мы видѣли и ощущали на себѣ при посѣщеніи клиники проф. *Н. В. Склифосовскаго*.

Въ моей памяти понынѣ живо рисуется образъ стройнаго, высокаго роста, съ черною окладистою бородою (см. рис. 11), съ прекрасными бѣлыми, какъ слоновою костью, зубами, съ густою, длинною и черною шевелюрою на долихоцефалической головѣ, съ темными, весьма выразительными глазами, съ серьезнымъ, но ласкающимъ выраженіемъ на устахъ проф. *Склифосовскаго*, стоящаго передъ слушателями одѣтымъ въ длинный, весьма изящно сшитый изъ черной фланели халатъ, и своими красивыми, тщательно вымытыми руками, не гнушавшимися продѣлывать самыя грязныя манипуляціи на тѣлѣ человѣка, чтобы облегчить больному страданія или предупредить угрожающія его здоровью опасности.

Николай Василевичъ, несмотря на то, что имѣлъ дѣло преимущественно съ рядовыми нижними чинами и самъ носилъ военный мундиръ генеральскаго достоинства, никогда никому не «тыкалъ»; всегда обходился съ низшею больничною прислугою изысканно вѣж-

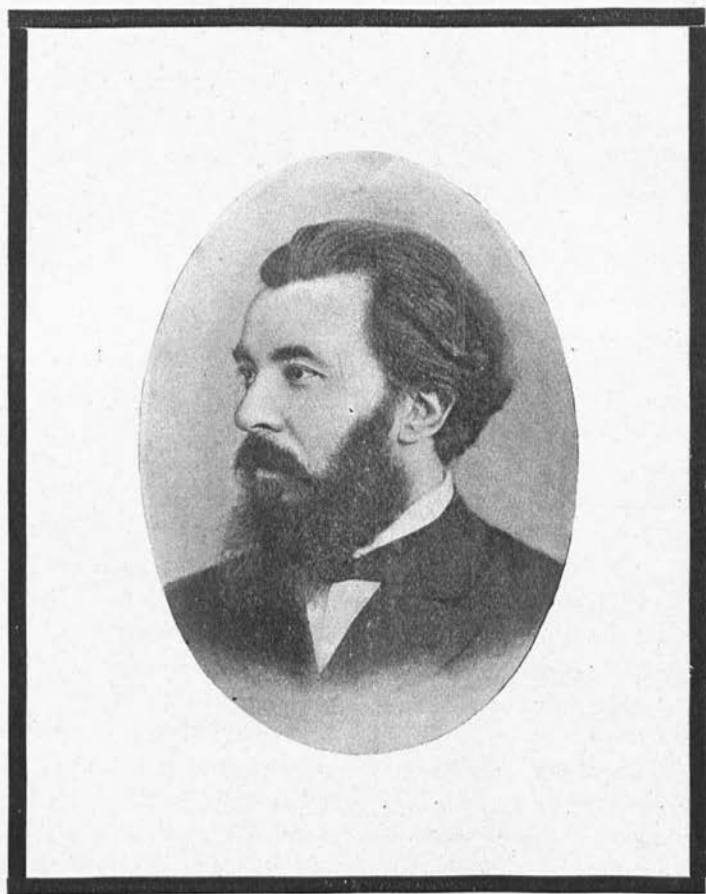

Рис. 11. *Н. В. Склифосовский*—экстра-ордин. проф. кафедры Хирургической Патологии (1871—1876 гг.).

ливо, обращался къ фельдшеру не иначе, какъ со словомъ «господи́тъ» произнося его фамилію и это слово нараспѣвъ. Обращеніе *Склифосовскаго* къ фельдшеру: «Господинъ Савицкій, дайте ляпистъ, да!» — всегда вызывало у студентовъ сдержанный смѣхъ.

Къ ординаторамъ клиники, къ студентамъ и приходящимъ больнымъ онъ всегда относился съ выраженіемъ участія, но никогда не позволялъ себѣ говорить что-либо лишнее, не идущее къ дѣлу; а разсказывать анекдоты или пошучивать съ больными, какъ это нерѣдко позволяютъ себѣ многіе клиницисты, особенно нѣмецкіе корифеи хирургіи (*Бильротъ*, *Фолькманъ* и др.), въ клиникѣ *Склифосовскаго* считалось преступленіемъ противъ врачебной этики — и, ерго, не допускалось ни въ какомъ случаѣ.

Такая строгая дисциплина въ больничномъ обиходѣ, признаться, была не по душѣ многимъ изъ русскихъ клиницистовъ; военные врачи, воспитывавшіеся въ школахъ проф. *Заблюкаго*, *Богдановскаго* et tutti quanti, гдѣ народная, самая площадная, ругань нерѣдко произносилась безъ зазрѣнія совѣсти, видѣли въ *Склифосовскомъ* «нѣмецкаго» учителя и его манипуляціи у операціоннаго стола называли «священнодѣйствіемъ». — Но больные вообще, а женщины въ особенности, были очарованы обращеніемъ, уходомъ и вниманіемъ, какіе они встрѣчали какъ со стороны врачей, такъ и со стороны директора описываемой клиники.

Дабы рельефнѣе представить ту черту характера проф. *Склифосовскаго*, о которой тутъ ведется рѣчь, я позволю себѣ разсказать здѣсь эпизодъ, оставившій во мнѣ глубокое впечатлѣніе и имѣвшій мѣсто въ операціонномъ залѣ проф. *Склифосовскаго* во время моего студентства.

Молодая, крайне изнѣженная женщина, родомъ француженка, и, по темпераменту, истеричка, страдала обширнымъ мочево-влагалищнымъ свищемъ; неоднократно она была оперируема подъ хлороформеннымъ наркозомъ въ Кіевѣ, но операціи не достигали цѣли, что побудило ее пріѣхать экстренно въ Петербургъ и искать оперативной помощи изъ рукъ *Н. В. Склифосовскаго*, славившагося уже въ то время своими успѣшными пластическими операціями. — Когда г-жа III — онъ поступила въ клинику и была всесторонне изслѣдована *Склифосовскимъ*, то послѣдній нашелъ такое

обширное разрушеніе и рубцевое перерожденіе передней стѣнки маточнаго рукава, что онъ считалъ нужнымъ предупредить больную о томъ, что предстоящая операція будетъ продолжительна, потребуетъ часа полтора весьма мучительнаго колѣнолоктеваго положенія (à quatre pattes), въ виду чего хлороформированіе невозможно. — Не забудемъ, что современныхъ средствъ мѣстнаго обезболиванія по *Шлейху* въ 187* году не было; поэтому *Н. В. Склифосовскій* согласился оперировать эту больную, но не иначе, какъ при выполненіи двухъ условій: во первыхъ, операція должна быть произведена въ присутствіи студентовъ; во - вторыхъ, г-жа III — онъ должна обѣщать во время производства операціи не кричать и не плакать.

Признаться, мнѣ, студенту третьяго курса и куратору этой больной, такія условія со стороны врача представлялись тогда суровыми и невыполнимыми, ибо выраженія чувства женскаго стыда и боли, казалось, не подчиняются волѣ человѣка.

Но представьте себѣ мое, и всѣхъ присутствовавшихъ студентовъ, изумленіе, видѣвшихъ, какъ 20-ти лѣтняя нѣжная интеллигентная женщина, простоявъ на колѣняхъ въ теченіе добраго часа въ то время какъ операторъ вырѣзывалъ рубцы, выкраивалъ лоскуты слизистой оболочки изъ маточнаго рукава, накладывалъ множество металлическихъ швовъ и стягивалъ губы раны съ большимъ насиліемъ, причѣмъ ассистенты сильно растягивали входъ во влагалище, — при всѣхъ этихъ манипуляціяхъ эта дрожащая отъ усталости и волненія слабая женщина ни разу не вскрикнула; только видно было, какъ оперируемая молча глотала слезы и скрывала свою внизъ опущенную голову въ мягкой подушкѣ.

По окончаніи операціи Николай Васильевичъ подошелъ къ возбужденной и сильно зарумянившейся больной г-жѣ III — онъ, похлопавъ ее, какъ ребенка, по щекѣ, похвалилъ за коррективное исполненіе даннаго обѣщанія и сказалъ: «Операція кончена, теперь можете, г-жа III — онъ, поплакать!»

И пошла писать истерія: плачь, крикъ, всхлипываніе и заливающийся слезами смѣхъ выгнали изъ операціонной комнаты всѣхъ студентовъ; остались при ней только палатный ординаторъ и я, въ роли куратора, обязаннаго, по распоряженію профессора *Склифосов-*

скаго, подмѣчать всѣ явленія и перипетіи, переживаемыя оперируемой, и таковыя вносить въ скорбный листъ курируемой больной. Я помню, что моя нервная система въ то время не могла равнодушно относиться къ душѣ раздражающему крику молодой страдальцы, поэтому наврядъ-ли я былъ тогда въ состояніи наблюдать, тѣмъ паче анализировать клиническія явленія. Однако-жъ и въ данномъ случаѣ я кое-что поучительное для себя приобрѣлъ: во-очію я убѣдился какъ слѣпое довѣріе къ врачу способно обуздать самыя распушенные нервы истерической женщины и какъ опытный врачъ можетъ пользоваться этимъ средствомъ ко благу больной.

Товарищъ, прочитавшій только-что описанный случай, пожалуй, можетъ мнѣ возразить, что во всемъ этомъ эпизодѣ ничего поучительнаго нѣтъ, что каждому врачу извѣстно, какъ истерички легко поддаются внушенію; поэтому проф. *Склифосовскій*, весьма вѣроятно, прибѣгъ къ гипнозу во время оперированія больной г-жи III—онъ.

Противъ такого возраженія я замѣчу, что приведенный мною клиническій случай имѣлъ мѣсто въ 187* году, т. е. въ то время, когда въ практической медицинѣ о гипнозѣ «suggestion» и рѣчи не было, когда клиническая картина истеріи представлялась до того темною, что хирургъ-практикъ и не осмѣлился-бы высказать свое сужденіе объ этомъ болѣзненномъ состояніи нервной системы, а пользоваться имъ съ терапевтическою цѣлью — подавно; наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и теперь я разсматриваю эпизодъ, сообщенный изъ клиники проф. *Склифосовскаго*, глазами студента-третьекурсника, не имѣвшаго никакого представленія о нервныхъ болѣзняхъ женской половой сферы.

Не по одному лишь этому случаю я сужу о довѣріи больныхъ къ *Склифосовскому*, какъ къ врачу; впоследствии мнѣ неоднократно приходилось видѣть какъ выздоравливающія женщины молились предъ фотографическимъ портретомъ *Николая Васильевича*, какъ предъ святыней.

Выше, мимоходомъ, я упомянулъ, что въ Академіи хирургиклинисты относились къ *Склифосовскому* весьма непріязненно; господствовавшая тогда въ конференціи партія «quasi-патріотовъ» причислила его къ «нѣмцамъ». Тѣмъ не менѣе многіе враждебные къ нему сослуживцы неоднократно обращались къ *Н. В. Склифосов-*

скому съ просьбами—оказать оперативную помощь ихъ родственникамъ, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда сама операція требовала особеннаго искусства.

Кто имѣлъ возможность часто видѣть *Склифосовскаго* оперирующимъ при различной обстановкѣ, надъ больными различнаго состоянія и въ случаяхъ весьма затруднительныхъ, тотъ не могъ не замѣтить въ немъ того, что называется «*ars chirurgica*» — особенной художественной жилки. Ординаторамъ клиники онъ часто твердилъ при операціяхъ: «нужно дѣлать не только хорошо, но и изящно». Этотъ афоризмъ, высказанный *Склифосовскимъ* какъ-то невольно въ семьѣ одного профессора Академіи во время оперирования его жены, вызвалъ со стороны послѣдней весьма забавный отзывъ о *Склифосовскомъ*, какъ объ операторѣ.

Уже будучи молодымъ врачомъ, я однажды присутствовалъ при операціи *Николая Васильевича* въ домѣ профессора *Б—ва*, близкая родственница котораго послѣ тяжелыхъ родовъ страдала обширнымъ разрывомъ промежности и потому подлежала пластической операціи. Молодую, весьма изящную женщину захлороформировали въ ея спальнѣ; въ сонномъ состояніи ее перенесли въ болѣе свѣтлую комнату — въ залу, гдѣ ее уложили на импровизированный операціонный столъ въ положеніи «*à la taille*», т. е. съ согнутыми въ колѣняхъ ногами, растопыренными бедрами и съ выдвинутою впередъ промежностью, по обѣимъ сторонамъ стояли два врача — помощники оператора, державшіе обнаженные бедра больной, а впереди операціоннаго поля, на высокомъ табуретѣ помѣщался *Склифосовскій* en face къ выступающей промежности оперируемой, причемъ свѣтовые лучи изъ оконъ непосредственно падали на операціонное поле. У изголовья больной стояли хлорформирующий врачъ, профессоръ *Б—въ* — хозяинъ дома и мать оперируемой, которая согласно желанію больной, должна была непрерывно держать ее за руку; кромѣ того въ этой залѣ присутствовали клиническій фельдшеръ, служанка и еще нѣкоторые лица. Вся операція шла очень гладко, при весьма дружномъ исполненіи обязанностей cadaго и соблюденіи мертваго молчанія; только самъ *Николай Васильевичъ* нѣсколько нарушалъ эту тишину тѣмъ, что во время сшиванія раны онъ періодически отодвигался табуретомъ взадъ, чтобы на нѣкоторомъ разстояніи обозрѣть операціонное поле.

Когда операція была кончена, хлороформированіе прекратили, послѣ чего оперированная очень быстро пришла въ сознаніе. Она удивленнымъ взоромъ оглядѣла всѣхъ присутствующихъ, недовѣрчиво отнеслась къ словамъ матери, сказавшей ей, что операція уже окончена, нужно только еще перевязать рану и зорко слѣдила за дѣйствіемъ *Склифосовскаго*, стоявшаго у ея ногъ впереди промежути и сосредоточенно обдумывавшаго—какого рода повязку примѣнить въ данномъ случаѣ... Вдругъ онъ опять подался на нѣсколько шаговъ назадъ и сталъ разсматривать направленіе шва. Въ этотъ моментъ, совершенно неожиданно для всѣхъ присутствующихъ врачей, раздается сердитый и обиженный голосъ оперируемой:

«*Николай Васильевичъ*, какую картину вы тамъ любуетесь, что такъ внимательно разсматриваете?! Полно вамъ любоваться!»

На это восклицаніе больной, сопровождаемое взрывомъ хохота со стороны всѣхъ присутствующихъ, профессоръ *Склифосовскій* отвѣтилъ самымъ серьезнымъ образомъ:

— «Простите, моя милая М. П., вѣдь нужно сдѣлать не только хорошо, но и изящно!»

«Да, правда, мнѣ говорили, что вы въ своемъ искусствѣ истый художникъ. Къ этому я еще могу прибавить, что ваше искусство позволяетъ вамъ созерцать непозволительныя картины!» сказала оперированная полуобиженнымъ тономъ.

Замѣтимъ, что какъ со стороны *Николая Васильевича* въ данномъ случаѣ созерцаніе было совершенно машинально, такъ и со стороны весьма почтенной М. П. Б—ой упреки были произнесены мимовольно, инстинктивно, но въ то же время и вполне резонно, и остроумно.

По выздоровленіи своемъ г-жа Б—ва, конечно, вполне забыла перенесенное ею чувство женской стыдливости, но всегда вспоминала и *Склифосовскомъ*, какъ о самомъ пріятномъ, крайне любезномъ о искусномъ врачѣ.

ГЛАВА XI.

Параллель идеаламъ учащихся медицинѣ 50-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія.—Мотивы, побуждавшіе студентовъ Академіи 70-хъ годовъ предпочитать внутреннюю медицину предъ хирургією.—Нѣсколько словъ о профессорѣ хирургіи *И. О. Корженевскомъ*, какъ о выразителѣ новѣйшихъ взглядовъ современныхъ хирурговъ. Выписка изъ письма одного молодого хирурга, воспитывавшагося въ школѣ проф. *Е. И. Богдановскаго*.—*С. П. Боткинъ*, какъ представитель терапевтической клиники и культиваторъ научныхъ рациональныхъ врачей русской школы. Штатъ частныхъ преподавателей, работавшихъ по различнымъ отраслямъ внутренней медицины подъ общимъ знаменемъ Боткинской школы. *Сергій Петровичъ Боткинъ*, какъ лекторъ.

Если бросить ретроспективный взглядъ на идеалы студенчества русскихъ медицинскихъ школъ 50-хъ годовъ и таковыя сравнить съ идеалами студенчества 70-хъ годовъ, то въ общемъ направленіи учащихся медицинѣ легко замѣтить слѣдующее различіе: въ первомъ изъ указанныхъ мною періодовъ русское студенчество выдвигало изъ ряда преподаваемыхъ имъ отраслей практической медицины хирургію, тогда какъ въ наше время студенчество Академіи, напротивъ того, предпочитало внутреннюю медицину хирургіи. Склонность или предпочтеніе учащихся къ той, либо другой отрасли медицинскихъ наукъ зависитъ, вполнѣ естественно, отъ авторитетовъ, руководившихъ студентовъ въ разсматриваемое время. Вспомнимъ, что въ русскихъ школахъ медицины 50-хъ годовъ работали такіе авторитеты по хирургіи, какъ *Н. И. Пироговъ* въ Петербургѣ, проф. *Иноземцевъ*—въ Москвѣ, проф. *Каравановъ*—въ Кіевѣ, которые оставили по себѣ въ исторіи русскихъ медицинскихъ школъ неизгладимые слѣды; а въ народной молвѣ понынѣ еще живутъ имена этихъ благодѣтелей, почитавшихся чуть-ли не

чудотворцами врачебнаго искусства; слава о нихъ разносилась народной молвой на многія сотни верстъ вокругъ ихъ мѣста дѣятельности. Въ то время искусство русскихъ терапевтовъ едва лишь мерцало въ сравненіи съ сіяніемъ свѣтилъ хирургіи.—Вотъ почему въ русскихъ школахъ медицины 50-хъ годовъ хирургія была любимымъ предметомъ студентовъ.

Другое направленіе мы видимъ въ теченіе 70-хъ годовъ: прежніе авторитеты старились, уходили съ поля дѣятельности, а новыхъ такихъ же сильныхъ борцовъ по хирургіи не нарождалось; между тѣмъ какъ по внутренней медицинѣ на аренахъ русскихъ школъ врачебнаго искусства появляются такіе дѣятели, какъ проф. *С. П. Боткинъ*—въ Академіи, проф. *Захарыинъ*—въ Москвѣ, проф. *Покровский*—въ Кіевѣ, которые, по народной молвѣ, „творятъ просто чудеса“ и, благодаря этой славѣ, къ нимъ стекаются больные съ самыхъ далекихъ окраинъ Россіи и „чуть-ли не съ полъ-міра“. При такихъ условіяхъ неудивительно, что въ клиникѣ каждаго изъ названныхъ авторитетовъ образуется цѣлая школа молодыхъ врачей, всецѣло предающихся изученію внутренней медицины и способствующихъ научному процвѣтанію избраннаго имъ отдѣла врачебнаго искусства.

Въ наше время число учениковъ одного лишь *С. П. Боткина* значительно преобладало надъ суммою учениковъ всѣхъ трехъ хирурговъ: проф. *Склифосовскаго*, *Корженевскаго* и *Богдановскаго*. Когда въ Медико-Хирургической Академіи аудиторіи терапевтовъ—*Эйхвальда* и *Боткина*—не могли вмѣщать въ свои стѣны всѣхъ слушателей, аудиторіи нѣкоторыхъ хирурговъ почти пустовали.

Между тѣмъ какъ на Западѣ хирургія въ 70-хъ годахъ подверглась значительной реформѣ, благодаря которой хирургическое искусство стало развиваться весьма быстро: постепенно оно завоевывало себѣ все большія и новыя территоріи въ человѣческомъ организмѣ и, главное, сдѣлалось общедоступнымъ во всѣхъ врачебныхъ учрежденіяхъ. Правда, мы, студенты Академіи того времени, знали о чудесахъ *Листеровскаго* способа леченія ранъ, но только по наслышкѣ и по слабымъ попыткамъ проф. *Склифосовскаго* примѣнять его въ своей клиникѣ; на самомъ же дѣлѣ мы въ хирур-

гическихъ клиникахъ наблюдали больныхъ нерѣдко плавающихъ въ гною и умирающихъ отъ гноекровія и гнилокровія.

Такой ретрогадный хирургъ французской школы, каковымъ былъ проф. *И. О. Корженевскій*, завѣдывавшій въ наше время академической хирургической клиникой, не только не способствовалъ тому, чтобы студенты IV-го курса усвоили себѣ приемы противогнилостнаго леченія ранъ, но, напротивъ того, препятствовалъ этому: онъ издѣвался надъ проф. *Склифосовскимъ*, трактовавшимъ о Листеровской теоріи.

«Не смѣшно-ли», — говаривалъ проф. *Корженевскій*, — „что такой крупный *) человекъ, какъ *Склифосовскій*, боится такихъ мелкихъ твореній, какъ бактеріи, которыхъ онъ не видитъ?!“

Въ силу полного пренебреженія къ чистотѣ и охраненію раны отъ загрязненія проф. *И. О. Корженевскій* позволялъ себѣ непосредственно послѣ изслѣдованія *gestum* пальцемъ — влѣзать другому больному въ полость рта, не вымывши рукъ. Такой учитель хирургіи, несмотря на свою изумительно быструю оперативную технику, привлекавшую въ аудиторію много созерцателей, не могъ внушить студентамъ любви къ хирургіи.

Третій представитель хирургической клиники — проф. *Е. И. Богдановскій*, которому я ниже посвящаю особенную главу, былъ весьма солидный ученый, почтенный клиницистъ, любимый студентами профессоръ; но по убѣжденію — упорный консерваторъ въ наукѣ и въ практикѣ. — *Евстафій Ивановичъ* сначала и слышать не хотѣлъ о Листеровской повязкѣ; а впослѣдствіи (въ 80-хъ годахъ) только тогда, когда ассистенты его клиники настоятельно просили своего руководителя приспособиться къ новымъ требованіямъ хирургіи, проф. *Богдановскій* снизомель къ просьбамъ учениковъ и позволялъ рану орошать карболовой кислотой; но на дѣлѣ онъ строгій антисептики никогда не примѣнялъ въ своей клиникѣ.

Чтобы охарактеризовать отношенія этого почтеннаго ученаго къ требованіямъ современной хирургіи, я позволяю себѣ привести здѣсь выписку изъ письма одного молодого врача, воспитывавшагося

*) Проф. *Н. В. Склифосовскій* въ сравненіи съ проф. *И. О. Корженевскимъ* былъ очень высокаго роста.

въ Академіи въ 80-хъ годахъ—въ порѣ расцвѣта антисептической и асептической хирургіи. Товарищъ мнѣ пишетъ:

... „Вспомнимъ, напр., яраго Листеріанца—профессора *И. И. Пелехина*, который въ порывѣ увлеченія сбрилъ себѣ не только бороду и усы, но и брови. А съ другой стороны, въ томъ же зданіи Академіи *Е. И. Богдановскій* упорно отрешивался отъ *Листера*,—оперируетъ въ сюртукѣ и черномъ клеенчатомъ фартукѣ; о карболкѣ, сублиматѣ и т. п. нѣтъ и помину. Лигатуры *) висятъ на задвижкѣ оконной рамы и фельдшеръ, по мѣрѣ надобности, беретъ одну за другою немытыми руками, иногда еще—для крѣпости—намуслитъ во рту и почтительно подастъ профессору: „извольте, ваше Превосходительство!..“ А какъ однажды ординаторы клиники „уломали“ старика позволить имъ сдѣлать одну ампутацію по *Листеру*,—что изъ этого вышло?!“

Такъ писалъ врачъ, искренно преданный Академіи и съ восторгомъ вспоминающій своего добродушнаго и любимаго учителя—*Е. П. Богдановскаго*.

Основываясь на этихъ фактахъ, безпристрастный читатель со мною согласится признать, что въ описываемое нами время въ Академіи не у кого было учиться *новой* хирургіи; вотъ почему преобладающій контингентъ учащихся стремился въ терапевтическія клиники, гдѣ все новое въ наукѣ и практикѣ находило себѣ примѣненіе и служило предметомъ изученія для молодыхъ врачей.—Результатомъ такого направленія Академіи явились: многолюдныя терапевтическія школы *С. П. Боткина*, *Э. Э. Эйхвальда*, *Д. И. Кошлакова*, *Ю. Т. Чудновскаго* и весьма скудное число единичныхъ дѣятелей современной хирургіи.

Теперь, при воспоминаніи о своемъ студенчествѣ IV-го курса, прежде всего воскресаетъ въ моей памяти клиника *Сергія Петровича Боткина*. Но, приступая къ описанію дѣятельности клинициста XIX-го вѣка, выше всѣхъ выдававшася въ Россіи, я, признаться, ощущаю нѣкоторую робость: про проф. *Боткина* такъ много писали его многочисленные друзья и ученики, характеристика его жизни

*) *Лигатуры* суть шелковыя нити, которыми переназываютъ кровоточащія артеріи.

такъ художественно и всесторонне представлена въ „*Воспоминанія*хъ д-ра *Н. А. Бьелоголова*“, наконецъ, въ памяти многихъ врачей, интеллигентныхъ людей и даже простого народа, населяющаго Петербургъ и его окрестности, еще живо сохранились оригинальный обликъ и творенія этого общественнаго дѣателя, что воспоминанія зауряднаго студента о гигантѣ русской медицины могутъ показаться читателямъ блѣдными, малосодержательными и изланными. Съ другой же стороны, не слѣдуетъ забывать и житейской мудрости, что чѣмъ выше и почетнѣе стоитъ въ жизни общественный дѣатель и чѣмъ дальше отъ него былъ поставленъ повѣствующій о немъ бытописецъ, тѣмъ безпристрастнѣе, объективнѣе и правдивѣе представится читателю образъ описываемаго дѣателя.

С. П. Боткинъ въ 187* году состоялъ въ Медико-Хирургической Академіи ординарнымъ профессоромъ и директоромъ академической терапевтической клиники и пользовался въ конференціи наибольшимъ авторитетомъ; при его клиникѣ числился экстр-ординарный профессоръ *Д. Н. Кошляковъ* въ роли старшаго ассистента, замѣнявшаго нерѣдко *Сергія Петровича* не только въ палатахъ, но и въ аудиторіи: иногда онъ читалъ студентамъ лекціи въ теченіе цѣлаго семестра. Второй ассистентъ той же клиники—*Ю. Т. Чудновскій*, въ званіи приватъ-доцента, руководилъ студентами IV-го курса преимущественно въ клиническихъ занятіяхъ и по вечерамъ читалъ намъ необязательный курсъ лекцій по избранному имъ отдѣлу внутренней медицины; старшій палатный ординаторъ Боткинской клиники—*Н. И. Соколовъ* обходилъ со студентами коежныхъ больныхъ и, по мѣрѣ спроса, удовлетворялъ любознательности сопровождавшихъ его студентовъ; второй и третій палатные ординаторы той же клиники—*В. Г. Алышевскій* и *А. К. Соловьевъ* завѣдывали амбулаторнымъ приѣмомъ и въ присутствіи учащихся оказывали врачебную помощь приходящимъ больнымъ; въ случаяхъ болѣе сложныхъ они немедленно представляли больного *Сергію Петровичу Боткину*, который тутъ же при студентахъ разъяснялъ всякія недоразумѣнія ординаторовъ относительно распознаванія болѣзни. Кромѣ того, въ особенномъ отдѣленіи той же клиники работалъ цѣлый штатъ врачей въ качествѣ клиническихъ лаборантовъ, въ кругъ обязанностей которыхъ входило, между прочимъ, и руководство

учащихся въ химическихъ и микроскопическихъ анализахъ выдѣлений и отдѣлений больныхъ; изъ этой категоріи сотрудниковъ Боткинской клиники я помню *В. Н. Покровскаго*, *М. И. Богомолова* и студента V-го курса *Солдатова*, занимавшагося тогда спеціально добываніемъ кислорода для леченія слабогрудыхъ больныхъ — этимъ новымъ для того времени терапевтическимъ средствомъ.

Далѣе, при той же клиникѣ, въ качествѣ адъюнктъ-профессора долгое время занимался *А. Г. Полотебновъ*, преподававшій студентамъ спеціальныя курсы кожныхъ болѣзней, и д-ръ *Пруссакъ*, въ званіи приватъ-доцента, демонстрировалъ студентамъ IV-го курса больныхъ, страдающихъ органомъ слуха. Оба послѣднихъ преподавателя были въ особенномъ фаворѣ у *Сергія Петровича*: они не только пользовались клиническимъ матеріаломъ, амбулаторнымъ помѣщеніемъ, аудиторією и иными средствами его клиники, но лекціи ихъ вносились въ росписаніе занятій студентовъ, читались въ пріуроченное для лекцій время и даже вознаграждались изъ особенныхъ суммъ Академіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ наше время ни въ одномъ изъ университетовъ Россіи не существовало самостоятельныхъ кафедръ ни по кожнымъ, ни по ушнымъ болѣзнямъ: этотъ важный пробѣлъ въ медицинскомъ образованіи питомцевъ Академіи сознавали многіе представители клиническихъ кафедръ; но только *С. П. Боткинъ* первый нашелъ возможность восполнить этотъ недостатокъ, пріютивъ въ своей клиникѣ двухъ названныхъ преподавателей *Полотебнова* и *Прусска*.

Въ переименованный мною немалый штатъ Боткинской клиники, весьма вѣроятно, вошли не всѣ сотрудники того учебнаго учрежденія Академіи, которое носило названіе «*Боткинская клиника*». Однакожъ и по этому числу почтенныхъ руководителей учащихся видно: во-первыхъ, что Боткинская клиника въ наше время была въ фаворѣ и пользовалась особенными привилегіями (ни въ какой иной клиникѣ Академіи не числилось столько ассистентовъ и не было замѣщающаго директора въ лицѣ экстра-ординарнаго профессора) и, во-вторыхъ, что усердному студенту здѣсь предоставлены были всѣ средства для изученія внутреннихъ болѣзней согласно требованіямъ современной науки.

Необходимо принять во вниманіе, что въ наше время въ Бот-

кинской клиникѣ учащіеся нерѣдко работали съ 9-ти час. утра и до 9-ти час. вечера. Вотъ, примѣрно, въ общихъ чертахъ режимъ этой школы: отъ 9—11 часовъ совершался утренній обходъ коечныхъ больныхъ палатными ординаторами и однимъ изъ ассистентовъ клиники въ сопровожденіи кураторовъ; отъ 11—1 ч. студенты производили повседневныя химическія и микроскопическія изслѣдованія выдѣленій больныхъ подъ непосредственнымъ контролемъ одного изъ лаборантовъ клиники; отъ 1—3 ч.—время, назначенное для слушанія клиническихъ лекцій *С. П. Боткина*, либо для присутствованія на приѣмѣ приходящихъ больныхъ; 3—5 (два раза въ недѣлю) — чтеніе лекцій приватъ-доцента *Пруссакъ* по ушнымъ болѣзнямъ; 5—7 ч. вторичный (вечерній) обходъ коечныхъ больныхъ и дополнительныя изслѣдованія послѣднихъ; отъ 7—9 слушаніе необязательныхъ лекцій, но весьма поучительныхъ курсовъ: проф. *Д. И. Кошлакова*—по болѣзнямъ почекъ или по горчаннымъ болѣзнямъ; пр.-доц. *Ю. Т. Чудновскаго*—по болѣзнямъ легкихъ и сердца; д-ра *Богомолова*—по изслѣдованію крови, мочи и прочихъ органическихъ выдѣленій.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно вытекаетъ, что клиника *С. П. Боткина*, привлекая къ себѣ наибольшее число слушателей IV-го курса, побуждала ихъ всецѣло посвятить себя изученію внутреннихъ болѣзней и, благодаря своему строю, внушала учащейся молодежи опредѣленные взгляды на научные вопросы медицины и принципы врачебной этики съ «Боткинскимъ» отбѣнкомъ. Подобнаго рода корпорація врачей и учащихся во главѣ съ такимъ энергичнымъ представителемъ ея, какъ *С. П. Боткинъ*, вполне заслуживаетъ названія школы въ широкомъ значеніи этого слова.

Принимая во вниманіе своеобразный характеръ, твердое русское направленіе этой школы, глубокое вліяніе ея на учащихся и важное значеніе ея въ современномъ составѣ руководителей Медико-Хирургической Академіи, и, далѣе, позаимствовавъ изъ своихъ воспоминаній о „пережитомъ и передуманномъ“ кое-что для характеристики каждаго агента, носившаго извѣстныя обязанности при исполненіи общей задачи Боткинской школы, я намѣреваюсь въ подлежащемъ очеркѣ представить горельефную картину этого клиническаго учрежденія; именно: отношенія учащихся къ *С. П. Боткину* и его

Рис. 12. С. П. Боткинъ—ординар. проф. и директоръ Академической Терапевтической клиники (1861—1889 гг.).

помощникамъ, наши занятія въ клиникѣ у постели больныхъ и въ лабораторіи подѣ руководствомъ опытныхъ ординаторовъ или лаборантовъ, наконецъ, и значеніе литературныхъ трудовъ многихъ учениковъ *С. И. Боткина*.

Сергѣй Петровичъ *Боткинъ* въ наше время представлялся человекомъ за сорокъ лѣтъ, (см. рис. 12), средняго роста, крупнаго тѣлосложенія съ рѣзкимъ очертаніемъ брюшныхъ органовъ и нѣсколько тяжеловѣсною походкою. Голова его во всемъ носила отпечатокъ типичной личности: будучи большихъ размѣровъ, она окаймлялась прядями весьма рѣдкихъ свѣтло-русыхъ волосъ съ нѣкоторою просѣдью; впереди выдавался широкій, выразительный лобъ, на который обладатель головы нерѣдко надвигалъ очки; височные широкіе углы; подѣ лбомъ, изъ подѣ глубокихъ глазницъ выступали свѣтобоязненные глазные яблоки, вслѣдствіе чего трудно было подмѣтить цвѣтъ глазъ; чрезмѣрная близорукость и неправильность въ рефракціи обѣихъ глазъ побуждали *С. И. Боткина* носить постоянно очки, къ которымъ онъ приставлялъ еще и пенснэ. Это обстоятельство скрывало предѣ зрителемъ выраженіе глазъ этой умной головы. Однакожъ, кто часто видалъ *Боткина* въ минуты его глубокаго раздумья, тотъ не могъ не замѣтить въ его глазахъ сосредоточенности и особенной выразительности. Одаренный по природѣ весьма скудною растительностью какъ на подбородкѣ, такъ и на губахъ, *Боткинъ*, я вспоминаю, имѣлъ обыкновеніе во время клиническаго разбора больныхъ въ аудиторіи ставить свою ногу на стулъ, упереться локтемъ о свое согнутое колѣно и въ теченіе всей устной бесѣды пощипывать свою рѣденькую, клиномъ растущую бородку.—Въ наше время *Боткинъ*, хотя былъ лейбъ-медикомъ и придворнымъ врачомъ, лечившимъ тогда Государыню и Наслѣдника, не носилъ военнаго платья, а на лекціи являлся всегла въ черномъ длинополомъ сюртукѣ, сшитомъ нѣсколько мѣшковато. Вообще говоря, онъ одѣвался по-купечески, запросто, носилъ зимою характерную мѣховую шапку, нахлобучивши ее на глаза и всегда имѣлъ въ рукахъ простѣйшую палку.

Какъ по наружному виду, такъ и въ походкѣ, въ способѣ выраженія рѣчи, въ обхожденіи съ окружающими, во всемъ проглядывала чисто русская натура изъ зажиточной купеческой семьи.

Но на немъ ничего дѣланнаго, искусственнаго, имѣющаго цѣлью показать свой квасной патріотизмъ, не было видно. Даже въ разговорѣ *Боткина* не замѣтно было тѣхъ московскихъ приставокъ, придыханій и выраженій, которыми такъ рѣзко отличается купеческая рѣчь обывателей Бѣлокаменной отъ говора русскаго человѣка вообще.

Сергій Петровичъ краснорѣчіемъ, въ подлинномъ значеніи этого слова, не обладалъ и, какъ лекторъ, имѣлъ большой недостатокъ: онъ говорилъ монотонно, медленно, подыскивалъ слова и выраженія и, что называется, «выжималъ» рѣчь; вслѣдствіе этого непривычному слушателю лекціи *Боткина* могли казаться скучными. Но стоило только вслушаться въ смыслъ рѣчи, уловить полетъ мыслей лектора, слѣдить вмѣстѣ съ нимъ за логичностью и связанностью разсужденія, вытекающаго изъ его мозга непрерывной струей, чтобы признать за *Боткинымъ* глубокаго мыслителя и увлекающаго лектора. При самомъ напряженномъ вниманіи въ теченіе цѣлой полуторачасовой лекціи студентъ рѣдко утомлялся и никогда не скучалъ за клиническою бесѣдою этого оригинальнаго учителя.

Въ большинствѣ случаевъ ординаторы и студенты знали—какой больной подлежитъ клиническому разбору *Боткина* въ предстоящей лекціи; слѣдовательно, намъ было заранѣе извѣстно какая форма болѣзни будетъ обсуждаться профессоромъ; тѣмъ не менѣе студенты изъ устъ лектора впервые слышали новыя сочетанія болѣзненныхъ явленій, благодаря которымъ вся картина патологическаго процесса представлялась съ той стороны, куда до *Боткина*, вѣроятно, не проникалъ ни одинъ лучъ умозрительнаго свѣта и потому присутствовавшіе на лекціи приобрѣтали убѣжденные, совершенно новыя воззрѣнія на самыя обычныя формы болѣзни. Незнакомые съ особенною притягательною силою *Боткинскихъ* лекцій, безъ сомнѣнія, будутъ удивляться терпѣнію тѣхъ студентовъ, которые способны были въ теченіе одного семестра прослушать 18 лекцій подъ рядъ объ одномъ тифѣ. Однакожъ, аудиторія на всѣхъ этихъ лекціяхъ была переполнена слушателями, ибо каждая лекція по своему содержанію имѣла свои особенности и сообщала слушателямъ новыя свѣдѣнія.

Конечно, *Сергій Петровичъ* какъ добросовѣстный и трудолюбивый профессоръ, въ большинствѣ случаевъ являлся въ аудиторію

подготовленнымъ къ лекціямъ. Мы знали, что до входа въ аудиторію онъ имѣлъ обыкновеніе въ своемъ кабинетѣ собирать вокругъ стола ассистентовъ клиники и у нихъ освѣдомляться о новостяхъ въ медицинской литературѣ, въ лабораторіи, въ клиникѣ и въ Академіи вообще; при этомъ *Боткинъ* весьма обстоятельно разспрашивалъ о выдающихся работахъ иностранныхъ клиникъ, объ успѣхахъ того или другого способа леченія въ рукахъ врачей городскихъ больницъ, о результатахъ экспериментальныхъ изслѣдованій докторантовъ, работавшихъ въ лабораторіи его клиники и т. п. — Кромѣ того намъ было извѣстно, что *Сергій Петровичъ* самъ читаетъ много и постоянно слѣдитъ за текущею литературою внутренней медицины. Поэтому вполне естественно, что во время своихъ клиническихъ бесѣдъ въ аудиторіи лекторъ бывало мимовольно коснется, такъ сказать, «вопроса дня» врачебной науки, остановитъ вниманіе слушателей на новѣйшихъ работахъ по этому вопросу и критически оцѣнитъ заслуги того или другого автора. Но никогда мы не слышали изъ устъ *Боткина* систематическаго обзора новѣйшихъ работъ по вопросу, подлежащему обсужденію въ данной лекціи; никогда лекціи *Боткина* не отдавали книжнымъ духомъ; въ нихъ трудно было слушателю замѣтить что-либо вычитанное, выученное или придуманное съ предвзятою мыслью. Напротивъ того, намъ казалось, что мысли лектора творятся *ad hoc* — здѣсь же предъ глазами слушателя; его словесные образы выливались въ соотвѣтственныя формы самовольно, по мѣрѣ ихъ созиданія въ мозгу.

Кому приходилось читать клиническія лекціи передъ зрѣлыми и компетентными слушателями, тотъ можетъ засвидѣтельствовать до чего утомительно такое умственное напряженіе въ аудиторіи съ 400 слушателями, среди которыхъ не мало строгихъ и весьма требовательныхъ судей. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что къ концу лекціи лицо у *Сергія Петровича* представлялось багровымъ, лоснящимся, а на лбу выступали крупныя капли пота, что говорило о физическомъ его переутомленіи.

Несмотря на это, *Боткинъ* любилъ читать лекціи только предъ аудиторіею своихъ учениковъ; онъ профессору читилъ очень высоко: она, такъ сказать, питала его умъ, душу и нравъ. Но публично, мнѣ кажется, *Сергій Петровичъ* никогда не выступалъ въ

роли лектора, какъ это нерѣдко дѣлалъ его любимый товарищъ и другъ—*И. М. Сиченовъ*.

Вообще говоря, число лекцій, прочитанныхъ *Боткинымъ* въ теченіи учебнаго года, было очень не велико: оно, я вправѣ думать, не превышало 30, тахіиш 40; выдавались такіе академическіе годы, въ которые *Сергій Петровичъ* открывалъ свой курсъ лекцій въ началѣ ноября, а закрывалъ ихъ (вынужденно) въ половинѣ февраля. Состоя лейбъ-медикомъ при особѣ Государя Наслѣдника *Александра Александровича*, который осенью 1872 года хворалъ тяжелою формою тифа, *Сергій Петровичъ* очень усердно навѣщалъ Высочайшаго пациента и потому весьма часто вовсе не попадалъ въ клинику къ приуроченному для лекцій времени. Въ другой учебный годъ проф. *Боткинъ*, имѣя на своемъ врачебномъ попеченіи слабое здоровье Государыни Императрицы *Маріи Александровны*, обязанъ былъ раннею весною (въ февралѣ) сопровождать Ея Величество въ Италію и Крымъ и по этому случаю *Сергій Петровичъ* въ Петербургѣ отсутствовалъ непрерывно 8 мѣсяцевъ въ году.

Такіе продолжительные пропуски въ клиническомъ преподаваніи проф. *С. П. Боткина* не могли быть восполнены чтеніемъ лекцій его временнаго замѣстителя—проф. *Д. И. Кошлакова*. Студенты находили слишкомъ рѣзкую разницу въ преподаваніи перваго и втораго клинициста: чтобы расчленивъ патологическую картину на отдѣльныя ея составныя части и на разобранномъ больномъ прочесть лекцію такъ, какъ это производилъ *Сергій Петровичъ* необходимо ✓ быть *Боткинымъ*; т. е. нужно обладать его прозорливымъ умомъ, его математическою сообразительностью и его особенною способностью—строить весьма *заманчивыя* гипотезы; эти гипотезы были заманчивы по своей логической связи со всѣми выдававшимися явленіями раз- ссматриваемаго процесса и новизною мысли самаго предположенія.

Таковъ былъ *Сергій Петровичъ Боткинъ*—какъ лекторъ!

ГЛАВА XII.

С. П. Боткинъ—какъ діагностъ.—Примѣры его прозорливаго ума, или случаи чрезвычайно удачнаго распознаванія болѣзни.—Увлеченіе молодыхъ врачей и учащихся медицины воззрѣніями и традиціями *С. П. Боткина*.—Отношенія студентовъ къ *С. П. Боткину*, какъ къ профессору и авторитету избранной спеціальности.—Режимъ занятій въ клинической школѣ *С. П. Боткина*.—Вѣглый обзоръ научныхъ работъ, произведенныхъ въ клинической лабораторіи подъ руководствомъ *С. П. Боткина* и его ближайшихъ сотрудниковъ.—*Боткинъ* въ роли реформатора больничнаго дѣла въ С.-Петербургѣ.—Разочарованіе *С. П. Боткина* въ нѣкоторыхъ своихъ креатурахъ.—О неумѣстности шовинизма въ наукѣ.

Клиника, руководившаяся *Боткинскимъ*, требовала не столько лекторской способности, сколько клинической разсудительности и врачебной прозорливости. Въ этомъ отношеніи *Сергій Петровичъ* стоялъ на высотѣ своего назначенія; онъ умѣлъ строго научно опредѣлять формы болѣзни и весьма искусно направлять соответственное леченіе. Діагностическія дарованія *Боткина*, часто незамѣтныя для глаза малоопытнаго студента, проявлялись особенно рельефно во время обхода больныхъ директоромъ клиники со своими ординаторами. Мы, студенты-кураторы, иногда только видѣли, что послѣ изслѣдованія *Боткинскимъ* какого-либо тяжелаго больного и короткаго обмѣна мнѣній по поводу даннаго случая съ ординаторомъ палаты—діагнозъ болѣзни на палатной доскѣхъ измѣнялъ свое названіе, послѣ чего назначенная терапія, а вслѣдъ за этимъ и теченіе болѣзни мѣнялись и довольно рѣзко. Такъ, напримѣръ, бывало, что вмѣсто названія болѣзни «typhus» на доскѣхъ появлялась надпись «meningitis» ¹⁾; вмѣсто «angina pectoris» ²⁾ — «insufficiencia valvulae aortae» ³⁾ и т. п. измѣненія.

¹⁾ Воспаленіе мозговыхъ оболочекъ.

²⁾ Грудная жаба.

³⁾ Недостаточность аортальнаго клапана.

Въ моей памяти сохранились го времени студенчества нѣкоторые клиническіе случаи, такъ сказать, «*курьезные*» въ діагностическомъ отношеніи; я позволю себѣ привести вкратцѣ два-три примѣра, которые, по моему мнѣнію, весьма рельефно характеризуютъ *Сергія Петровича Боткина*, какъ діагноста.

Во время моего кураторства въ терапевтическую академическую клинику поступаетъ сорокалѣтняя крестьянка съ сильно выраженной лихорадкою, при ясномъ сознаніи, съ жалобами на боль въ боку и кашель, причемъ больная, по обыкновенію русскихъ бабъ, передаетъ рассказъ (анамнезъ) въ три короба, изъ котораго палатный ординаторъ *А. К. С—ъ*, хотя и опытный врачъ, ничего поучительнаго или нужнаго для распознаванія болѣзни извлечь не могъ. Тогда онъ непосредственно приступаетъ къ тщательному физическому изслѣдованію грудныхъ, брюшныхъ органовъ и всего организма, послѣ чего опредѣляетъ болѣзнь: «катарральное воспаленіе легкихъ».

Исключая всякія подробности, я считаю, однакожъ, нужнымъ для разъясненія исхода болѣзни привести здѣсь нѣкоторые данныя изъ анамнеза. Крестьянка эта многократно повторяла, что «день восемь назадъ побѣла уши, сваренной на щукѣ», послѣ чего она вскорѣ занемогла, перестала ѣсть, а на третій день совсѣмъ свалилась; прибыла же она въ клинику съ сильнымъ сухимъ кашлемъ и синюхой на лицѣ, конечности холодныя, отъ всякой пищи отказывается, большую часть дня проводить въ сонномъ состояніи.

При вторичномъ изслѣдованіи этой больной ассистентомъ клиники — *Ю. Т. Чудновскимъ*, послѣдній, выслушавъ показанія ординатора, согласился съ нимъ въ опредѣленіи болѣзни. Самочувствіе больной въ теченіе 48-часового пребыванія въ клиникѣ ухудшилось; поэтому ординаторъ показалъ ее проф. *Д. И. Кошлякову*; послѣдній тщательно выстукалъ и выслушалъ грудь и, найдя упадокъ сердечной дѣятельности, опредѣлилъ, что въ данномъ случаѣ, весьма возможно, что развивается какая-то инфекціонная болѣзнь вроде тифа, пневмоніи и т. п.

На третій день по поступленіи больной въ клинику *Сергій Петровичъ* при обходѣ палатъ случайно остановился у койки этой женщины; я говорю «случайно» потому, что ни ассистентъ кли-

ники, ни ординаторъ палаты, ни студентъ-кураторъ не видали въ этой больной чего-либо опаснаго или особеннаго, достойнаго вниманія директора клиники. Однакожъ, послѣ того какъ *Боткинъ* приложилъ свое ухо къ грудной клѣткѣ, кое-гдѣ пальцемъ слегка постучалъ, разспросилъ куратора кое о чемъ изъ предшествующихъ явленій, онъ категорически заявилъ:

«Ищите завтра при вскрытіи тѣла нарывъ въ заднемъ средостѣніи, вблизи пищевода».

Признаться, я не вѣрилъ своимъ ушамъ; мнѣ казалось, что я ослышался; но по вытянутой фізіономіи палатнаго ординатора *А. К. С* — ва я заключилъ, что замѣчаніе *С. П. Боткина* нѣсколько сконфузило его; тѣмъ болѣе, что надпись на дощечкѣ «*pneumonia catarrhalis*» была тотчасъ же стерта.—*Ю. Т. Чудновскій*, съ улыбкою на устахъ, выразилъ только нѣкоторое недоумѣніе; другіе присутствовавшіе врачи стали разсуждать по поводу столь нежданнаго діагноза *Сергія Петровича*; во всякомъ случаѣ никто, насколько мнѣ помнится, не ожидалъ столь скорой смерти больной, какъ это высказалъ *Боткинъ*.

Теперь, читатель, представьте себѣ мое удивленіе и одновременно восторженное мнѣніе о *Боткинѣ*, когда на другой день, явившись въ клинику, я услышалъ отъ сидѣлки, что больная крестьянка, въ припадкахъ сильнаго кашля и удущья, скончалась подлѣ утра. Произведенное проф. *Рудневымъ* вскрытіе мертваго тѣла вполне подтвердило пророческія слова *Боткина*: клѣтчатка вокругъ пищевода найдена въ сильно воспаленномъ состояніи и возлѣ позвоночника, въ ограниченномъ мѣстѣ задняго средостѣнія, виденъ былъ нарывъ въ куриное яйцо съ вонючимъ ихоромъ. Анатомо-патологическое опредѣленіе причины, вызвавшей непосредственно смерть, гласило: *oesophagitis, abscessus in mediastino postico, septico-ruemia* *). Послѣ всего этого мнѣ понятно стало, почему баба все твердила объ ухѣ изъ щуки: весьма вѣроятно, острая рыба кость, застрявъ гдѣ-либо въ пищеводѣ, вызвала воспаленіе клѣтчатки (*periesophagitis*) со всѣми его дурными послѣдствіями.

*) Въ переводѣ значить: «гнойное воспаленіе пищевода съ образованіемъ нарыва на заднемъ средостѣніи и гнилостное зараженіе крови».

Другой случай будетъ короче, но не менѣе характеренъ. Студента изъ Лѣсного Института, лежащаго больнымъ въ клиникѣ *С. П. Боткина*, почти ежедневно изслѣдовали лучшіе врачи этой клиники и никто изъ нихъ не могъ уловить какихъ-либо измѣненій въ сердечной дѣятельности; только одинъ *Сергій Петровичъ* твердилъ, что онъ слышитъ «акцентикъ», «шумокъ» на второмъ сердечномъ ударѣ. На этотъ разъ наши ближайшіе руководители по клиникѣ à priori согласились съ мнѣніемъ своего ментора, хотя объективно они не имѣли данныхъ для твердаго убѣжденія въ слѣланномъ распознаваніи болѣзни сердца. Впослѣдствіи болѣзнь стала прогрессировать и тогда не только опытные врачи, но и мы, студенты, могли распознать рѣзкіе шумы въ области сердечныхъ толчковъ.

Подобнаго рода блестящіе діагнозы ставились *Сергѣемъ Петровичемъ* нерѣдко, что имѣло поражающее вліяніе на учениковъ его, на врачей-практиковъ и на интеллигентную публику въ городѣ. При клиническомъ разборѣ больныхъ въ аудиторіи *С. П. Боткинъ*, конечно, не упускалъ изъ виду малѣйшихъ болѣзненныхъ явленій; но особенность его прозорливо-діагностическаго ума выражалась именно въ томъ, что онъ умѣлъ отмѣчать и выдвигать на первое мѣсто клиническаго анализа самое потаенное и главное страданіе; другими словами говоря, онъ умѣлъ отыскивать «гвоздь» болѣзни.

При разногласіи въ мнѣніяхъ со своими ассистентами по поводу того или другого клиническаго явленія разбираемаго больного, *Сергій Петровичъ* часто выражался такъ: «я слышу шумокъ», «я ощущаю бугорокъ», «я вижу сѣровато-фіолетовый оттѣнокъ покрововъ» и т. п.; т. е. онъ говорилъ о такихъ тонкихъ ощущеніяхъ, которыя по интенсивности или по природѣ своей были мало или вовсе не доступны другимъ врачамъ. Само собою разумѣется, что при самомъ усердномъ обученіи своихъ учениковъ врачебному искусству *Боткинъ* не былъ въ состояніи объяснить — какимъ путемъ онъ улавливалъ эти ощущенія и еще менѣе того онъ могъ передать свой «Божій даръ» — воспринимать таковыя. Приведенными фактами и соображеніями я хочу сказать, что *Боткинъ*, хотя и весьма искусный діагностъ по внутреннимъ болѣзнямъ, не былъ въ состояніи передать это искусство другому врачу въ совершенствѣ.

Тѣмъ не менѣе,—а можетъ быть и потому именно—студенты и молодые врачи боготворили *Боткина*: они видѣли въ немъ пророка врачебнаго сословія и съ жадностью выслушивали его мнѣнія, которыя они принимали безапелляціонно, чуть-ли не за законъ; учащаяся молодежь до того воодушевлялась знаніями, мыслями, взглядами и традиціями *Сергія Петровича Боткина*, что въ вопросахъ по внутренней медицинѣ среди нашего студенчества не существовало двухъ мнѣній: всегда господствовало одно—мнѣніе *Боткина*. На всемъ курѣ не было студента, который осмѣлился бы осуждать поступки *Сергія Петровича*.

Выше, я между прочимъ уже писалъ, что Боткинская аудиторія всегда бывала переполнена слушателями. Нужно, однакожь, замѣтить, что были студенты, которые послѣ нѣсколькихъ посѣщеній Боткинской аудиторіи, перестали бывать на его лекціяхъ, находя его клиническія безѣды слишкомъ умозрительными, философскими и потому для практическаго изученія внутренней медицины малопригодными. Но произнести такую оцѣнку лекціямъ *Боткина* въ присутствіи товарищей никто не дерзалъ, ибо знали до чего очарованы, увлечены до ослѣпленія, какъ-бы гипнотизированы студенты IV курса своимъ руководителемъ по внутренней медицинѣ. Даже самыя буйныя головы студенчества прощали *С. П. Боткину* то, въ чемъ никому изъ профессоровъ Академіи спуска не давалось.

Чтобы рельефнѣе очертить отношенія студентовъ къ *С. П. Боткину* и одновременно пополнить характеристику его клинической дѣятельности, я приведу здѣсь еще одинъ случай, который можетъ бросить нѣкоторую тѣнь на свѣтлыя стороны описываемаго дѣятеля, тѣмъ не менѣе онъ не умалитъ его достоинствъ. Какъ на солнцѣ иногда появляются пятна, такъ и съ діагностическимъ дарованіемъ *Боткина* бывали faux pas.

Военный фельдшерскій ученикъ, работавшій въ аптекѣ клиническаго госпиталя, заболѣлъ зимою брюшнымъ тифомъ и доставленъ былъ для леченія въ клинику *С. П. Боткина*. Въ томъ академическомъ году *Сергій Петровичъ* удѣлялъ особенное вниманіе тифознымъ больнымъ, поэтому и указанный аптекарскій ученикъ не разъ фигурировалъ предъ студентами въ качествѣ объекта клиническаго разбора, произведеннаго весьма тщательно *Боткинымъ*.

Больной, пройдя все стадии болезни, не безъ перипетій, выздоровѣлъ. Но когда ординаторъ клиники, по окончаніи періода реконвалесценціи, предложилъ аптекарю выписаться изъ клиники, то послѣдній сталъ заявлять жалобы на головныя боли. Снисходительный къ просьбамъ больныхъ ординаторъ *В. Т. П* и оставилъ аптекарскаго ученика еще на недѣлю въ клиникѣ, имѣлъ за нимъ врачебный надзоръ, но ничего объективнаго для подтвержденія жалобъ больного не находилъ; тогда онъ рѣшилъ, что фельдшерскій ученикъ притворяется больнымъ, чтобы избѣгнуть нелегкой работы, предстоящей ему въ военной аптекѣ, куда онъ немедленно по выпискѣ изъ клиники обязанъ поступить. Принимая во вниманіе это обстоятельство, гуманный врачъ *П* и позволилъ этому ученику остаться еще нѣсколько дней,—до закрытія Воткинской клиники на лѣтнее вакаціонное время, а затѣмъ выписалъ его съ отзывомъ: «здоровъ, къ работѣ способенъ».

Наступаетъ сентябрь мѣсяцъ, клиника *Боткина* вновь открывается для приѣма больныхъ и новое поколѣніе студентовъ, наподобіе пчелинаго улья въ ней копошится, жужжитъ и, перебѣгая изъ палаты въ лабораторію, изъ клиники въ секціонный залъ, отовсюду собираетъ достовѣрныя свѣдѣнія о различныхъ больныхъ. Такъ было и въ томъ академическомъ году, о которомъ ведется здѣсь рѣчь.

Въ день практической лекціи профессора *М. М. Руднева*, предназначенный для студентовъ V-го курса, вносятъ трупъ шестнадцатилѣтняго юноши, умершаго въ клиникѣ *С. П. Боткина* нѣсколько дней спустя по поступленіи. Проф. *Рудневъ*, по обыкновенію, обратился къ присутствовавшему здѣсь ординатору Воткинской клиники *В. Т. П* у съ вопросомъ: «Какой діагнозъ былъ поставленъ *Сергѣемъ Петровичемъ*?»

— «Въ скорбномъ листѣ написано: «*simulatio* *)»—былъ отвѣтъ со стороны ординатора.—«*Сергій Петровичъ* не находилъ никакой причины, могущей объяснить его продолжительныя жалобы на головныя боли, поэтому онъ признавалъ его здоровымъ. Этотъ юноша, перенесшій благополучно тифъ въ нашей клиникѣ, видимо уклонялся

*) Притворство.

отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей: въ началѣ мая его выписали «здоровымъ», послѣ чего онъ въ теченіе всего лѣта работалъ въ госпитальной аптекѣ наравнѣ съ другими фельдшерами; но какъ только открыли нашу клинику, онъ опять явился съ жалобами на головныя боли; вчера утромъ я хотѣлъ его выписать изъ клиники, а онъ... взялъ да и умеръ!»

Послѣ столь наивнаго заключенія ординатора, *М. М. Рудневъ* обратился къ студентамъ съ еще болѣе наивнымъ предложеніемъ: «Посмотримъ на трупъ—что это за болѣзнь „*simulatio*“, которая причиняетъ неожиданно смерть!»

Затѣмъ профессоръ приступилъ немедленно къ вскрытію головного мозга. Какъ только онъ длиннымъ размахомъ анатомическаго ножа провелъ глубокій разрѣзъ вдоль всего полушарія мозга, глазамъ всѣхъ присутствующихъ показался обширный гнойникъ, содержащій въ себѣ добрый $\frac{1}{2}$ литра зеленого жидкаго гноя и разрушившій почти все бѣлое вещество соответствующаго полушарія.

«Этого достаточно, я думаю, чтобы васъ, какъ ординатора клиники, убѣдить въ томъ, что не отъ симуляціи умеръ лѣнтяй фельдшеръ!» замѣтилъ язвительно-насмѣшливымъ тономъ *М. М. Рудневъ* и продолжалъ изслѣдовать прочіе органы, которые не представляли ничего патологическаго.

Результатъ этого вскрытія, доказавшаго во-очію недосмотръ со стороны врачей-терапевтовъ Боткинской школы, вызвалъ въ толпѣ студентовъ весьма разнорѣчивый обмѣнъ мыслей. Одни говорили: «Вѣроятно, *Сергій Петровичъ* и не видалъ этого юношу, ибо трудно допустить, чтобы онъ просмотрѣлъ такую штуку. Вѣдь, очевидно, гнойникъ зародился еще до выписки фельдшера изъ клиники и медленно развивался въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ».

Другіе заявляли: «Какъ легко терапевту ошибиться и не замѣтить образованія гнойника въ мозгу до полного разрушенія бѣлаго вещества полушарія!»

Третья категория изъ участниковъ научнаго спора высказывала ту мысль, что, вѣроятно, нарывы въ мозгу не поддаются клиническому діагнозу, такъ какъ имъ извѣстно было, что *Сергій Петровичъ Боткинъ* осматривалъ этого фельдшера нѣсколько разъ и еще незадолго до роковаго исхода, но не могъ на чемъ-либо опредѣлен-

номъ остановиться, какъ на исходной точкѣ тѣхъ упорныхъ головныхъ болей, которыя не поддавались внутреннимъ терапевтическимъ средствамъ.

Предположеній подобнаго рода было высказано студентами много; никто, однако, изъ участниковъ спора не смѣлъ стать на ту точку зрѣнія, которую дипломатично высказалъ проф. *Рудневъ* по вскрытіи, именно: *недовѣріе къ жалобамъ больного служило причиною недосмотра* столь существеннаго явленія, какъ развитіе энцефалита *) вслѣдствіе тифозной инфекціи головного мозга.

Если на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ и соображеній позволить себѣ сдѣлать нѣкоторыя обобщенія, то таковыя могли-бы быть выражены въ слѣдующей формѣ:

а) *С. П. Боткинъ* по своему оригинальному складу ума, по природнымъ дарованіямъ и любви къ врачебному искусству былъ неоспоримо однимъ изъ выдающихся клиницистовъ по внутренней медицинѣ XIX вѣка.

б) Будучи одаренъ необыкновенною способностью распознавать основаніе болѣзни, *Боткинъ* приобрѣлъ въ обществѣ славу первокласснаго діагноста и, какъ таковой, импонирующимъ образомъ вліялъ на студентовъ и молодыхъ врачей.

в) Благодаря безграничной вѣрѣ въ его искусство со стороны студентовъ и коллегіальному довѣрію со стороны врачей, практиковавшихъ въ городѣ, врачебная дѣятельность *С. П. Боткина* приняла такіе размѣры, что не хватало у него собственныхъ силъ и досуга для удовлетворенія непомѣрнаго спроса на его познанія. Тогда *Боткинъ* создаетъ себѣ штатъ помощниковъ изъ врачей-специалистовъ по внутренней медицинѣ, въ кругъ обязанностей которыхъ входитъ не только оказывать врачебную помощь больнымъ въ клиникѣ и въ городѣ, но слѣдить еще за прогрессомъ избранной специальности и путемъ научныхъ наблюдений и лабораторныхъ работъ способствовать развитію отечественной врачебной литературы. Такимъ образомъ въ Медико-Хирургической Академіи постепенно развивается клиническая школа терапевтовъ—школа, поставившая себѣ опредѣленныя задачи, руководившаяся особыми принципами и распола-

*) Воспаленіе мозговой ткани.

гавшая особенными весьма богатыми средствами для достиженія своей основной цѣли — *изнать изъ медицинскаго сословія господство нѣмецкихъ врачей и водрузить во всѣхъ отрасляхъ врачебнаго дѣла русское имя.*

Во время нашего студенчества Боткинская школа, какъ научное учрежденіе, выполняла свою задачу согласно назначенію: двери школы были раскрыты для всѣхъ желающихъ учиться; отъ учениковъ требовалось самое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу; отъ работающихъ съ наукою цѣлью — кромѣ механическаго труда — требовались научныя познанія и продуктивность мыслительной способности. Тогда *С. П. Боткинъ* съ большимъ разборомъ признавалъ своихъ помощниковъ достойными стать самостоятельными представителями русской науки, которыхъ онъ выбиралъ изъ многолюднаго штата ординаторовъ, ассистентовъ и адъюнктовъ-профессоровъ академической терапевтической клиники.

Въ теченіи этого періода развитія Боткинская школа дала Россіи нѣсколько весьма почтенныхъ ученыхъ и вполне достойныхъ профессуры дѣятелей, какъ то: *Т. Покровскаго*, подвизавшагося съ достоинствомъ на каюдрѣ терапевтической клиники въ Кіевѣ; *Д. И. Кошлакова*, *В. А. Манассеина* и *Ю. Т. Чудновскаго*, ставшихъ впоследствии образцовыми учителями Академіи и многихъ другихъ русскихъ профессоровъ провинціальныхъ университетовъ.

Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ слава *Боткина* широкими волнами стала разливаться по всей Россіи, школа его приобретаетъ значеніе не только научнаго учрежденія, но и разсадницы какихъ-то интригъ и псевдо-патріотическихъ традицій, ничего общаго съ наукою не имѣющихъ. Тогда школа *Боткина* открываетъ къ себѣ доступъ лицамъ, ищущимъ не знаній и научной работы, а властной руки помощи въ созиданіи себѣ счастливой карьеры. Другими словами говори, цензъ научной правды и житейской справедливости постепенно понижается: въ лабораторіяхъ не столько работаютъ умомъ, сколько языкомъ, ибо здѣсь разсказывались всякія сплетни изъ міра служащихъ при Академіи и созидались интриги противъ своихъ же товарищей и сослуживцевъ той же Боткинской клиники. Болѣе скромные ученики, неспособные войти въ сдѣлку со своей совѣстью, преждевременно покидали Боткинскую школу (къ числу такихъ принадле-

жали проф. Вячеславъ Авксентьевичъ *Манассеинъ* и проф. Яковъ Яковлевичъ *Стольниковъ*), чтобы самостоятельно пробить себѣ дорогу къ храму чистой науки.

Между тѣмъ престижъ *С. П. Боткина* въ конференціи Медико-Хирургической Академіи росъ и укрѣплялся такъ прочно, что его вліяніе на рѣшеніе какихъ-бы ни было вопросовъ становилось господствующимъ. Вслѣдствіе этого всякій молодой врачъ, исполнявшій какія ни-на-есть обязанности при клиникѣ *Боткина*, вправѣ былъ надѣяться попасть въ число избранныхъ кандидатовъ для послышки за границу съ научною цѣлью или, по меньшей мѣрѣ, сослать себѣ хорошую карьеру на поприщѣ практикующаго врача. А такъ какъ студенты высшихъ курсовъ, за малымъ исключеніемъ, своевременно заботились пробить себѣ дорожку для врачебной карьеры, то вполне естественно, что многіе изъ учащихся, еще будучи на школьной скамьѣ, специализировались и посвящали все досуговое время *Боткинской* лабораторіи, чтобы составить работу по частному вопросу внутренней медицины и, такимъ путемъ, выдвинуться впередъ и обратить на себя вниманіе патріарха школы—Сергѣя Петровича *Боткина*.

Вотъ почему въ лабораторіи при клиникѣ постоянно работали студенты или молодые врачи надъ различными задачами, рѣшеніе которыхъ прежде всего интересовало Сергѣя Петровича *Боткина*, а затѣмъ только и автора. Изъ цѣлаго ряда экспериментальныхъ работъ по различнымъ вопросамъ терапіи впоследствии составилъ періодическій журналъ — *«Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней» С. П. Боткина*. Во многихъ работахъ главная идея, планъ научной работы, путеводныя мысли, ведущія къ рѣшенію задачи— все это задумано *С. П. Боткинымъ*; техническая часть научнаго труда (какъ, напримѣръ, постановка опытовъ, химическія, фізіологическія и микроскопическія изслѣдованія разсматриваемаго вопроса) въ большинствѣ случаевъ обрабатывались ассистентомъ клиники или лаборантомъ; слѣдовательно, на долю автора такой ученой работы оставалось лишь собираніе литературы по вопросу и составленіе рукописи. Въ формѣ такихъ ученыхъ работъ выходило изъ клинической лабораторіи *С. П. Боткина* нѣсколько докторскихъ диссертаций, изъ нихъ нѣкоторыя, кромѣ славнаго имени «*Боткинской школы*»

не носили въ себѣ ничего научнаго, ничего новаго; тѣмъ не мѣняе цѣль, преслѣдуемая авторомъ, именно—полученіе званія доктора медицины—всегда достигалось.

Теперь еще въ моей памяти сохранился отзывъ Сергѣя Петровича объ одной такой диссертациі—отзывъ, который онъ публикуетъ при защитѣ высказавъ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ:

„Г-нъ докторантъ, я читалъ вашу работу въ рукописи и заявилъ вамъ тогда, что мало что въ ней понимаю; затѣмъ вторично просматривалъ ее въ корректурныхъ листахъ и вынесъ то же впечатлѣніе; наконецъ теперь, прочитавъ ее внимательно, какъ печатанную диссертацию, долженъ вамъ сказать, что ни вы, ни я не понимаемъ того, что вы высказываете въ этой работѣ!“

И такой отзывъ главнаго оппонента не препятствовалъ получить этому докторанту ученое званіе „доктора медицины“. Фамиліи этого докторанта теперь я не припомню; но при воспоминавіи самаго факта мнѣ мерещится фамилія одного изъ учениковъ Боткинской школы, который впоследствии занималъ кафедру въ одномъ изъ университетскихъ городовъ Россіи по предмету *не* клиническому.

Впоследствии, когда Сергѣй Петровичъ *Боткинъ* былъ выбранъ въ гласные С.-Петербургскаго городского управленія и вошелъ въ составъ городской управы, то и здѣсь онъ сталъ проводить въ жизни свои традиціи—сгонять съ арены общественной дѣятельности врачей не его „прихода“. Благодаря своему вліянію на рѣшеніе вопросовъ по больничному дѣлу и по санитаріи города, Сергѣй Петровичъ весьма быстро осуществилъ на дѣлѣ свою принципиальную идею—должности главнаго врача въ городскихъ больницахъ должны были быть предоставленными преимущественно ученикамъ его школы. Поэтому въ 1890 году мы видимъ, что въ Александровской городской барачной больницѣ главнымъ врачомъ состоитъ докторъ *Н. И. Соколовъ*, бывшій ассистентъ Боткинской клиники; въ Александровской городской больницѣ въ память 19-го февраля 1861 г. главнымъ врачомъ состоялъ *Н. И. Васильевъ*; въ больницѣ при Георгіевской общинѣ сестеръ милосердія главнымъ врачомъ—*Н. И. Богоявленскій*; въ Обуховской больницѣ главнымъ врачомъ состоитъ *А. А. Нечаевъ*; наконецъ, упомянемъ о врачахъ *Полисадовѣ*, *Посадскомъ*, *Доброклонскомъ* и пр. и проч.,—бывшіе ординаторы

Боткинской клиники занимали и занимают выдающіеся посты на врачебномъ поприщѣ городского управленія.

Коснувшись весьма шекотливой стороны дѣятельности *С. И. Боткина*—о роли его какъ реформатора больничнаго дѣла въ *С.-Петербургѣ* и насаждателѣ русскаго направленія во врачебномъ сословіи вообще, я считаю нужнымъ высказать читателю свое личное мнѣніе по этому вопросу.

Безъ сомнѣнія, въ Россіи давно уже наступила пора уважать и чтить своихъ отечественныхъ дѣятелей; теперь намъ нѣтъ надобности выписывать изъ-за границы профессоровъ, учителей и врачей; равнымъ образомъ нѣтъ основанія предпочитать тѣхъ врачей, которые получали свое образованіе въ иностранныхъ школахъ медицины. Скажу еще болѣе—вполнѣ справедливо требовать, чтобы лица, стоящіе во главѣ администраціи врачебнаго дѣла (какъ директоры клиникъ и врачебныхъ институтовъ) владѣли-бы русскимъ языкомъ въ совершенствѣ и были-бы проникнуты любовью къ своей родинѣ. Но отъ этихъ требованій еще далеко до осуществленія quasi—патріотическихъ традицій: признавать всякаго врача, носящаго иностранную фамилію, вреднымъ для Россіи дѣятелемъ; стремиться устранять отъ общественной дѣятельности весьма почтенныхъ и солидныхъ представителей больничнаго дѣла (какъ доктора: *Баландинъ, Вреденъ, Каде, Раухфуссъ* и т. п. лица) лишь потому, что они носятъ нѣмецкія фамиліи. При оцѣнкѣ достоинствъ кандидатовъ на должность больничнаго ординатора давать преимущественно тому, кто носитъ фамиліи на *овъ* или *инъ* и особенно тѣмъ врачамъ, которые когда-либо состояли ординаторами Боткинской школы; не признавать весьма способнаго юношу (нѣкоего *Долгихъ*) достойнымъ быть оставленнымъ при Академіи для усовершенствованія въ медицинѣ лишь по тому, что его фамилія,—какъ оканчивающаяся на *ихъ*—напоминаетъ нѣмцевъ—*Минихъ, Либихъ, Ритихъ* и, стало быть, указываетъ на нѣмецкое происхожденіе. Подобнаго рода традицій, какъ идущія въ разрѣзъ со справедливостью, несомнѣнно ведутъ ко вреду самаго дѣла и рано или поздно подрываютъ авторитетъ проводника такихъ традицій.

Въ этомъ могъ убѣдиться нашъ почтенный Сергій Петровичъ, которому неоднократно приходилось въ конференціи Академіи вы-

слушивать весьма большія непріятности со стороны своихъ бывшихъ единомышленниковъ—профессоровъ *Забѣлина*, *Сорокина*, *Славянского* и др., которые своимъ положеніемъ въ Медико-хирургической Академіи несомнѣнно обязаны были *С. П. Боткину*; но, по человѣческой слабости эти сподвижники, ставъ самостоятельными дѣятелями, позабыли о заслугахъ *С. П. Боткина* и стремились сами играть первыя роли въ общемъ концертѣ академическихъ интригъ. Многимъ друзьямъ *Сергѣя Петровича* извѣстно, что *Боткину* неоднократно приходилось разочаровываться во многихъ своихъ ученикахъ, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды—видѣть ихъ достойными просвѣтителями научной медицины и разсадниками русскаго направленія во врачебномъ дѣлѣ. Въ послѣдніе годы своей профессорской службы въ Академіи *С. П. Боткинъ* совсѣмъ отказался бывать на засѣданіяхъ конференціи, чтобы не быть причастнымъ въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, которые были ему не по душѣ.

Вспомнимъ, съ какими продолжительными перерывами выходили въ свѣтъ послѣдніе выпуски его *«Архива клиники внутреннихъ болѣзней»*, что нужно приписать отсутствію усердныхъ сотрудниковъ его благому дѣлу. Подобныхъ фактовъ, указывавшихъ на весьма непродолжительное господствованіе псевдо-патріотическихъ традицій *Боткинскаго* ученія, можно было привести много; но и приведенныхъ, я полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости слѣдующаго положенія: *Любовь къ наукѣ служитъ невидимымъ цементомъ, связывающимъ корпорацію учащихся и учащихся въ одно прочное цѣлое; называемое школою; а въ ней поклоненіе правдѣ и справедливости—служитъ рычагомъ, приводящимъ въ движеніе ея отдѣльные органы и ведущимъ къ непрерывному прогрессу всего стройнаго организма.*

Къ великому сожалѣнію, въ дѣлѣ насажденія русскоѣ медицины *Боткинымъ*, послѣдній изъ двухъ указанныхъ факторовъ былъ настолько слабъ, что авторъ пережилъ свою идею, такъ что, съ уходомъ *Сергѣя Петровича* съ арены дѣятельности, въ Академіи отъ *«Боткинской школы»* осталось лишь одно воспоминаніе—недопускать въ среду разсадниковъ русскоѣ медицины лицъ, носящихъ инородныя (особенно нѣмецкія) фамиліи.

Дабы не допустить къ себѣ со стороны читателя и тѣни подозрѣнія въ пристрастности или въ умышленномъ сгущеніи красокъ, рисующихъ *С. П. Боткина* какъ насаждателя русскаго имени въ медицинскомъ сословіи того времени, я позволю себѣ привести здѣсь подлинныя слова д-ра *Бьлоголоваго*—лучшаго друга *С. П. Боткина*.

.... Этотъ печальный антагонизмъ въ медицинскомъ лагерѣ между русскими и нѣмцами привелъ въ послѣдствіи къ продолжительной борьбѣ, въ которой *Боткинъ* принималъ дѣятельное и, по своему видному положенію, первенствующее участіе, за что вынесъ не мало упрековъ и обвиненій отъ противной стороны въ узкой партійности и несправедливости. Въ этой, незаконченной покуда, тяжбѣ, когда противники еще не высказались окончательно, было бы преждевременно выступать въ качествѣ безпристрастнаго судьи произносить приговоръ, кто правъ, кто виноватъ. Скажу только одно, что *Боткинъ* лучше всякаго другого понималъ вредъ отъ существующей розни между врачами разныхъ національностей для интересовъ науки, тѣмъ не менѣе онъ вынужденъ былъ выступать въ воинствующей и партизанской роли...“ (*Н. А. Бьлоголовый. «Воспоминанія и другія статьи»*. 3-е изданіе. Москва. 1898 г., стр. 296).

Въ оправданіе такого принципіальнаго преслѣдованія всего нѣмецкаго, мнѣ, пожалуй, могутъ возразить, что *Сергій Петровичъ Боткинъ*, будучи молодымъ адъюнкть-профессоромъ Медико-Хирургической Академіи, на себѣ самомъ испытывалъ притѣсненіе со стороны представителей науки, воспитанныхъ въ нѣмецкихъ школахъ и проникнутыхъ нѣмецкимъ направленіемъ; эти представители каждаго принципіально не допускали русскихъ врачей къ самостоятельной дѣятельности на ученомъ поприщѣ.—Допустивъ даже, что подобное грустное явленіе могло имѣть мѣсто въ нашихъ школахъ еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, слѣдуетъ все-таки признать, что нѣмецкіе представители науки требовали отъ молодыхъ ученыхъ въ Россіи не одного лишь нѣмецкаго окончанія ихъ фамилій, но главнымъ стимуломъ къ проведенію ихъ традицій служили природныя дарованія и научныя познанія выставленныхъ кандидатовъ.

Вѣдь исторія нашихъ медицинскихъ школъ показываетъ, что и въ 30-хъ годахъ Дерптская школа *volens volens* признавала до-

стойными стать профессорами *Пирогова*, *Иноземцева*, *Овсянникова* и многих друг. Не отрицала же нѣмецкая (*quasi* — антипатріотическая) партія Медико-Хирургической Академіи научныхъ заслугъ *Н. Н. Зинина*, *Ив. Мих. Спиченова*, *М. М. Руднева* и друг. Наконецъ, позволимъ себѣ указать, что и Сергѣй Петровичъ *Боткинъ*, несмотря на гоненіе со стороны нѣмцевъ, пробилъ себѣ дорогу къ намѣченной цѣли, благодаря лишь своимъ природнымъ дарованіямъ. Стало быть, справедливость торжествовала и тогда, когда въ составъ научной корпораціи входили такіе дѣятели, какъ *Брандтъ* (старикъ), *Шмидтъ* (Александръ), *Кесслеръ*, *Эдекауеръ*, *Эккъ* и т. п.

На научныхъ поприщахъ различныхъ государствъ Европы мы встрѣчаемъ истыхъ патріотовъ и защитниковъ отечественной науки, которые носятъ совершенно иностранныя фамиліи, какъ-то: *Hoffmann*, *Max Müller*, *Schaeffer*—въ Англіи; *Wurtz*, *Berger*, *Weber*, *Schwartz* — во Франціи: *Du-Bois-Reymond*, *Buroff*, *Sokolowsky*—въ Германіи и проч. и проч. Однако-жъ наврядъ-ли какая либо изъ трехъ названныхъ націй согласилась-бы не признавать сынами своей родины такихъ ученыхъ, какъ *Максъ-Мюллеръ*, *Дюбуа Реймонъ* и т. п.

Кромѣ того на житейскомъ пути мнѣ приходилось встрѣчаться съ такими лицами, носившими истыя русскія фамиліи, которыя говорили, мыслили и творили только по-нѣмецки; напр., въ исторической литературѣ я встрѣтилъ автора *Jwan Golowin*, родившагося въ Россіи, но воспитавшагося въ Германіи; этотъ *Иванъ Ивановичъ Головинъ* самъ признается въ томъ, что его мысли складываются въ головѣ по нѣмецки, его обыденная рѣчь—нѣмецкая; а по традиціямъ, высказываемымъ авторомъ въ своемъ сочиненіи, самый безпристрастный читатель долженъ признать въ немъ нѣмца. Слѣдовательно, чтобы быть русскимъ по убѣжденію и по научнымъ заслугамъ, недостаточно лишь носить фамилію, оканчивающуюся на *овъ* или *инъ*.

Наконецъ, что стало бы съ исторіею русской культуры, если бы изъ нея вырвать страницы, касающіяся дѣятельности лицъ, носящихъ иностранныя фамиліи. Ради примѣра я приведу здѣсь именно только тѣхъ, которыхъ я могу припомнить безъ историческихъ справокъ. Неужели же русская культура отказалась бы отъ *Петра Франка*—

перваго президента нашей Медицинской Академіи, *Николая Бидло* — начальника первой Медико-Хирургической школы въ Москвѣ, *Ивана Буша* — перваго профессора хирургіи въ Академіи, *Эр. Беера* — знаменитаго біолога и академика, *Брандта* (старшаго) — всемірно извѣстнаго зоолога и профессора Медико-Хирургической Академіи, *Ө. Ө. Бейльштейна* — профессора химіи и члена нашей Академіи наукъ, *К. Ө. Кесслера* — профессора естествознанія въ Петербургскомъ университетѣ, *Я. К. Гротта* — языковѣда, *Ореста Мюллера*, — бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета по исторіи русской литературы, профессоръ *Струве* — однова бывшаго астронома, другаго — инженера; фонтъ *Шиллера*, изобрѣтателя телеграфа и т. п. дѣятелей, имя которымъ — легионъ...

Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что въ Россіи общественные и народныя дѣятели съ иностранными фамиліями служили прежде, и нынѣ служатъ ко благу и славѣ своей родины, мы видимъ въ военномъ дѣлѣ: имена *Барклай-де-Толли*, *Кауфманъ*, *Крюднеръ*, фонтъ *Лееръ*, *Лидерсъ*, *Остенъ-Сакенъ*, *Тотлебенъ*, баронъ *Келлеръ* и проч. и проч. служатъ примѣрами безпредѣльной преданности и вѣрной службы отечеству ¹⁾.

Да проститъ мнѣ великодушно читатель столь продолжительное уклоненіе въ сторону отъ своего предмета. Вѣдь, собственно говоря, зараза — шовинизмъ, который я называю лжепатріотизмомъ, въ настоящее время уже теряетъ свой острый характеръ; но во время моего студенчества она гнѣздилась въ Академіи, породила смуты какъ среди профессоровъ, такъ и въ отношеніяхъ студентовъ къ нѣкоторымъ профессорамъ. Наконецъ, на плодотворной и полезной дѣятельности Сергія Петровича *Боткина* этотъ злополучный вопросъ ложился темнымъ пятномъ, что и побудило меня посвятить ему нѣсколько страницъ въ заключеніе своихъ воспоминаній о лучшемъ изъ клиницистовъ XIX вѣка.

«Старая Деревня»,
подъ Петербургомъ. 16—21 VIII. 1901.

¹⁾ На страницахъ одного изъ популярнѣхъ нашихъ журналовъ я недавно встрѣтилъ нижеслѣдующую тираду: «У насъ на Руси есть люди и съ цѣльною душою. Какъ странно, однако, что это почти всегда иностранцы или инородцы. Вспомнимъ Костанджогло — у Гоголя, Щотольца — у Гончарова, Инсарова — у Тургенева. — Иностранца — у Глазба Успенскаго и т. п.

ГЛАВА XIII.

Обзоръ учебныхъ занятій студента IV-го курса Медико-Хирургической Академіи.—Идеалы автора во время его студенчества на высшихъ курсахъ Академіи.—Значеніе студенческой бібліотеки какъ посредничество между издателями и потребителями книгъ ученаго содержанія. Кое-какіе факты, характеризующіе недозволенные сходки и сборища студентовъ 70-хъ годовъ.—О влияніи современныхъ беллетристовъ на развитіе идеаловъ учащейся молодежи того времени.—Піонеры земско-врачебнаго дѣла, какъ результатъ господствовавшихъ идеаловъ среди учащихся въ Академіи.—Отрицаніе студенческой корпораціи «*de jure*» и существованіе таковой «*de facto*».—Печальная судьба запретной студенческой столовой, основанной студентами-медиками въ 1870 году, и студенческой читальни.—Метаморфоза скромныхъ студенческихъ сходокъ въ уличные бунты съ печальными послѣдствіями.—Закрытіе первыхъ двухъ курсовъ Академіи, ограниченіе числа учащихся и переименованіе нашей *almae matris* изъ Медико-Хирургической въ Военно-Медицинскую Академію. Нѣкоторыя соображенія по поводу студенческихъ смутъ.

Жизнь студента IV-го курса въ стѣнахъ Медико-Хирургической Академіи протекала бурно, энергично и пестро; постоянныя заботы о кураторствуемыхъ больныхъ въ терапевтической, хирургической и другихъ клиникахъ, усердныя посѣщенія аудиторій *С. П. Боткина*, *А. Е. Юнге* (профессора глазныхъ болѣзней) и *И. М. Горвица* (приватъ-доцента по кафедрѣ гинекологіи), *К. Ф. Геннера* (экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею), *А. Г. Полотбнова* (адъюнктъ-профессора по кафедрѣ кожныхъ болѣзней) и нѣкоторыхъ другихъ преподавателей; кромѣ того, ежедневныя занятія въ лабораторіяхъ и секціонной залѣ, присутствованіе на ученыхъ диспутахъ при зачитаніяхъ докторскихъ диссертаций и тому подобныя учебныя и ученыя занятія до того поглощали все до-полуденныя,

по-полуденные и вечерніе часы, что мы не замѣчали, какъ дни, недѣли, мѣсяцы пролетали, составляя собою самые производительные семестры всего академическаго курса.

IV-й курсъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самый пріятный для студентовъ, потому что на немъ не было никакихъ повѣрочныхъ экзаменовъ; о познаніяхъ нашихъ г.г. клиницисты судили по составленнымъ исторіямъ болѣзней, куда мы, въ роли куратора, вносили свои наблюденія, изслѣдованія больныхъ и клиническій разборъ выдающихся явленій больного человѣка. Далѣе, этотъ курсъ былъ и самый плодотворный по тому, что преподававшіеся на немъ предметы изучались студентами практически: у постели больного, у операціоннаго стола, на трупѣ, подъ микроскопомъ, въ химическомъ пробирномъ стаканчикѣ и тому подобнымъ образомъ. При такихъ условіяхъ преподаванія сообщаемыя свѣдѣнія легко усваивались и прочно оставались въ памяти учащихся. Наконецъ, этотъ курсъ слѣдуетъ признать самымъ полезнымъ еще и по тому, что на немъ обыкновенно формировался темпераментъ будущаго врача (*futurus'a*).

IV-й курсъ—это тотъ учебный годъ, когда студентъ - медикъ начинаетъ понимать истинное значеніе медицины въ наукѣ и жизни; когда онъ приобретаетъ такія познанія, посредствомъ которыхъ его мозгъ становится способнымъ созидать нѣчто свое, примѣнимое во врачебномъ искусствѣ. Въ этой стадіи развитія студентъ уже сознаетъ справедливость французскаго афоризма: «*la critique est aisée l'art est difficile*», поэтому онъ не такъ строго осуждаетъ все и вся, какъ на предыдущихъ курсахъ, и выбираетъ себѣ отрасли медицинскихъ знаній, которыя ему болѣе по душѣ.

Выше, мимоходомъ я сказалъ, что въ наше время большинство сверстниковъ мечтали сдѣлаться специалистами по внутренней медицинѣ. Что же касается меня лично, то, будучи на IV-мъ курсѣ Академіи, я не предназначалъ себѣ никакой спеціальности: я такъ же усердно посѣщалъ терапевтическую клинику *С. П. Боткина*, какъ и часто помогалъ при операціяхъ, производимыхъ проф. *И. О. Корженевскимъ* въ академической хирургической клиникѣ; также охотно упражнялся въ операціяхъ на трупахъ подъ руководствомъ *К. Ф. Геннера*, какъ и старался приобрести кое-какія свѣдѣнія по болѣзнямъ слухового аппарата, съ каковою цѣлью посѣщалъ необя-

зательный курсъ лекцій доцента *Пруссак*. Вообще говоря, я заботился о томъ, чтобы свой не слишкомъ вѣстительный походный ранецъ врача наполнять болѣе вѣскими свѣдѣніями изъ практической медицины.

Слѣдовательно, будучи студентомъ Академіи высшихъ курсовъ, я готовилъ себя къ карьерѣ зауряднаго врача, которому предстояла задача—создать себѣ помѣще гдѣ-либо въ глуши, въ провинціальномъ городѣ или даже въ деревнѣ, гдѣ врачебная профессія въ то время составляла почти непочатое поле дѣятельности.

Въ насущной потребности сельскаго сословія во врачебной помощи и въ плодотворности послѣдней я неоднократно убѣждался вообщу, во время моего лѣтняго пребыванія въ деревняхъ Псковской, Черниговской и Харьковской губерній, гдѣ я въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ проживалъ въ роли репетитора ихъ дѣтей. Тутъ-то мнѣ, студенту высшихъ курсовъ, волей-неволей приходилось оказывать оперативную помощь въ безотлагательныхъ случаяхъ и, повидимому, не безуспѣшно.

Помню я помню, какъ разъ ко мнѣ принесли двухлѣтняго малыша съ явными признаками угрожающей смерти отъ удушья вслѣдствіе крупа гортани; помѣщикъ *П. И. Б.—скій* побуждал меня взяться за скальпель, и я съ замираніемъ сердца и трепетомъ рукъ произвелъ первое горлообѣженіе и... съ блестящимъ успѣхомъ; другой разъ я вырѣзалъ у 15-ти лѣтней деревенской дѣвушки два нароста изъ наружныхъ слуховыхъ проходовъ и такимъ путемъ возвратилъ ей потерянный слухъ; въ третьемъ невыразимо тяжеломъ случаѣ я долженъ былъ рѣшиться предпринять акушерскую операцію—сдѣлать поворотъ рождающагося ребенка на ножку—при выпавшей ручкѣ вслѣдствіе неправильности родового акта у молодой крестьянки.

Теперь, воскрешая въ своей памяти дѣятельность всѣхъ своихъ руководителей IV-го курса Академіи, я долженъ сознаться, что помимо вышеописанныхъ дѣятелей Боткинской клиники, мнѣ не на комъ остановиться. Лекція по гигиенѣ проф. *А. П. Доброславина*, по судебной медицинѣ проф. *И. М. Сорокина*, по теоретическому акушерству проф. *Флоринскаго* и по хирургической клиникѣ—проф. *И. О. Корженевскаго* давали такъ мало для пытливаго ума и для

практической жизни, что аудиторіи названных преподавателей въ большинствѣ случаевъ пустовали; съ сущностью этихъ учебныхъ предметовъ мы знакомились лишь предъ выпускными экзаменами при чтеніи соответственныхъ учебниковъ иностранныхъ авторовъ въ русскомъ переводѣ.

Если Вы, читатель, не-медикъ, мысленно пробѣжите вышенабро-санные мною очерки вашихъ повседневныхъ занятій въ клиникахъ, въ аудиторіяхъ, въ секціонныхъ залахъ и въ лабораторіяхъ, то въ Вашемъ воображеніи жизнь студента IV-го курса, пожалуй, представится, словно на кинематографическомъ экранѣ, суетливою безтолковою и пустодѣянною. Другими словами, учащійся медицинѣ можетъ непосвященному въ это дѣло лицу казаться чело-вѣкомъ, живущимъ постоянно въ суетѣ и въ заботахъ о возложен-ныхъ на себя обязанностяхъ, постоянно перебѣгающимъ, изъ ауди-торіи въ аудиторію, изъ одной клиники въ другую, торопясь всюду поспѣть и нигдѣ ничего толкомъ не сдѣлать... Въ дѣйствительности же наша жизнь протекала, правда, по-стро, но ужъ не такъ безо-лаберно, какъ оно могло-бы казаться читателямъ не-медикамъ.

Каждый изъ насъ занимался своимъ дѣломъ, въ свое время и по мѣрѣ силъ; каждый изъ насъ сознавалъ, что человѣческій мозгъ— не кавернозная (губчатая) ткань, способная набухать и, по мѣрѣ переполненія, увеличиваться въ своихъ размѣрахъ. Студенческій мозгъ воспринималъ знаній постольку, по сколько таковыя свободно вмѣщались въ его интеллектуальной сферѣ. Короче, жизнь и практика выработала въ насъ извѣстную приспособляемость къ окружающимъ насъ условіямъ и, благодаря этому, каждый изъ насъ могъ при нѣкоторомъ усердіи— сдѣлаться вполне достойнымъ студентомъ V-го курса, не обладая вовсе какими-либо феноменальными способностями и не надрывая своихъ умственныхъ силъ.

При всемъ этомъ серьезное изученіе медицины не отрывало насъ отъ общественныхъ интересовъ. Студенты высшихъ курсовъ нерѣдко заходили въ студенческую читальню, игравшую у насъ роль клуба, гдѣ по газетамъ мы слѣдили за теченіемъ общественной и политиче-ской жизни, гдѣ при взаимномъ обмѣнѣ мыслей съ товарищами различныхъ курсовъ, различныхъ темпераментовъ и различнаго соци-ального положенія, мы приобретали ту житейскую опытность, которой

намъ не давали ни аудиторія, ни спеціальныя книги, ни клиническія лабораторіи.

Какъ не скудны были наши матеріальныя средства, однакожъ, выдававшаяся книга по литературѣ, по искусству или по социальнымъ наукамъ, не говоря уже по медицинѣ, встрѣчала себѣ сочувствіе со стороны многихъ студентовъ высшихъ курсовъ, которые приобрѣтали въ студенческой читальнѣ книги «на выплату». Съ цѣлью облегчить кредитъ студентамъ и въ то же время имѣть хоть слабую гарантію въ возвращеніи ссуженныхъ денегъ, нами было учреждено нѣчто вродѣ самоуправленія студенческой читальни: оно состояло изъ студентовъ, выборныхъ на курсахъ и носившихъ званіе старостъ читальни; на нихъ возлагалась обязанность завѣдывать продажей книгъ и отпускать въ долгъ тѣмъ студентамъ, которыхъ они знали либо лично, либо черезъ своего знакомаго однокурсника. При такомъ порядкѣ веденія дѣла рѣдко кто изъ студентовъ злоупотреблялъ довѣріемъ своихъ товарищей. Если иногда бывали потери имущества или убытки студенческой читальни, то таковыя истекали какъ слѣдствіе недостатка хозяйственнаго присмотра или торговаго опыта. Доказательствомъ тому, что наша студенческая читальня имѣла за собою право на существованіе, служить довѣріе къ ней книжныхъ торговцевъ, которые отпускали читальнѣ (замѣтьте, официально непризнанному учрежденію) товаръ въ кредитъ съ уступкою отъ 20—50% номинальной цѣнности. Во всякомъ случаѣ эта читальня много способствовала тому, чтобы книга сдѣлалась доступною собственностью каждому студенту. Благодаря существованію этой читальни, нѣкоторые студенты составили себѣ, правда, скромныя домашнія библіотеки, многіе изъ насъ приобрѣтали даже весьма цѣнные медицинскіе сборники, какъ-то: Цимсена *«Руководство по частной патологій и терапіи»* въ русскомъ переводѣ, изданіе Хавкина, цѣною 120 руб. Питы и Бильрота *«Руководство по общей и частной хирургіи»* также въ русскомъ переводѣ, 25 томовъ, цѣною около 60 руб. и т. п.

Считаю нужнымъ указать, что, будучи студентомъ IV-го курса, я былъ выбранъ своими товарищами старостою и входилъ въ составъ правленія студенческой читальни; поэтому я былъ знакомъ съ внутренними порядками и матеріальными средствами этого официально

непризнаннаго учрежденія нашей *almae matris*. При безпристрастной оцѣнкѣ того, что я видѣлъ и слышалъ въ студенческой читальнѣ въ порѣ ея самой бурной дѣятельности, я вправѣ теперь утверждать, что если бы академическое начальство не отнеслось бы къ «любимому дѣтищу» студентовъ, какъ къ ублюдку, а полицейская власть не смотрѣла бы на нашу читальню, какъ на нетерпимое зло, то это учрежденіе, весьма вѣроятно, играло бы роль полезнаго учебно-образовательнаго пособія Медико-Хирургической Академіи.

Признаться нужно, что въ этомъ помѣщеніи студенческаго собранія иногда подымались вѣкоторыми жожаками пропаганды такіе вопросы, обсужденіе которыхъ не могло быть терпимо въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія того времени. Но одно лишь это обстоятельство, по моему мнѣнію, не могло и не должно было служить поводомъ къ уничтоженію студенческой читальни. И вотъ почему.

Во первыхъ, въ 70-хъ годахъ запретные вопросы нашего студенчества не носили въ себѣ ничего революціоннаго; въ большинствѣ случаевъ они касались соціальной жизни товарищей и, попутно, затрогивали умственную и тѣлесную нищету русскаго народа, точнѣе, мужика.

Во-вторыхъ, обсужденіе этихъ вопросовъ, ихъ детальная разработка, знакомство съ весьма печальными эпизодами изъ жизни учащихся и нуждающихся въ самомъ первоначальномъ обученіи грамотѣ — всегда происходили внѣ стѣнъ Академіи: для этого существовали укромные притоны, на Вульфовой улицѣ, на Васильевскомъ островѣ и въ другихъ закоулкахъ Петербурга.

Въ-третьихъ, закрытіе студенческой читальни въ Академіи вовсе не парализовало нежелательное броженіе умовъ, а только способствовало тому, что чисто *мистныя* интересы — интересы студентовъ Выборгской стороны — переносились для обсужденія въ притоны, *общіе* для студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ само академическое начальство лишило себя права и возможности на сходахъ вліять на своихъ питомцевъ своимъ авторитетнымъ или увѣщательнымъ словомъ. Между тѣмъ уничтоженіе нашей читальни наносило несоизмѣнный ущербъ благонамѣренному (въ смыслѣ академическомъ) студенчеству и тѣмъ вызывало справедливое неудовольствіе со стороны послѣдняго.

Отсутствіе студенческой читальни и бібліотеки въ Военно-Медицинской Академіи ощущалось весьма чувствительно; оно отзывалось между прочимъ и на характеръ современнаго студенчества, которое не заглядываетъ въ такія обширныя руководства, какъ *Цимсена*, *Питы-Бильрота*, оправдывая въ данномъ случаѣ русскую пословицу: «не по коню кормъ», а преимущественно довольствуется весьма краткими конспективными книжками въ нѣсколько печатныхъ листовъ, въ родѣ *Кунице*, *Вл. Илова* (*Оперативная Хирургія*) et tutti quanti.

Студенты высшихъ курсовъ Академіи въ принципѣ не сочувствовали всякой пропагандѣ; тѣмъ не менѣе намъ приходилось и читать прокламаціи, и слушать всякія зажигательныя рѣчи вожаковъ и невольно стать участниками запрещенныхъ сходокъ студентовъ. Обыкновенно бывало, что самые честные, умные и дѣльные студенты падали невинными жертвами своей идеализаціи чувствъ справедливости и гражданственности; тогда какъ главные зачинщики всякихъ студенческихъ смутъ, искушавшіеся въ разныхъ перипетіяхъ съ полицейскими ловушками, въ громадномъ большинствѣ случаевъ выходили «сухими» изъ самой жестокой бури студенческаго движенія въ Академіи.

Неоднократно мы наблюдали, что, такъ назыв., «возмущеніе» студентовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ потерю нѣсколько добрыхъ и вполне честныхъ товарищей; но съ исчезновеніемъ таковыхъ изъ нашей среды «возмущеніе» не прекращалось: оно только утихало на нѣкоторое время, чтобы послѣ возгорѣться снова и съ еще большимъ ожесточеніемъ.

По нынѣ мнѣ представляется загадочнымъ фактъ слѣдующаго рода: неоднократно я видалъ на сходкахъ весьма ретивыхъ и ярыхъ вожаковъ студенческаго броженія, которые участвовали во многихъ студенческихъ беспорядкахъ различнаго періода; однако-жъ они ни разу не были заподозрѣны полиціею ни въ чемъ и у академическаго начальства были на хорошемъ счету. Подобнаго рода возмутительная несправедливость, подмѣченная мною еще въ равной порѣ студенчества, побуждала меня относиться весьма недовѣрчиво къ самымъ вожакамъ (иначе говоря, провокаторамъ) и уклоняться отъ всякаго активнаго участія въ студенческихъ сходкахъ, на которыхъ обсуждались вопросы, не касающіеся непосредственныхъ нуждъ студенчества.

Какіе вопросы волновали умы студенчества 70-х годов?— Чего собственно требовали студенты нашего времени от своего начальства? Какіх *ria desideria* добивались студенты-медики? Въ какой формѣ выражалось недовольство студентовъ своимъ настоящимъ положеніемъ? Какими мѣрами студенты стремились произвести реформу во внутреннемъ строѣ своей *almae matris*? Могло-ли начальство Академіи предупредить возмущеніе студентовъ или, по меньшей мѣрѣ, ослабить ихъ печальные результаты?... суть вопросы, сами собою зарождающіеся въ умѣ каждого интеллигента при воспоминаніи своего студенчества въ бесѣдахъ со старыми товарищами. Отвѣты на нихъ выражаются различно не только по формѣ, но и по существу мыслей, что, по моему мнѣнію, зависитъ отъ идеаловъ студенчества разсматриваемаго времени, отъ сочувствія бесѣдующаго къ студенческимъ интересамъ, отъ взглядовъ на задачи студенчества вообще того лица, которое беретъ на себя трудъ обсуждать вопросы былого студенческаго движенія. Принимая во вниманіе эти условія, я постараюсь дать отвѣтъ на нѣкоторыя изъ вышепоставленныхъ вопросовъ, при чемъ въ основу моего сужденія войдутъ главнымъ образомъ факты изъ пережитаго студенчества 70-хъ и 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

Вспомнимъ, что въ нашей періодической литературѣ 70-хъ годовъ, не взирая на цензурныя стѣсненія, все же обсуждались вопросы соціальной жизни русскаго народа, при чемъ приводились весьма убѣдительные факты, доказывавшіе, что главные народныя бѣдствія—голодъ, нищета, болѣзненность и неимоверная смертность—всецѣло зависятъ отъ неудовлетворенія существенныхъ нуждъ разумнаго существа въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ. Напи беллестристы-народники, критики, публицисты и вообще вся прогрессивная печать твердили: «Дайте мужику здоровье и школы, тогда всѣ народныя бѣдствія исчезнутъ съ земли русской».

Подъ вліяніемъ такихъ проповѣдниковъ, студенчество, вполнѣ естественно, стало мечтать о томъ, чтобы свои силы посвящать служенію народу въ роли тѣлеснаго и духовнаго врача.

Намъ казалось, что никто изъ общественныхъ дѣятелей не приходитъ въ столь близкое соприкосновеніе съ простолыиномъ, не видитъ его физическихъ страданій, не слышитъ вопля его болѣющей

жены и крика его голодающего ребенка, не сталкивается съ окружающими мужика невѣжествомъ, суевѣріемъ и тьмою духовною, какъ врачъ, живущій среди народа и для народа. Отсюда само собою вытекло слѣдующее положеніе: чтобы хоть нѣсколько облегчить бременное существованіе русскаго мужика, необходимо прежде всего позаботиться о томъ, чтобы врачебную помощь онъ получалъ изъ рукъ честнаго и знающаго врача, который всецѣло посвятилъ бы свою дѣятельность благосостоянію народа. Вотъ какіе завѣты побуждали большинство студенчества нашего времени «идти въ народъ»; не съ цѣлью «мутить» его, какъ объ этомъ трубили лжеохранители общественнаго порядка, а съ опредѣленною и строго продуманною задачею—*врачевать мужика физически и духовно*.

Результатомъ такого направленія идеаловъ учащейся молодежи 70-хъ годовъ явились кадры земскихъ врачей, съ честью подвигающихся на своемъ поприщѣ въ деревенскихъ закоулкахъ, въ мѣстечкахъ и станицахъ. Въ теченіе болѣе четверти вѣка эти народные врачи въ не легкой борьбѣ сумѣли завоевать себѣ довѣріе и любовь какъ со стороны простого люда, такъ и со стороны большинства земскихъ дѣятелей.

На сколько это стремленіе служить народу было велико можно отчасти судить по тому, что изъ нашего академическаго выпуска окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ въ 156 человекъ — 40 врачей посвятили себя земской мелицинѣ, которая въ то время, какъ непочатая нива общественной дѣятельности, представляла для молодого врача много камней преткновенія и весьма мало матеріальныхъ выгодъ.

Правда, благодаря суровымъ нравамъ общественнаго строя того времени, пионеры земско-врачебнаго дѣла неоднократно разочаровывались въ своихъ идеалахъ, встрѣчая непреодолимые препятствія къ осуществленію своихъ стремленій не столько въ матеріальной нищетѣ народа, сколько въ непомѣрномъ невѣществѣ нѣкоторыхъ заправиль земскаго хозяйства. При всемъ томъ мы видимъ, что нѣкоторые земскіе врачи не покидаютъ своего тяжелаго поста народнаго врачевателя въ теченіе 25—30 лѣтъ. Эти благородные пахари на нивѣ народнаго здравія вышли, безъ сомнѣнія, изъ нашей среды—изъ среды студенчества 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

Второй вопросъ, сильно волновавшій умы студентовъ нашего времени, составляла забота о созиданіи студенческой корпораціи.

Студенты Медико-Хирургической Академіи неоднократно возбуждали предъ начальствомъ ходатайство (принявшее впоследствии характеръ требованія) о томъ, чтобы имъ разрѣшено было собираться гдѣ бы то ни было для совѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся удовлетворенія ихъ повседневныхъ нуждъ, какъ то: открытіе студенческой столовой на товарищескихъ паяхъ, учрежденіе кассы взаимопомощи, раздача денежныхъ пособій студентамъ контролемъ товарищей, изысканіе средствъ для расширенія и улучшенія дѣлъ студенческой читальни, учрежденіе справочнаго бюро для отысканія и доставленія работъ нуждающимся товарищамъ, основаніе кружка любителей пѣнія и музыки и т. п. Къ сожалѣнію, ни ходатайство черезъ посредство весьма почтенныхъ профессоровъ, ни заявленія путемъ противузаконныхъ сборищъ студентовъ, ни петиціи, подаваемые высшему начальству, не увѣнчались успѣхомъ. Стало быть, *de jure* намъ не разрѣшали составлять собою студенческаго товарищества, *respectively*, корпораціи; *de facto* же таковая существовала, ибо мы на самомъ дѣлѣ, хотя и противузаконно, но не безъ вѣдома начальства, собирались въ стѣнахъ Академіи и обсуждали нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ вопросовъ; равнымъ образомъ мы располагали студенческими библіотекою и читальнею, которыя предоставлены были нашему самоуправленію; въ исключительныхъ случаяхъ мы собирались въ аудиторію для спѣвки и приготовленія къ студенческому концерту подъ руководствомъ весьма почтеннаго композитора и нашего профессора *А. П. Бородинъ*; даже тайкомъ ходили въ столовую, которая содержалась и управлялась средствами студентовъ... Однако же, эти учрежденія причиняли намъ много излишнихъ хлопотъ и заботъ именно потому, что существованіе ихъ было юридически не признано, слѣдовательно, не гарантировано отъ всякаго полицейскаго произвола.

Такъ, напр., въ 1870 году наша убогая столовая дешевыхъ обѣдовъ, гдѣ за 10—15 коп. студентъ могъ до-сыта наѣсться оленины, конины и тому подобной дешевой, но вмѣстѣ съ тѣмъ питательной пищи, была внезапно закрыта по распоряженію полиціи, имущество столовой расхищено невѣдомыми лицами небольшой оборот-

ной капиталецъ, собранный изъ добровольныхъ взносовъ самыхъ бѣдныхъ студентовъ, исчезъ безслѣдно и безвозвратно.

Нѣсколько лѣтъ поздне такая же участь постигла нашу студенческую читальню: по приказанію свыше академическое начальство распорядилось, чтобы весьма скромное помѣшеніе, отведенное подъ студенческую читальню и находящееся въ одномъ изъ многочисленныхъ задворковъ Академіи, было немедленно очищено и опечатано. Вслѣдствіе этого все имущество нашей бібліотеки и книжной торговли было разобрано безъ хозяйственного надзора по частнымъ квартирамъ; студентамъ, старостамъ этой читальни, негдѣ было собраться, чтобы изыскать средства для храненія весьма цѣннаго имущества студенческой бібліотеки; еще труднѣе имъ было собирать долги и ограждать наличную кассу отъ расхищенія. Признаться, для меня понинѣ остались неизвѣстными какъ причина, вызвавшая полное разореніе студенческой читальни, такъ и судьба нѣсколькихъ тысячъ рублей и многихъ сотенъ книгъ, составлявшихъ кровное имущество студентовъ семидесятыхъ годовъ Медико-Хирургической Академіи.

Разгромы подобнаго рода, вполнѣ естественно, не могли пройти въ жизни студенчества безъ протеста со стороны послѣдняго. Самый же протестъ студентовъ выражался различно, что зависѣло отъ отношенія академическаго начальства къ, такъ назыв., безпорядкамъ студенчества.

Обыкновенно бывало, что въ студенческой читальнѣ, въ препаровочной анатомическаго института, рѣдко въ химической аудиторіи и только въ крайнемъ случаѣ въ одномъ изъ задворковъ Академіи, толпа студентовъ отъ 200—500 человекъ соберется на сходку; ажитированная толпа эта шумить, галдить и выражаетъ неудовольствіе на свое прямое начальство за то, что оно яко-бы не желаетъ защищать интересы своихъ питомцевъ, стѣсняетъ свободное развитіе матеріальнаго благосостоянія студенчества и требуетъ отъ студентовъ не столько заниматься наукою, сколько исполнять внѣшнюю формалистику и соблюдать благочиніе въ стѣнахъ Академіи. Намъ было безызвѣстно, что въ толпѣ участниковъ сходки находятся тайные агенты полицейскаго надзора, особенные репортеры инспекціи студентовъ; иногда же явно присутствовалъ на сборищѣ

одинъ изъ субинспекторовъ Академіи. Тѣмъ не менѣе присутствіе такого нежелательнаго элемента не удерживало пылкихъ юношей отъ роли докладчика протеста, защитника интересовъ студенчества, обличителя дѣйствующихъ порядковъ или просто оратора, экзальтирующаго толпу своею горячею и остроумною рѣчью. Другая партія студентовъ, смѣшиваясь въ толпѣ, различными возгласами одобряла или отвергала предложенія ораторовъ; значительное же большинство присутствующихъ студентовъ оставалось нѣмыми свидѣтелями того, что происходило на сходкѣ. — Наговорившись вдоволь, иногда до осыпlosti голоса, одинъ изъ ораторствующихъ, обыкновенно, не формулируя даже сущности обсуждаемаго вопроса, предложить собранію поставить рѣшеніе: доложить начальству Академіи свое требованіе (напримѣръ, исключить такого-то изъ числа студентовъ, какъ лицо, заподозрѣнное въ шпіонствѣ; или предоставить студентамъ право въ воскресные и праздничные дни посѣщать студенческую читальню и т. п.), а въ случаѣ неосуществленія нашего требованія, студенты in corpore обязаны прекратить посѣщеніе аудиторій и лабораторій.

Въ большинствѣ случаевъ протесты студентовъ, выраженные въ такой формѣ, принимали мирный исходъ, если только въ разборѣ дѣла не вмѣшивалась полиція, и, стало быть, наши незаконныя сходки не влекли за собою ареста тѣхъ товарищей, которые выступали ораторами и на принимались за коноводовъ студенческихъ смуть.

Къ сожалѣнію, не всегда наши, такъ сказать, домашнія неурядицы оставались въ своей семьѣ, не выносились за стѣны Академіи. Нерѣдко бывало, что не въ мѣру усердная инспекція, съ цѣлью предупредить или не допустить студенческую сходку, побуждала академическую администрацію прибѣгать къ помощи полицейской власти; въ такихъ случаяхъ явное присутствіе полицейскаго агента на студенческой сходкѣ тотчасъ-же вызывало со стороны товарищей общую солидарность: вся толпа въ 200—300 участниковъ сходки сплочивалась въ конгломератъ единомышленниковъ, составляя собою согрус, который, какъ таковой, инстинктивно отстаивалъ неприкосновенность каждаго члена въ отдѣльности. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ сборище студентовъ выносилось изъ Академіи на улицы; здѣсь толпа разгораченныхъ пылкихъ юношей окружалась

казацкимъ конвоемъ, который не умѣлъ щадить честолюбіе и привычную вольность русскаго студента и, ergo, при первомъ неповиновеніи прибѣгалъ къ грубой силѣ.

Такимъ путемъ студенческая сходка преобразовывалась въ скопище недовольныхъ, а сіе послѣднее въ явный «бунтъ», такъ какъ простой протестъ учащихся при личныхъ докладахъ *Государю Императору* получалъ названіе «бунтъ» и возмущеніе противъ существующихъ порядковъ государственнаго строя.

Студенческіе безпорядки, облеченные въ такую форму, влекли за собою печальныя послѣдствія: одинъ, другой десятокъ весьма дѣльныхъ студентовъ исключались изъ Академіи, преподаваніе и ученныя занятія въ лабораторіяхъ прерывались на болѣе или менѣе продолжительное время, престижъ профессоровъ падалъ въ глазахъ высшаго начальства, которое, во избѣжаніе подобныхъ «бунтовъ» въ военномъ учебномъ заведеніи, прибѣгало иногда къ весьма крутымъ мѣрамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1874 г. наша Академія была лишена автономіи, т. е. конференція лишилась правъ самоуправленія, а на мѣсто конференціи была учреждена временная коммиссія, состоявшая преимущественно изъ лицъ, не причастныхъ Академіи военныхъ генераловъ, въ вѣдѣніи которыхъ сосредоточилась не только административная, но и учебно-образовательная власть Академіи. Пѣсколько позднѣе, въ 1879 г. Медико-Хирургическая Академія была преобразована въ Военно-Медицинскую Академію, причѣмъ два младшихъ курса были совсѣмъ закрыты, а съ ними закрылись многія каедры. Далѣе пріемъ своекоштныхъ воспитанниковъ былъ доведенъ до возможнаго мінімума, программа преподаванія медицинскихъ наукъ ограничивалась больше потребностями *военнаго* врача; ношеніе установленной формы стало *обязательнымъ* для всѣхъ студентовъ, и военная дисциплина, насколько она могла быть осуществима въ такомъ высшемъ учебномъ заведеніи, получила свои права гражданства въ Академіи.

Непосредственные результаты такихъ реформъ *) нашей аіае

*) *Историческая справка.* Въ «Исторіи Военно-Медицинской Академіи за сто лѣтъ» мы читаемъ: «Въ 1874 году, въ моментъ разгара борьбы партій въ конференціи, студенты Академіи, невольно слѣдя и увлекаясь происходящимъ, а отчасти испытывая на самихъ себѣ вліяніе тенденціозности нѣкоторыхъ профессоровъ, произвели рядъ шумныхъ демонстрацій и сходокъ... Опрошенныя студенты почти все заявили, что

matris выразились, съ одной стороны, въ пониженіи научнаго ценза школы, а съ другой—въ значительномъ уменьшеніи контингента учащихся: вмѣсто 1200 питомцевъ, бывшихъ въ 1874 г., таковыхъ въ 1883 году насчитывалось всего 569, т. е. менѣе половины.

Какъ ни печальны были приведенные факты тогда—въ разсматриваемое нами время—еще печальнѣе они намъ представляются теперь, когда мы убѣждаемся въ томъ, что всѣ крутыя мѣры противъ студенческихъ «безпорядковъ» оказались безсильными и что настойчивыя требованія студентовъ—разрѣшить имъ организацію товарищества—встрѣчаютъ себѣ сочувствіе въ высшихъ сферахъ учебнаго вѣдомства.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго изъ вышепоставленныхъ вопросовъ—*«могло ли начальство Академіи предупредить возмущенія студентовъ или, по меньшей мѣрѣ ослабить ихъ печальные результаты?»*—я долженъ отвѣтить категорически: *«да»!* И вотъ на какомъ основаніи.

Если-бы въ конференціи Академіи не господствовала та ожесточенная борьба двухъ партій, о которой я выше писалъ; если-бы руководители учащейся молодежи были-бы дѣйствительно жрецами науки, а не играли-бы роли агитаторовъ какого-то новаго направленія въ медицинѣ и не вооружали-бы студентовъ противъ нѣкоторыхъ профессоровъ той же Академіи, то многія студенческія смуты (напримѣръ Ціоновская исторія въ 1874 г., Ланцетовская исторія въ 1880 г.) вовсе не имѣли-бы мѣста.

Вспоминая пройденный мною студенческій путь въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ университетѣ, Технологическомъ Институтѣ и Медико-Хирургической Академіи), я думаю, что ни на какомъ вномъ факультетѣ студенты не становятся такъ близко къ преподавателямъ, какъ на медицинскомъ. Въ силу этой особенности нашего факультета, мы, студенты Академіи, учились, мыслили и творили такъ, какъ это творилось въ корпораціи нашихъ профессоровъ. Дру-

были увлечены раздорами и полемикою профессоровъ, а также указали на нѣкоторые несправедливые поступки пр-ф. Ціона». (См. стр. 657 и слѣд.).

Отсюда, намъ кажется, не трудно уяснить себѣ—насколько *борьба партій въ конференціи* была причастна студенческимъ смутамъ и насколько она способствовала упадку научнаго престижа лучшей медицинской школы въ Россіи.

гими словами, внутреннія неурядицы въ конференціи рождали неурядицы среди студенчества, хотя характеръ тѣхъ и другихъ былъ различенъ. Далѣе, если-бы во главѣ Академіи состояли-бы лица, пользующіяся любовью и почетомъ своихъ питомцевъ; если-бы президентъ конференціи относился-бы къ нуждамъ, желаніямъ и даже къ протестамъ студентовъ не какъ официально признанный начальникъ, а какъ глава дорогой ему семьи, — то, безъ сомнѣнія, онъ могъ-бы своимъ вліяніемъ не допускать учащихся до того состоянія, которое называлось «возмущеніемъ студентовъ» противъ своего начальства.

Я живо вспоминаю безпорядки нашихъ товарищей при чтеніи вступительной лекціи проф. *Мерклина* или многократныя неурядицы на экзаменахъ того же проф. *Мерклина*, проф. *Е. Брандта* и многіе другіе подобные же эпизоды, сопровождавшіеся весьма бурными, въ рѣзкой формѣ выраженными, протестами студентовъ. Однакожъ, эти безпорядки, съ появленіемъ на студенческой сходкѣ уважаемаго нами инспектора студентовъ—д-ра *С. Ф. Соколова*, какъ-то незамѣтно теряли свой бурный характеръ и улаживались весьма мирнымъ путемъ безъ униженія профессорскаго престижа и безъ поддакиванія студенческимъ вольностямъ. Слѣдовательно, при доброй волѣ и нѣкоторомъ умѣнши непосредственное начальство Академіи было въ состояніи ослабить печальные результаты студенческихъ «бунтовъ».

Я лично знаю въ средѣ выдающихся профессоровъ медицинскихъ факультетовъ нѣкоторыхъ нынѣ вполне благонадежныхъ и благо- нравныхъ дѣателей, которые во время своего студенчества любили ораторствовать на сходкахъ, слыли весьма «буйными головами» и неоднократно подвергались опасности быть исключенными изъ Академіи и высланными туда, гдѣ «Макаръ телятъ не гоняетъ», но только благодаря такту д-ра *С. Ф. Соколова* и защитѣ *Н. Н. Зинина* русская наука сохранила нѣкоторыхъ солидныхъ ученыхъ и полезныхъ гражданъ своего отечества, которыхъ не считаю себя вправе именовать. Отъ имени же русской медицины и нѣкоторыхъ питомцевъ Медико-Хирургической Академіи могу произнести: *Вѣчная память* бывшему секретарю конференціи—проф. *Н. Н. Зинину* и бывшему инспектору студентовъ—д-ру *С. Ф. Соколову*.

ГЛАВА XIV.

Значеніе послѣднихъ трехъ семестровъ въ академической жизни студентовъ медицинскаго факультета.—Задачи преподавателей-клиницистовъ, руководящихъ студентами V-го курса.—Параллель функций факультетскихъ и госпитальныхъ клиницистовъ. — Краткій біографическій очеркъ проф. *Е. И. Богдановскаго*.—Характерныя особенности контингента больныхъ госпитальной хирургической клиники.—Студенты V-го курса въ роли кураторовъ.—Проф. *Е. И. Богдановскій* какъ человѣкъ, какъ учитель, какъ лекторъ и какъ операторъ.—Нѣсколько словъ о *П. Я. Мультиановскомъ*, какъ о помощникѣ профессора госпитальной хирургической клиники.—Трагическая смерть *Е. И. Богдановскаго* у операціоннаго стола.—Перечень его литературныхъ трудовъ.—Краткая оцѣнка его ученой дѣятельности.

Студентъ-медикъ, перешедшій на V-й курсъ Медико-Хирургической Академіи, въ наше время представлялъ собою родъ воина, обученнаго всѣмъ артикуламъ и снаряженнаго всѣми нужными доспѣхами и атрибутами военнаго времени, но все таки еще не готовою для вступленія въ походъ дѣйствующей арміи, такъ какъ въ немъ нѣтъ походной выдержки, нѣтъ еще той военной сноровки, которая дается лишь путемъ упражненій въ военныхъ прогулкахъ и маневрахъ. Наши врачебныя «прогулки и маневры» производились лишь на выпускномъ курсѣ Медико-Хирургической Академіи.

Предположимъ, что теоретическіе и практическіе предметы медицинскаго факультета пройдены и усвоены студентомъ V-го курса, но въ немъ нѣтъ еще врачебной сообразительности и рѣшимости; при такихъ условіяхъ молодой Эскулаповъ сынъ при первой встрѣчѣ со сложнымъ случаемъ болѣзни легко теряетъ равновѣсіе своей врачебной логики, не можетъ выдѣлить главныхъ явленій патологическаго процесса, вслѣдствіе чего онъ колеблется въ своемъ діагнозѣ, пошатывается при своихъ попыткахъ помочь больному, а зачастую совсѣмъ спотыкается на своемъ посту борца съ недугами человѣческаго организма.

Чтобы восполнить этотъ существенный пробѣлъ и, такъ сказать, завершить врачебное образованіе, медицинскій факультетъ предоставляетъ учащимся еще три семестра для пріобрѣтенія необходимой врачебной сноровки; эти три семестра, составляющіе собою пятый (выпускной) курсъ медицинского факультета, проводятся студентами исключительно въ клиникахъ, въ больницахъ, въ родильномъ пріютѣ, въ пріемныхъ покояхъ для приходящихъ больныхъ и т. п. врачебно-практическихъ учрежденій.

Я полагаю, что задача преподавателя V-го курса разрѣшается удовлетворительно только тогда, когда онъ смотритъ на свои занятія со студентами выпускного курса, какъ на родъ врачебныхъ маневровъ или упражненій въ пріобрѣтеніи необходимой врачебной сообразительности, находчивости и рѣшимости. Въ виду этого каѳедры V-го курса должны быть предоставлены не столько ученымъ, талантливымъ и усерднымъ преподавателямъ, сколько испытаннымъ клиницистамъ, ибо для учащихся важнѣе въ своемъ руководителѣ находить опытнаго, искуснаго и рѣшительнаго врача-практика, умѣющаго найтись въ затруднительныхъ случаяхъ и выйти побѣдителемъ въ борьбѣ съ неожиданными препятствіями, нежели краснорѣчиваго лектора и увлекательнаго софиста-философа по медицинѣ.

Если принять во вниманіе, что основныя каѳедры терапевтической и хирургической клиникъ повторяются на четвертомъ и пятомъ курсахъ, то невольно рождается вопросъ: какая разница должна быть въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ профессору факультетской (respective) академической и къ профессору госпитальной клиники.

Задача факультетскаго клинициста—представить учащимся болѣзненный процессъ всесторонне и всецѣло; при клиническомъ разборѣ конкретнаго случая всѣ явленія, какъ-бы маловажны таковыя ни были, должны войти въ общую картину болѣзни, должны быть рассмотрѣны и оцѣнены по ихъ значенію. Въ виду этого факультетскій діагнозъ болѣзни не можетъ и не долженъ быть поставленъ поспѣшно, т. е. немедленно по вступленіи больного подъ врачебный надзоръ. Далѣе, леченіе больного въ факультетской клиникѣ съ начала наблюденія ведется чисто припадочное (симптоматическое), исходя изъ принципа, что существенная причина болѣзни еще не выяснена. Практика показываетъ, что факультетскій клиницистъ ставитъ себѣ

задачей изучить *an fond* формы болѣзни, поэтому онъ при демонстраціи больныхъ соблюдаетъ извѣстную постепенность, т. е. онъ показываетъ сначала типическіе случаи, затѣмъ осложненныя формы той же болѣзни и, наконецъ, переходить къ изученію атипическихъ или смѣшанныхъ формъ одной и той же болѣзни. Вотъ почему *Сергій Петровичъ Боткинъ* вправѣ былъ посвятить 18 клиническихъ лекцій разбору одной только болѣзни—тифу.

Задача госпитальнаго клинициста нѣсколько иная: онъ стремится немедленно по полученіи больного опредѣлить наиболѣе важную сторону болѣзненнаго процесса и на нее направить свои средства врачебной помощи; поэтому въ госпитальной клиникѣ діагнозъ болѣзни ставится безотлагательно, предвидя, что такое поспѣшное опредѣленіе болѣзни можетъ быть впоследствии нѣсколько дополнено; но во всякомъ случаѣ соотвѣтственная помощь направляется на существенную сторону болѣзненнаго процесса безотлагательно. Госпитальный клиницистъ прежде всего обращаетъ свое вниманіе на индивидуальность случая, а не на форму болѣзни; онъ раньше всего знакомится съ темпераментомъ больного, а не съ его болѣзнью; онъ лечитъ Ивана, Яна, Иоганна, а не сыпной тифъ, брюшной тифъ, возвратный тифъ и т. п.

Отсюда, мнѣ кажется, вполне естественно заключить, что насколько отъ факультетскаго клинициста требуется точность и увѣренность, настолько отъ госпитальнаго клинициста требуется быстрая сообразительность и рѣшительность; качества перваго клинициста пріобрѣтаются путемъ изученія разностороннихъ вспомогательныхъ наукъ, приложимыхъ къ медицинѣ; качества втораго клинициста вырабатываются лишь путемъ многократныхъ, тщательно прослѣженныхъ и строго продуманныхъ наблюденій. Факультетскій клиницистъ есть таксаторъ, дѣлающій изысканія дороги; госпитальный клиницистъ—инженеръ, строящій самую дорогу. Какъ тотъ, такъ и другой факторъ одинаково важны для общаго веденія дѣла, и функція каждого фактора въ отдѣльности имѣетъ свои опредѣленныя задачи.

Теперь рассмотримъ, какими средствами и подъ какимъ руководствомъ мы, студенты V-го курса, завершали свое врачебное образованіе въ Медико-Хирургической Академіи, стараясь выйти изъ школы приготовленными для практической дѣятельности врача и съ опредѣленнымъ запасомъ врачебной сноровки. Для ознакомленія съ этою

стороною нашей академической жизни я ограничусь описаніемъ возложенныхъ на насъ обязанностей при изученіи одного изъ госпитальныхъ предметовъ по клинической медицинѣ. Для примѣра возьмемъ кафедру госпитальной хирургической клиники.

На этотъ разъ въ моей памяти рисуется почтенный обликъ *Евстафія Ивановича Богдановскаго*, который въ наше время былъ болѣе уважаемымъ преподавателемъ изъ числа профессоровъ, руководившихъ занятіями студентовъ V-го курса.

Какъ бывший питомецъ нашей Академіи, *Е. И. Богдановскій* прошелъ всѣ эволюціонныя ступени, ведущія къ ординарной профессурѣ по кафедрѣ клинической хирургіи: по окончаніи курса медицинскихъ наукъ онъ былъ оставленъ ординаторомъ при Академіи для усовершенствованія въ хирургіи при кафедрѣ проф. *А. А. Кутера*; затѣмъ, по истеченіи трехлѣтняго ординаторства и по полученіи ученаго званія доктора медицины и хирургіи, *Е. И. Богдановскій* былъ въ 1861 г. посланъ за границу для изученія современной хирургіи въ образцовыхъ клиникахъ Германіи, Франціи и Англіи.

По возвращеніи его съ ученой командировки, въ 1863 г., съ весьма солидными работами по вопросамъ хирургической патологіи, *Евстафію Ивановичу* предоставили возможность читать лекціи по хирургіи въ качествѣ адъюнктъ-профессора; своимъ примѣрнымъ трудолюбіемъ и усердными занятіями по предмету оперативной хирургіи молодой ученый пріобрѣтаетъ себѣ вниманіе и уваженіе студентовъ высшихъ курсовъ, что побудило конференцію Академіи избрать его экстраординарнымъ профессоромъ вновь учреждаемой кафедры оперативной хирургіи и поручить ему чтеніе лекцій по теоретической хирургіи (въ 1867 г.). Наконецъ, съ выходомъ въ отставку его ментора — проф. *А. А. Кутера*, *Е. И. Богдановскій* занялъ (въ 1870 г.) кафедру госпитальной хирургической клиники въ званіи ординарнаго профессора и съ солиднымъ запасомъ свѣдѣній по хирургической патологіи, по оперативной и военно-полевой хирургіи и опытности по госпитальной хирургіи.

Когда я впервые увидѣлъ *Е. И. Богдановскаго* въ госпитальной хирургической клиникѣ, онъ представлялся мнѣ человекомъ (подъ 40 лѣтъ отъ роду) полнымъ силъ и энергіи (см. рис. 13), окруженнымъ многочисленнымъ персоналомъ опытныхъ и преданныхъ

помощниковъ и полновластнымъ директоромъ самой обширной хирургической клиники въ Академіи. Въ его завѣдываніи было отдѣленіе 2-го военного сухопутнаго госпиталя съ 125 больничными койками, занятыми почти исключительно нижними чинами или мелкими чиновниками военного вѣдомства. Поэтому клиническаго матеріала было настолько достаточно, что каждый студентъ V-го курса могъ одновременно имѣть больного для кураторствованія. Кромѣ того контингентъ больныхъ (нижніе чины) былъ особенно сподручный матеріалъ для учащихся: солдатъ безропотно подчинялся требованіямъ клиническаго режима, охотно допускалъ къ себѣ куратора для тщательнаго изслѣдованія, не выражалъ особеннаго неудовольствія при ощущеніи боли, причиняемой малоопытными руками студентовъ, не уклонялся отъ оперативной помощи, предложенной ординаторами или ассистентомъ клиники и, наконецъ, слѣпо вѣрилъ въ помощь, исходящую изъ рукъ профессора *Богдановскаго*, видя въ немъ не только генерала отъ медицины, но и высшій авторитетъ хирургическаго искусства.

Приведенныя условія клиники имѣютъ весьма важное значеніе для учащихся и учащихся: они дѣлаютъ клиническій матеріалъ не только поучительнымъ и интереснымъ по разнообразію, но вполне доступнымъ и пригоднымъ для маневрированія на немъ студентовъ V-го курса.

Въ началѣ учебнаго года студенты нашего выпускнаго курса весьма усердно сопровождали проф. *Е. И. Богдановскаго* при обходѣ больныхъ въ палатахъ, тѣсною толпою окружали его при изслѣдованіи больного въ амбулаторной комнатѣ, зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ его рукъ при производствѣ хирургическихъ операций и съ неутомимымъ вниманіемъ слушали его клиническія лекціи, читавшіяся имъ въ операціонной залѣ.

Затѣмъ, по прошествіи мѣсяца, пылъ и увлеченіе хирургіею у студентовъ V-го курса стали постепенно утихать, толпа посѣтителей клиники *Богдановскаго* стала рѣдѣть; благодаря этому, профессорскій стулъ въ амбулаторіи и операціонный столъ въ аудиторіи сдѣлались болѣе доступными для тѣхъ студентовъ, которые обнаруживали особенную склонность изучать хирургію и сумѣли выйти побѣдителями въ борьбѣ съ товарищами за пріобрѣтеніе лучшаго мѣста въ тѣсномъ помѣщеніи клиники.

Рис. 13. *Е. И. Бодановскій*—ордин. проф. и директоръ Госпитальной Хирургич. клиники (Спб. 1863—1880 гг.).

Кураторство, которое было обязательно для всѣхъ студентовъ выпускного курса, велось многими товарищами весьма небрежно; нерѣдко бывало, что студентъ со дня поступленія больного въ клинику до самой выписки его не видалъ своего курируемаго паціента, при этомъ профессоръ или его ассистентъ клиники — добрейшій *Помпей Яковлевичъ Мультиановскій* — никогда строго не контролировали студентовъ въ исполненіи ихъ обязанностей.

Е. И. Богдановскій, по природѣ, былъ добрейшей души человекъ, но, по темпераменту, — чрезвычайно горячій, легко раздражавшійся и вспыльчивый. Какъ истый руссакъ, *Евстафій Ивановичъ* имѣлъ обыкновеніе ругаться, причемъ употреблялъ иногда самыя нецензурныя выраженія. Тѣмъ не менѣе студенты любили и почитали его за простое, теплое и внимательное отношеніе къ болѣющему солдату или простолюдину, цѣнили его строгое отношеніе къ возложеннымъ на себя обязанностямъ профессора и клинициста; но рѣдко кто изъ насъ охотно вступалъ съ почтеннымъ *Евстафіемъ Ивановичемъ* въ клиническую бесѣду. Одинъ - два неудачныхъ отвѣта со стороны студента на поставленные профессоромъ вопросы и пошла... «писать губернія»: разразится нашъ менторъ бурей негодованія и посыплется рядъ упрековъ вродѣ того, что студенты выпускного курса — полныя невѣжды не только въ хирургіи, но и въ анатоміи, въ патологіи и другихъ вспомогательныхъ наукахъ; что безчестно молодымъ людямъ мечтать о званіи врача, когда они не обладаютъ самыми примитивными знаніями по практической хирургіи; что не въ госпитальной клиникѣ студентъ долженъ учиться основамъ хирургическаго искусства, а въ анатомическихъ залахъ, и проч. и проч.

Послѣ такого публичнаго разноса, вполне естественно, что студентъ отступится назадъ, всячески устранившись отъ публичнаго colloquium'a съ профессоромъ и предпочтетъ манкировать посѣщеніями госпитальной хирургической клиники, нежели подвергаться возможности выслушивать непріятныя и неумѣстныя издѣвательства надъ собою или надъ своимъ товарищемъ.

Съ другой же стороны, студенты менѣе амбиціозные сознавали, что въ такихъ именно перекрестныхъ разспросахъ и отвѣтахъ при клиническомъ разборѣ больного *Е. И. Богдановскимъ*, изучающій хирургію пріобрѣтаетъ наибольшую увѣренность и устойчивость въ

своихъ познаніяхъ. Никто другой изъ клиницистовъ Академіи не умѣлъ у постели больного задавать студентамъ такихъ обыденныхъ и въ то же время замысловатыхъ для студента вопросовъ, какъ *Евстафій Ивановичъ*.

Понятъ сохранилась въ моей памяти классификація язвъ, изложенная имъ по поводу разбора случая съ хроническими язвами голени; указанные *Богдановскимъ* признаки были такъ очевидны, практически важны и легко опредѣляемы, что намъ оставалось лишь удивляться тому—какъ мы этого не видѣли, не замѣчали до указанія профессора. Особенно хорошо, просто мастерски, разбиралъ *Богдановскій* больныхъ, страдающихъ камнемъ въ мочевомъ пузырьѣ или суженіемъ мочеиспускательнаго канала; эти отдѣлы практической хирургіи были его «коньки». Я помню одинъ эпизодъ изъ клинической бесѣды *Богдановскаго*, который весьма рельефно характеризуетъ его способъ обученія и его отношенія къ студентамъ, и потому я позволю себѣ его вкратцѣ описать.

Дѣло было на выпускномъ экзаменѣ по клинической хирургіи, произведенномъ проф. *Богдановскимъ* группѣ студентовъ въ 30 человекъ. Экзаменаторъ подвелъ перваго изъ экзаменующихся къ постели больного, у изголовья котораго на госпитальной доскѣ значилась болѣзнь—*calculus vesicae urogenitalis* (камень мочевого пузыря) и предлагаетъ студенту разобрать припадки и опредѣлить форму болѣзни. Этотъ вопросъ былъ хорошо знакомъ каждому изъ студентовъ, такъ какъ подобные случаи наблюдались и разбирались профессоромъ многократно въ теченіе послѣдняго учебнаго года. Экзаменовавшійся сначала указалъ на всѣ существенные припадки и клиническія явленія, говорившія за существованіе камня въ мочевомъ пузырьѣ; затѣмъ взялся за металлическій катетеръ и смѣло ввелъ его въ пузырь больного, но... камня не ошупалъ. Тогда *Е. И. Богдановскій* обратился къ экзаменуемому съ вопросами слѣдующаго содержанія:

— «Скажите, при какихъ условіяхъ Вы можете констатировать всѣ клиническіе признаки, указывающіе на присутствіе камня въ мочевомъ пузырьѣ (какъ-то: кровавая моча, частые позывы къ мочеиспусканію, катарръ мочевого пузыря, осадокъ песку въ свѣжевыпущенной мочѣ, наследственное предрасположеніе къ каменной

болѣзни и мѣсторожденіе въ Приволжскихъ губерніяхъ), между тѣмъ самого камня катетеромъ не ощущать?

Студентъ задумался, смутился и отвѣтилъ: «Если мнѣ неизвѣстно, что камень былъ извлеченъ».

Вспылилъ нашъ экзаменаторъ и вскрикнулъ: «Что же Вы думаете, что я съ Вами въ прятки играю, Васъ обманиваю, утверждая, что у даннаго больного имѣется камень въ пузырь?»... и пошелъ мылить смутившагося студента.

Затѣмъ *Е. И. Богдановскій* сталъ по очереди задавать прочимъ экзаменующимся студентамъ тотъ же самый вопросъ; никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта.

Наковецъ, очередь дошла до меня; я сказалъ: «Подобное явленіе возможно тогда, когда небольшой камень залегаетъ въ нишѣ позади увеличенной предстательной железы, которая препятствуетъ верхушкѣ зовда коснуться инороднаго тѣла»...

Этотъ отвѣтъ привелъ *Евстафія Ивановича* въ восторгъ; двадцати двумъ студентамъ онъ выставилъ провизорно отмѣтку—«неудовлетворительно», ко мнѣ же онъ обратился со словами: «Вашъ осмысленный отвѣтъ побуждаетъ меня прочесть поданныя Вами исторіи болѣзни, а пока я Вамъ не выставлю никакой отмѣтки».

Нѣсколько недѣль спустя, по окончаніи всѣхъ экзаменовъ выпускнаго курса, *Е. И. Богдановскій* вытребовалъ мой экзаменаціонный листъ и вписалъ туда «весьма удовлетворительно» по предмету клинической хирургіи; прочимъ же товарищамъ той же экзаменаціонной группы онъ, безъ вторичнаго испытанія, выставилъ удовлетворительныя отмѣтки.

По этому эпизоду видно, что проф. *Богдановскій* отъ своихъ учениковъ требовалъ не заученныхъ или вычитанныхъ изъ книгъ знаній, а умѣнья у постели больного «мыслить хирургически».

Для насъ, студентовъ У-го курса, особенно поучительны были его приемы входящихъ больныхъ. Бывало сядетъ *Евстафій Ивановичъ* на стулъ, противъ себя на табуретѣ помѣститъ какого-нибудь амбулаторнаго больного, а вокругъ обоихъ лицъ станутъ тѣсною толпою студенты, которымъ *Богдановскій* предоставляетъ изслѣдовать больного, и рядомъ вопросовъ, вытекающихъ одинъ изъ другого, онъ какъ будто вытягиваетъ изъ мозговъ учащихся длинную нить

мыслей, ведущихъ изслѣдователей къ рѣшенію основной задачи врача—*съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло и что намъ слѣдуетъ предпринять?*—Въ этихъ клиническихъ бесѣдахъ, правильнѣе, коллоквиумахъ, *Евстафій Ивановичъ* обучалъ насъ многому изъ области живой, обыденной и прикладной хирургіи, и самъ выказывался опытнымъ, полезнымъ, хотя и своеобразнымъ руководителемъ учащихся медицинѣ. Присутствовавшіе при этихъ бесѣдахъ студенты легко убѣждались въ томъ, что подобныя практическія свѣдѣнія по хирургіи можетъ дать лишь такой клиницистъ, который самостоятельно прошелъ всѣ стадіи развитія практическаго хирурга и приучалъ себя мыслить и созидать врачебную помощь путемъ анатомическихъ и физиологическихъ соображеній. Вотъ почему студенты V-го курса, полюбившіе хирургию, находили посѣщенія амбулаторіи клиники *Е. И. Богдановскаго* незамѣнимыми никакими другими кафедрами хирургіи. Къ сожалѣнію, эти познанія намъ давались не безъ трудной борьбы и въ недостаточной мѣрѣ.

Основываясь на вышеприведенныхъ фактахъ, читатель придетъ къ заключенію: проф. *Е. И. Богдановскій* любилъ свое дѣло, любилъ студентовъ и любилъ читать лекціи. Въ этомъ никто изъ студентовъ нашего выпуска не сомнѣвался. Но въ то же время мы не могли не сожалѣть о томъ, что *Евстафій Ивановичъ* лекціи, въ собственномъ смыслѣ, читалъ рѣдко: изъ 4-хъ недѣльныхъ полтора-часовыхъ лекцій онъ едва-ли болѣе двухъ часовъ въ недѣлю читалъ систематическія клиническія лекціи по какому-либо избранному вопросу частной хирургіи. Насколько мнѣ помнится, въ теченіе нашего учебнаго года *Евстафій Ивановичъ* прочиталъ намъ только о стриктурахъ уретры, о камняхъ въ мочевомъ пузырьѣ, о злокачественныхъ опухоляхъ молочной железы и объ язвахъ голени.

Вслѣдствіе своего хроническаго недуга (онъ, какъ оказалось впоследствии, страдалъ аневризмою аорты), проф. *Богдановскій* часто являлся въ клинику въ такомъ нерасположеніи духа, что не только прочитаетъ лекцію, но даже вести клиническую бесѣду онъ не былъ въ состояніи: все окружающее его раздражало, никто изъ ординаторовъ (а студенты—тѣмъ паче) не могъ удовлетворить его требованіямъ; дѣло у него не спорилось, операціи не удавались, такъ что, бывало, онъ броситъ ножъ изъ рукъ и поручитъ *П. Я. Мультиановскому*

кончить начатую имъ операцію. Кромѣ того въ его движеніяхъ, дѣйствіяхъ и въ самомъ веденіи дѣла замѣчалось непостоянство: иной разъ *Евстафій Ивановичъ* работаетъ энергично, быстро, продолжительно и съ увлеченіемъ, что называется «во-всю»; другой разъ, напротивъ того, въ его работѣ проглядываетъ какая-то вялость, неохота, апатія равнодушіе или неудовольствіе. — Подобная нервозность и неровность темперамента не могли не отзываться на нашихъ клиническихъ занятіяхъ; часто студентамъ приходилось уходить изъ клиники *Е. И. Богдановскаго* съ тяжелымъ чувствомъ сожалѣнія о любимомъ учителѣ и о потраченномъ безъ пользы времени. Вотъ почему выше я сказалъ, что вынесенныя изъ госпитальной хирургической клиники познанія давались намъ не безъ борьбы и въ недостаточной мѣрѣ.

Отдавая должное почтенной памяти любимаго учителя, но не забывая своей роли безпристрастнаго бытописца или повѣствователя «пережитаго и передуманнаго», я долженъ сказать, что, кромѣ приведенныхъ недостатковъ, зависѣвшихъ отъ его болѣзненнаго темперамента, на клинической дѣятельности проф. *Е. И. Богдановскаго* за періодъ времени второй половины семидесятыхъ годовъ замѣчалась какая-то печать рутины: на ней видно было недовѣріе руководителя къ прогрессу современной науки, безусловное отрицаніе заслугъ новѣйшихъ мѣръ и приспособленій противогниlostной хирургіи.

Во время моего студенчества проф. *Богдановскій* ни разу не упомянулъ даже имени *Джозефа Листера*; хотя онъ, судя по лекціямъ его, былъ сторонникомъ англійскихъ хирурговъ (*Эриксона, Ферюссона, Пэджета* и другихъ). Нѣсколько лѣтъ позднѣе, когда я ужъ былъ врачомъ-практикомъ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что *Богдановскій* не только не былъ адептомъ или послѣдователемъ Листеровскаго ученія, но, напротивъ того, онъ былъ яркимъ противникомъ его; онъ не любилъ слушать разсказовъ объ успѣхахъ оперативной техники, благодаря усовершенствованію леченія хирургическихъ ранъ; а смѣлые оперативные приемы (какъ: вырѣзываніе гортани, кишечника или желудка) проф. *Богдановскій* считалъ чуть-ли не преступленіемъ противъ науки, противъ совѣсти хирурга и противъ святости долга общественнаго дѣятеля.

Вотъ почему въ теченіе трехъ семестровъ описываемаго періода

студенты выпускного курса Академіи и самые ревностные посѣтители клиники *Е. П. Богдановскаго* могли видѣть только нѣсколько ампутацій на конечностяхъ, нѣсколько случаевъ камнебѣженія и много случаевъ вырѣзыванія рака на поверхности человѣческаго тѣла. Вообще говоря, новѣйшія операціи вовсе не производились: даже резекціи большихъ сочлененій представляли собою относительно рѣдкую операцію *), несмотря на то, что этотъ вопросъ былъ весьма тщательно разработанъ *Е. И. Богдановскимъ* въ его монографіяхъ о резекціи локтевого сочлененія и коленного сустава.

Вся обстановка операціоннаго поля и оперативная техника почтеннаго *Евстафія Ивановича* были до того своеобразны, самобытны, что оставляли въ зрителяхъ глубокое впечатлѣніе на многіе годы. Въ моей памяти теперь еще живо сохранились всѣ детали нѣкоторыхъ клиническихъ картинъ, видѣнныхъ мною въ операціонной залѣ 35 лѣтъ тому назадъ.

Нужно было видѣть *Евстафія Ивановича* оперирующимъ въ области шеи (вырѣзываніе раковыхъ узловъ) съ выраженіемъ крайняго умственнаго напряженія, раскраснѣвагося и съ обрызганнымъ кровью лицомъ и въ клеенчатомъ передникѣ, надѣтомъ поверхъ суконнаго сюртука, свирѣпо кричавшаго на всѣхъ его окружающихъ ординаторовъ и беспощадно ругавшаго своего классоваго фельдшера — знаменитаго *Пасельцера*, чтобы навѣки запомнить эту сцену, не поддающуюся описанію нашего слабаго пера.

Принимая во вниманіе весьма гуманное отношеніе *Богдановскаго* къ интересамъ больныхъ, я долженъ допустить, что онъ приступалъ къ операціи съ опредѣленнымъ, заранее составленнымъ планомъ оперативныхъ пріемовъ. Между тѣмъ неоднократно мнѣ приходилось наблюдать, что всякая болѣе или менѣе сложная операція рѣдко выполнялась проф. *Богдановскимъ* безъ тревоженій и ненужной суеты, передававшейся отъ оператора всѣмъ его ближайшимъ помощникамъ,

*) *Историческая справка.* Въ теченіе 14 лѣтъ директорства госпитальной хирургической клиники (съ 1870—1884 г.) *Евстафій Ивановичъ Богдановскій* произвелъ: 2 резекціи плечевого, 7 резекціи коленного и 4 резекціи локтевого суставовъ. (См. диссертацию д-ра *Блюмгорскаго* «Госпитальная хир. клиника за 1841—1898 г.», стр. 197). Такое число подобныхъ же операцій производить современный ординаторъ-хирургъ въ теченіе одного года, располагая значительно меньшимъ количествомъ кожныхъ больныхъ въ любой городской больницѣ Петербурга или Москвы.

за исключеніемъ старшаго ассистента клиники *П. Я. Мультановскаго*, который удивлялъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Нужно сказать, что *Богдановскій* оперировалъ слишкомъ поспѣшно: въ операціонномъ полѣ онъ всегда отыскивалъ анатомо-топографическія соотношенія частей и органовъ, причемъ въ каждомъ излишнемъ сѣченіи сосуда онъ видѣлъ вредъ больному; свободные удары ножа съ цѣлью открывать себѣ доступъ къ глубокимъ важнымъ органамъ, онъ считалъ недозволительными для знающаго анатомію хирурга приемами. Отсюда чрезвычайная осмотрительность, излишняя осторожность, возбужденность и затрудненія въ производствѣ операціи. Такъ какъ *Богдановскій* оперировалъ крайне медленно, то самыя операціи становились чрезвычайно продолжительными, утомительными для оператора, для его ассистентовъ и присутствующихъ студентовъ. Аудиторія, будучи вначалѣ операціи переполненною слушателями, мало-по-малу дѣлалась свободнѣе и къ концу операціи оказывалась почти пустою. Вслѣдствіе этого рѣдко кто изъ студентовъ имѣлъ возможность прослѣдить ходъ оперативной помощи больному; еще труднѣе было дать себѣ отчетъ во всѣхъ приемахъ оператора при той суетѣ, которая часто окружала операціонный столъ проф. *Богдановскаго*.

Короче, мы любили видѣть нашего *Евстафія Ивановича* въ палатѣ, у кровати больного, весьма охотно слушали его клиническія бесѣды въ аудиторіи, но не хватало у насъ терпѣнія досмотрѣть всѣ сцены кроваваго, суетливаго дѣйствія, называемаго «операціею на живомъ».

Впрочемъ, слѣдуетъ отиѣтить, что чрезвычайная выдержанность, хладнокровіе и завидная ловкость въ рукахъ *Помпея Яковлевича Мультановскаго* неоднократно выручали какъ оператора, такъ и его оперируемаго изъ затруднительнаго положенія. Состоя много лѣтъ первымъ ассистентомъ клиники проф. *Богдановскаго*, д-ръ *Мультановскій*, я думаю, производилъ операціи въ значительно большемъ числѣ, нежели его принципаль; обладая болѣе уравновѣшеннымъ темпераментомъ и не неся на себѣ столь большой отвѣтственности, каковая возложена на директора клиники, *П. Я. Мультановскій* оперировалъ хладнокровно, смѣло, быстро и весьма демонстративно. Если прибавить ко всему этому, что ассистентъ клиники охотно

объяснял студентамъ ходъ операціи и показанія къ тому или другому оперативному приему и часто допускалъ къ операціонному столу студентовъ въ роли активныхъ участниковъ производимой операціи, то станетъ вполне понятнымъ, почему студенты выпускного курса предпочитали присутствовать на операціяхъ, производимыхъ д-ромъ *Мультановскимъ*, нежели томиться въ верхней галлерей операціонной залы, откуда только слышны были грозныя приказанія возбужденнаго профессора-командира.

Весьма вѣроятно, почтенный *Евстафій Ивановичъ* самъ сознавалъ въ себѣ этотъ немаловажный недостатокъ суетливаго оператора и потому охотно уступалъ свое первое мѣсто у операціоннаго стола *П. Я. Мультановскому*; въ послѣдніе годы своей клинической дѣятельности проф. *Богдановскій* операціонную часть всецѣло предоставилъ ординаторамъ и ассистентамъ своей клиники, такъ какъ товарищи его, терапевты, запретили ему браться за операціонный ножъ въ виду его страданія аневризмою аорты.

И кончилъ *Евстафій Ивановичъ* свою карьеру врача, клинициста и учителя по хирургіи внезапно у операціоннаго стола своей клиники: 11-го октября 1888 г., присутствуя при ампутаціи, производимой однимъ изъ малоопытныхъ врачей, проф. *Богдановскій* замѣтилъ, что операторъ не такъ ведетъ ножъ какъ слѣдовало-бы; подбѣжалъ онъ къ операціонному столу, выхватилъ изъ рукъ оператора ножъ и нагнулся къ больному, чтобы продолжать операцію самому; но... вскрикнулъ, свалился на полъ и, нѣсколько минутъ спустя, скончался на солдатской койкѣ въ комнатѣ, смежной съ операціонною залой.

Такъ умираетъ истый воинъ на полѣ брани при исполненіи священнаго долга защитника отечества; такъ умеръ и русскій докторъ хирургіи *Евстафій Ивановичъ Богдановскій* при исполненіи своихъ обязанностей учителя и врача!

Преждевременная смерть проф. *Е. И. Богдановскаго* повлекла за собою невосполнимую потерю Военно-Медицинской Академіи, которая въ его лицѣ имѣла образцоваго учителя клинической хирургіи, весьма гуманнаго врача для больныхъ и, главное, самаго ретиваго поборника патріотическихъ идей въ конференціи. Учащаяся молодежь Академіи искренно и сердечно оплакивала смерть своего любимаго

учителя и добрейшаго человека. Но русская школа хирургии или хирургическая литература вообще весьма мало унаследовала отъ столь богато одареннаго природою клинициста и представителя первостепенной кафедры русской хирургии.

Е. И. Богдановскій вообще писалъ очень мало: всѣ его ученые работы (иныя весьма солидныя) составлены имъ до полученія званія ординарнаго профессора и директора клиники *). Вышедшія въ свѣтъ незадолго до смерти его „*Записки по клинической хирургіи*“ проф. *Богдановскаго* составлены студентами V-го курса, которые записывали за лекторомъ содержаніе его клиническихъ бесѣдъ при разборѣ болевыхъ; къ сожалѣнію, почтенный лекторъ не взялъ на себя труда проредактировать эти лекціи, читанныя имъ еще въ 1875—76 г., но издавныя только въ 1887 г.

Несмотря на то, что *Е. И. Богдановскій* прослужилъ въ Академіи болѣе четверти вѣка, онъ не оставилъ по себѣ, подобно *Боткину*, «школы» хирургіи. Правда, изъ лабораторіи его клиники вышли нѣкоторыя диссертациі, представляющія извѣстный научный интересъ; но эти работы не созидали ученыхъ хирурговъ. Лучшій

*) Доказательствомъ чего служить слѣдующій перечень главныхъ литературныхъ трудовъ *Е. И. Богдановскаго*. Первый періодъ (до полученія званія ординарнаго профессора): 1) *Опытъ переноса костей отъ одного животнаго къ другому* (см. «Медиц. Вѣстн.» 1861 г., № 10); 2) *О резекціяхъ локтевого сочлененія*. Диссертация на степень доктора медицины и хирургіи. СПб. 1861 г.; 3) *Леченіе варикозныхъ опухолей на нижнихъ конечностяхъ вприскиваніемъ раствора полуторохлористаго желѣза* (см. «Медиц. Вѣстн.» 1862 г., № 35—38); 4) *О стрѣльчатомъ прижиганіи и хирургическомъ его употребленіи* (см. «Медиц. Вѣстн.» 1863 г., № 45—47); 5) *О резекціяхъ колыннаго сустава* (см. «Медиц. Вѣстн.» 1863 г., № 46—52); 6) *Патолого-анатомическія измѣненія колыннаго сустава* (см. Протоколы Общ. русскихъ врачей за 1863—64 г.); 7) *Объ отношеніяхъ фиброидовъ къ саркомамъ* (см. Протоколы Общ. русскихъ врачей въ СПб. за 1864—5 г.); 8) *О резекціяхъ сочлененій* (см. Протоколы Общ. русскихъ врачей въ СПб. за 1866—67 г.); 9) *Объ успѣхахъ теоретической хирургіи за 1863—4 г.* (см. «Военно-Медиц. Журн. за 1866 г.); 10) *Обзоръ успѣховъ хирургической патологии и оперативной хирургіи за 1865 и 66 годы* (см. «Военно-Медиц. Журн.» за 1869 г.); 11) *Фурунзное воспаленіе тазобедреннаго сустава* (см. *Руднева* «Журналъ нормальной патологии и гистологии» СПб. 1870 г.)

Второй періодъ (до полученія званія ординарнаго профессора 1870—1888 гг.): 1) *Излеченіе изъ дыхательнаго горла трахеотомической трубки* (см. *Боткина* «Еженедѣльн. клин. газета» 1871 г., № 1—2); 2) *Каменная болѣзнь*—1887 г.—обширный трактатъ въ 437 стр., изъ которыхъ половина составляетъ списокъ больныхъ съ камнями мочевыхъ путей.

его ученикъ, *Помпей Яковлевичъ Мультиановскій* до того гнушался литературнаго пера, что въ теченіе 30-ти лѣтъ не могъ собраться написать какой ни-на-есть ученый трудъ, который могъ-бы быть представленъ имъ какъ диссертація. Вотъ почему этому искусному хирургу, опытному клиницисту и весьма даровитому врачу былъ закрытъ доступъ къ профессурѣ. Только на 45-мъ году отъ роду и по истеченіи двадцатилѣтней (1864—1884 г.) службы въ должности ассистента клиники конференція Военно-Медицинской Академіи признала возможнымъ дать врачу *П. Я. Мультиановскому* званіе доктора медицины *ex causa honoris*.

Многіе ученики *Богдановскаго* съ благоговѣніемъ вспоминаютъ своего добраго учителя, внушившаго имъ любовь къ хирургіи; но въ то же время сознаютъ, что рутинныя традиціи *Богдановскаго* препятствовали прогрессу хирургіи въ той сферѣ, гдѣ они учились работали и трудились ко благу человѣчества. Весьма немногіе изъ учениковъ проф. *Богдановскаго* достигли кафедръ хирургіи; громадное же большинство его приверженцевъ разсѣялись по городскимъ больницамъ, гдѣ имъ приходится работать на врачебномъ поприщѣ вообще и, стало быть, попутно и хирургіи; такіе-то общественные дѣятели не забываютъ золотого правила *Евстафія Ивановича—non nocere* (не вредить)!

ГЛАВА XV.

Страдная пора предэкзаменаціоннаго времени въ Медико-Хирургической Академіи.—Многочисленность предметовъ, входящихъ въ экзаменаціонный листъ, влечетъ за собою сумятицу въ головѣ экзаменующагося.—Неблаговидные поступки нѣкоторыхъ студентовъ, вылавливающихъ «весьма удовлетворительныя» отмѣтки у благодушныхъ экзаменаторовъ.—О значеніи экзаменовъ для серьезно изучающихъ медицину студентовъ.—Кое-что о литографированныхъ запискахъ и конспективныхъ учебникахъ.—Механизмъ приготовления къ экзаменамъ.—Характеристика нѣкоторыхъ типовъ изъ экзаменовавшихся на званіе лекаря въ 187* году.

Первые два семестра выпускнаго курса Академіи мы проводили въ заботахъ о томъ, чтобы приобрѣсти побольше свѣдѣній по различнымъ отраслямъ медицины; третій же семестръ того же курса всецѣло протекалъ въ суетѣ и въ тревоженіяхъ о сдачѣ повѣрочныхъ испытаній по всему курсу медицинскихъ наукъ.

Этотъ-то послѣдній семестръ нашего студенчества имѣетъ въ жизни студента значеніе рубежа, позади котораго большинство изъ учащихся расстаются со своими отрадными мечтами о наукѣ, о любви къ страждущимъ и родинѣ и объ альтуризмѣ; а впереди этого рубежа выступаютъ заботы о себѣ: рисуетъ ли дѣятельная будничная жизнь земскаго врача, злосчастная судьба товарищей, которые вѣчно стремятся служить дѣлу, но не научились прислуживать дѣльцамъ и воротиламъ и потому тянутъ тяжелую лямку.—Вотъ почему этотъ послѣдній семестръ—рубежь между школой и жизнью—оставляетъ въ насъ неизгладимыя впечатлѣнія. Воспоминанія о немъ, я полагаю, прочтутся со вниманіемъ тѣми товарищами, которые на академической скамьѣ, въ больничной палатѣ и на посту обществен-

наго дѣятеля были, есть и оставались studiosus'ами въ обширномъ значеніи этого слова.

Май мѣсяць выпускного года есть страдная пора студентовъ: близко знакомые между собою товарищи составляютъ группы въ 30—35 человѣкъ, которые экзаменуются совмѣстно въ определенное время и по однимъ и тѣмъ же предметамъ. Большинство учащихся прекращаютъ посѣщеніе клиникъ и лабораторій и сходятся въ какомъ-нибудь помѣщеніи Академіи для того, чтобы условиться относительно болѣе удобнаго распредѣленія экзаменаціоннаго времени, составленія экзаменаціонныхъ группъ и программъ; далѣе, чтобы подыскать себѣ двухъ или трехъ товарищей для совмѣстнаго приготовленія къ предстоящимъ экзаменамъ, и тутъ же сговориться о выборѣ и приобрѣтеніи нужныхъ книгъ и учебныхъ пособій.

Обыкновеннымъ мѣстомъ сборища студентовъ для указанной цѣли служила студенческая читальня, она въ страдную пору представляла собою родъ пчелинаго улья: какое-то жужжанье или гулъ и шумъ говора поражали входяшаго сюда студента; табачный дымъ и паръ отъ испареній толпы молодежи въ 150 слишкомъ человѣкъ туманомъ окружали озабоченныя лица студентовъ, переходящихъ отъ одной къ другой группѣ, съ книгами въ рукахъ или съ пакетами свѣже-отлитографированныхъ программъ: то тамъ за печкою, за шкапами, то здѣсь у полоконниковъ, у дверей, вокругъ столовъ стоятъ отдѣльныя партіи въ два, три студента и переговариваются о совмѣстномъ повтореніи пройденныхъ предметовъ и о взаимномъ снабженіи другъ друга дорого стоящими книгами. Видно, что вся собравшаяся молодежь интересуется одними и тѣми же вопросами, всѣ присутствующіе здѣсь студенты составляютъ собою конгломератъ однородныхъ элементовъ, связанныхъ между собою общими заботами о приобрѣтеніи знаній, и приведенныхъ въ необычное движеніе однимъ импульсомъ—приготовленіемъ къ предстоящимъ экзаменамъ.

Теперь-то всякій студентъ говорить, хлопочетъ и нѣсколько суетятся; при всемъ этомъ не слышно возгласовъ, не раздаются воспламеняющія рѣчи и не санкціонируются лаконическія постановленія, какъ это бывало на студенческихъ сходкахъ при обсужденіи соціально-бытовыхъ вопросовъ всего студенчества.

Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія студентомъ въ Академіи я

не припомню факта, который указывалъ-бы на неприязнь со стороны студентовъ къ національности, къ происхожденію или социальному положенію товарищей, несмотря на то, что въ описываемое время на нашемъ курсѣ было много студентовъ евреевъ, поляковъ, татаръ, армянъ, грузинъ и другихъ инородцевъ. Правда, случалось слышать какую-либо остроумную шутку, сказанную насчетъ „восточныхъ человѣковъ“, „іерусалимскихъ дворянъ“, „татарскихъ князей“ и т. п.; иногда какой-либо острякъ подтрунивалъ надъ малорослымъ типичнымъ еврейчикомъ, у котораго носъ выдавался верблюжьимъ горбомъ; но никакого отчужденія русскихъ студентовъ отъ товарищей другой народности не замѣчалось. Скорѣе со стороны нѣкоторыхъ поляковъ проявлялось стремленіе держаться вкупѣ и въ сторонѣ отъ товарищей прочихъ національностей; въ аудиторіяхъ обыкновенно поляки занимали переднія парты, сажались другъ возлѣ друга и переговаривались всегда на своемъ родномъ (польскомъ) языкѣ; тѣмъ не менѣе такое отношеніе поляковъ не вызывало никакихъ попрековъ, недоразумѣній или ополченій со стороны русскихъ студентовъ.

Среди студентовъ нашего курса встрѣчались и такія личности, которыя въ теченіе пяти лѣтъ умышленно не сближались вовсе со многими товарищами-однокурсниками; они ежедневно встрѣчались въ аудиторіяхъ, въ клиникахъ, но не удостоивали другъ друга привѣтомъ или словомъ. Трудно объяснить причину такого нетоварищескаго отношенія студента къ своему однокурснику; вѣроятно, индивидуальныя особенности характера или темперамента нѣкоторыхъ болѣе пожилыхъ студентовъ не допускали огульнаго сближенія; во всякомъ случаѣ такихъ товарищей у насъ было немного.

Страдная пора экзаменовъ вліяла благотворно и на эту сторону студенчества, т. е. на сближеніе товарищей между собою. Я помню, какъ одинъ изъ товарищей—помѣщикъ Минской губерніи будучи въ весьма солидныхъ годахъ, держалъ себя очень заносчиво съ товарищами по курсу; *П...ский* рѣдко удостоивалъ кого изъ насъ разговоромъ или совѣтомъ; будучи весьма усерднымъ посетителемъ аудиторій, секціонныхъ залъ и лабораторій Академіи, онъ, *volens nolens*, приходилъ въ тѣсное соприкосновеніе со многими однокурсниками; тѣмъ не менѣе сей солидный мужъ при встрѣчахъ на

улицѣ никогда ни съ кѣмъ не раскланивался. Подобная заносчивость была не по душѣ студентамъ нашего времени и потому создала ему сомнительную репутацію на курсѣ. Съ наступленія времени приготовленія къ экзаменамъ нашъ помѣщикъ *П...скій* записался въ одну изъ экзаменаціонныхъ группъ и тогда только онъ, выказался близко стоящимъ къ нему товарищамъ весьма порядочнымъ человѣкомъ, большимъ труженикомъ науки и личностью съ твердою волею и непоколебимыми традиціями.

Въ наше время на выпускномъ курсѣ Медико-Хирургической Академіи экзамены сдавались по тѣмъ предметамъ, которые изучались на трехъ послѣднихъ курсахъ, и повторительныя испытанія производились по практической анатоміи и по физиологіи, которыя читались на второмъ курсѣ. Точнаго числа отдѣльных отмѣтокъ, внесенныхъ въ экзаменаціонный листъ будущаго лекаря, я теперь не припомню; но полагаю, что таковыхъ было свыше двадцати. Считаю излишнимъ переименовывать предметы и экзаменаторовъ, которыхъ я понынѣ хорошо помню не только по фамиліи, но и по имени, и отчеству; скажу лишь, что по нѣкоторымъ отдѣламъ медицины намъ приходилось сдавать экзаменъ у двухъ, трехъ и четырехъ экзаменаторовъ, причемъ каждый вносилъ отдѣльную отмѣтку въ экзаменаціонный листъ. Такъ, напримѣръ, по хирургіи насъ экзаменовали: проф. *Н. В. Склифосовскій*, *Е. Н. Богдановскій*, *И. О. Корженевскій* и *И. Г. Карпинскій*; по внутренней медицинѣ: проф. *В. Б. Бессергъ*, *Э. Э. Эйхвальдъ* и *Шестовъ* и т. д., кромѣ того нѣкоторые экзаменаторы пользовались правомъ выставять по двѣ отмѣтки; напр. проф. *А. П. Доброславинъ* выставлялъ одну отмѣтку по гігіенѣ и другую—по эпизоотіи; проф. *И. М. Сорокинъ*—одну отмѣтку по судебной медицинѣ, другую—по медицинской полиціи; проф. *В. М. Тарновскій* одну—по сифилитическимъ болѣзнямъ, другую по накожнымъ; проф. *И. М. Балинскій*—по психіатріи, другую по нервнымъ болѣзнямъ. Такимъ образомъ число обязательныхъ отмѣтокъ составлялось очень большое, что имѣло не маловажное значеніе при рѣшеніи вопроса о томъ, кого изъ окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ слѣдуетъ оставить при Академіи для дальнѣйшаго усовершенствованія. Къ этому позволю себѣ прибавить, что среди нашихъ товарищей, экзаменовав-

шихся на званіе лекаря, были такіе школьники, которые не совѣстились выпрашивать у благодушныхъ экзаменаторовъ подъ различными предлогами «*весьма удовлетворительныя*» отмѣтки при относительно слабыхъ знаніяхъ. Между тѣмъ оцѣнка достоинствъ кандидатовъ, конкурирующихъ на оставленіе при Академіи для приготовленія къ профессорскому званію, главнымъ образомъ, основывалась на сравнительномъ числѣ «*весьма удовлетворительныхъ*» отмѣтокъ.

Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ однокурсникѣ, который умудрился изъ 22 отмѣтокъ, внесенныхъ въ экзаменаціонный листъ, получить 20 «*весьма удовлетворительныхъ*», изъ нихъ наибольшее число приходилось на второ- и третьестепенные предметы, которымъ серьезный студентъ никогда не придавалъ значенія тому, какую изъ двухъ «*удовлетворительныхъ*» отмѣтокъ ему выставили; какъ-то: по десмургіи, механургіи, фармаціи, рецептурѣ, по эпизоотіи, медицинской полиціи и т. п. Между тѣмъ какъ благодаря такому числу «*весьма удовлетворительныхъ*» отмѣтокъ, упомянутый студентъ окончилъ первымъ кандидатомъ и имя его увѣковѣчено на мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣнѣ конференцъ-залы Медико-Хирургической Академіи. Однакожъ, на дальнѣйшемъ конкурсномъ испытаніи, сопряженномъ съ представлевіемъ письменной работы по научному вопросу на экспромтно-заданную тему, этотъ самый удачникъ оказался наименѣе достойнымъ кандидатомъ. Равнымъ образомъ представленная имъ къ защитѣ диссертация на званіе доктора медицины имѣла такіе крупные недостатки, а сама публичная защита докторанта была до того слаба, что конференція Академіи не призвала возможнымъ дать ему искомой ученой степени. Онъ вынужденъ былъ вторично защищать свою диссертацию въ исправленномъ видѣ, и потому его дальнѣйшая ученая карьера совершенно рухнула.

Изъ этого примѣра явствуетъ, что количество «*весьма удовлетворительныхъ*» отмѣтокъ экзаменаціоннаго листа не можетъ служить надежнымъ мѣриломъ сравнительныхъ знаній и особенно умственного развитія врачей, достойныхъ быть допущенными къ приготовленію на профессорское поприще. Тѣмъ не менѣе этотъ нецѣлесообразный способъ оцѣнки примѣняется и понынѣ какъ въ университетахъ, такъ и въ Академіи.

Странное, трудно объяснимое явление! Почему прежде, когда я былъ студентомъ выпускного курса и готовился къ окончательному экзамену, я никакого особеннаго значенія не придавалъ опредѣлительному слову «весьма» къ отмѣткѣ «удовлетворительно»; тогда какъ теперь, будучи на склонѣ профессорской дѣятельности и вспоминая пережитое на рубежѣ врачебнаго поприща, я прежде всего и какъ-то невольно останавливаюсь на значеніи экзаменаціонныхъ отмѣтокъ въ судьбѣ молодыхъ врачей...

Не происходитъ-ли это оттого, что въ теченіе 25-ти лѣтней профессорской дѣятельности я много разъ убѣждался въ томъ, что вы зубрить на «весьма удовлетворительную» отмѣтку легче тому студенту; который мало заботится о своемъ умственномъ созрѣваніи и не думаетъ о приобрѣтеніи прочныхъ основныхъ знаній по изучаемымъ наукамъ, но ставитъ себя задачей приобрѣсти дипломъ съ отличіемъ (*cum eximia laude*)?

Впрочемъ, было бы несправедливо утверждать, что въ наше время студенты Академіи больше чѣмъ когда-нибудь удили отмѣтки и гонялись за «весьма». Напротивъ того, значительное большинство студентовъ нашего выпуска смотрѣли на приготовленіе къ экзамену весьма серьезно: мы сознавали необходимость собрать свои разнообразныя свѣдѣнія въ опредѣленныя группы знаній и при этомъ отдавать себя отчетъ въ тѣхъ сложныхъ вопросахъ, которые въ наукѣ еще не вполне выяснены. Въ виду этого студенты на приготовленіе къ выпускному экзамену обыкновенно удѣляли цѣлое полугодіе и даже 8 мѣсяцевъ — съ мая по декабрь.

Слѣдуетъ замѣтить, что лекторы или руководители клиническихъ бесѣдъ считали нужнымъ при случаѣ указать намъ новѣйшія руководства или монографіи по различнымъ отраслямъ медицинскихъ наукъ. Во время приготовленія къ экзаменамъ нѣкоторые студенты считали цѣлесообразнымъ пользоваться исключительно рекомендованными учебниками; другіе — выбирали себѣ учебныя пособия по своему благоусмотрѣнію. Но во всякомъ случаѣ студенты Медико-Хирургической Академіи 70-хъ годовъ не придерживались нынѣ господствующаго обычая: литографированныя записки или конспективные учебники признавать лучшими пособиями для приобрѣтенія знаній, вполне удовлетворяющими требованіямъ экзаменаторовъ. Приобрѣтенныя

такимъ путемъ *отрывочныя* свѣдѣнія по разнообразнымъ отдѣламъ врачебнаго искусства студенты нашего времени не рѣшались-бы называть *научными* знаніями, ибо содержимое этихъ тощихъ книжекъ или объемистыхъ тетрадей составляетъ какую-то смѣсь неясно изложенныхъ фактовъ въ перемежку съ клочками мыслей различныхъ ученыхъ и съ весьма туманными выводами составителя записокъ или конспективнаго учебника. Подобныя отрывочныя свѣдѣнія скоро улетучиваются изъ нашей познавательной сферы безслѣдно.

Въ виду этого мы предпочитали готовиться къ экзаменамъ по обстоятельно составленнымъ руководствамъ; такъ, напр., учебники *Германа*, *Дондерса*, *Съченова*, *Фика* и *Ціона* мы штудировали весьма усердно, готовясь къ экзамену по физиологіи; руководства *Нимейера*, *Труссо* и нѣсколько томовъ изъ сборника *Цимсена* служили намъ источниками познаній для экзаменовъ по внутренней медицинѣ; сборникъ *Питы-Биллота* въ количествѣ 10 томовъ мы читали и перечитывали предъ экзаменами по хирургіи и т. п. Короче, я не припомню книжки, побывавшей въ нашихъ рукахъ во время приготовленія къ экзаменамъ, объемомъ меньше 400 печатныхъ страницъ; руководства по фармакологіи *Дыбковского* или *Шауэнштейна*—по судебной медицинѣ, считавшіяся чуть-ли не самыми краткими пособіями, имѣли каждое не менѣе 400 страницъ весьма убогистаго шрифта.

Если принять во вниманіе, съ одной стороны, пространность учебныхъ пособій при относительно короткомъ срокѣ приготовленія къ экзаменамъ, а съ другой—многочисленность предметовъ, внесенныхъ въ нашъ экзаменаціонный листъ, то читатель ужаснется тому количеству печатанныхъ страницъ, которое намъ приходилось прочитывать и усваивать въ теченіе послѣдняго семестра студенчества. Достаточно будетъ указать, что по одной хирургіи мы прочитывали около 2500 страницъ *).

*) Какъ-то: *Отто Вебера*—Общая хирургія—500 страницъ; *Фолькмана*—Болезни костей и суставовъ—600 стр.; *Биллота*—Лекціи по хирургической патологіи и терапіи—400 стр.; *Нуссбаума*—Хлороформированіе—150 стр.; *Люке*—Опухоли—200 стр.; *Фишера*—Полевая хирургія—200 стр.; *Гентнера*—Руководство по оперативной хирургіи—200 стр.; *Карпинскаго*—Учебникъ по десмуріи и механикѣ—150 стр.; и много другихъ статей, которыхъ я теперь не припомню. Повторяю, что перечисленные руководства мы читали, перечитывали и устно передавали вычитанное.

Спрашивается: сколько же необходимо посвятить часовъ усидчиваго труда, чтобы прочитатъ такое множество страницъ и усвоить такое море собственныхъ именъ, терминовъ, названій, воззрѣній, теорій, опроверженій фактовъ и выводовъ науки?!

Къ счастью, всякое умственное занятіе представляется теоретически болѣе труднымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Нужно познакомиться съ механизмомъ приготовленія къ экзаменамъ и со средствами усвоенія вычитанныхъ фактовъ, чтобы признать невозможное для врача солидныхъ лѣтъ возможнымъ для студента. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что мы готовились партіями въ три—четыре студента вмѣстѣ; каждый изъ насъ, согласно условію, обязанъ былъ днемъ у себя на квартирѣ прочитатъ извѣстный отдѣлъ изучаемаго предмета, приблизительно въ 100—120 страницъ, причемъ подчеркиваніемъ синимъ и краснымъ карандашами отмѣчалъ тутъ же въ текстѣ книги болѣе важные факты или условными знаками указывалъ на неясно выраженные авторомъ мысли, требующія совмѣстнаго разъясненія. Затѣмъ вечеромъ, часу въ восьмомъ, мы собирались вмѣстѣ на квартиру одного изъ соучастниковъ нашей экзаменаціонной партіи и тутъ же каждый, по очереди, обязанъ былъ устно изложить имъ прочитанное, причемъ одинъ изъ слушателей слѣдилъ по книгѣ за тѣмъ, чтобы докладчикъ ничего важнаго не пропустилъ, не переименовывалъ-бы именъ авторовъ, не перепуталъ-бы порядокъ фактовъ и т. п.

Обыкновенно бывало, что докладчики такъ хорошо усваивали себѣ и такъ плавно рассказывали вычитанное, что вслѣдъ за нимъ могъ повторить этотъ отдѣлъ и другой товарищъ, слушавшій внимательно и слѣдившій по книгѣ за докладчикомъ. Такимъ образомъ вся совмѣстно готовящаяся группа студентовъ въ теченіе одного или двухъ вечернихъ часовъ усваивала себѣ хорошо научнаго матеріала въ 100—150 страницъ. Вначалѣ экзаменаціоннаго семестра мы собирались три—пять разъ въ недѣлю и просиживали отъ 8 час. вечера до 1 час. или 2-хъ по-полуночи. Впослѣдствіи въ экзаменаціонную пору мы собирались ежедневно и нерѣдко проводили всю ночь на-пролетъ въ чтеніи и въ реферированіи прочитаннаго.

Если допустить, что треть времени нашихъ совмѣстныхъ собѣдovanій мы удѣляли на чаепитіе, на различные разговоры и на

взаимный обменъ мыслей по поводу изложеннаго референтомъ, то все еще останутся добрыхъ четыре часа умственной работы, въ теченіе которыхъ каждый изъ присутствовавшихъ могъ себѣ хорошо усвоить до 300 страницъ книжнаго матеріала или научныхъ свѣдѣній. Изъ этого примѣрнаго сопоставленія времени и числа прочитанныхъ страницъ видно, что въ теченіе двухъ недѣль прилежнаго труда мы — четверо товарищей, съ одинаковыми способностями и рвеніемъ къ дѣлу — могли усвоить себѣ весь матеріалъ по хирургической группѣ, изложенный на 2500 печатныхъ страницахъ.

Принимая во вниманіе, что при чрезмѣрномъ обиліи фактовъ и именъ легко забыть кое-что изъ усвоенныхъ отдѣловъ, мы свое подготовительное для экзаменовъ время распредѣлили такъ, что на болѣе обширные предметы, какъ, напр., на физиологію, хирургию и внутреннюю медицину, мы удѣляли столько дней, чтобы мы могли ихъ проштудировать два раза непосредственно до дня назначеннаго экзамена.

Наша приготовляющаяся къ экзамену партія состояла изъ четырехъ товарищей почти одинаково способныхъ, но различныхъ темпераментовъ. Одинъ изъ насъ, *Г.гг*, обладалъ феноменальною памятью, чрезвычайно легко усваивалъ себѣ длинный рядъ именъ и фактовъ; но былъ, что называется, «соней», т. е. монотонное чтеніе другого лица до того его усыпляло, что никакими возбуждающими средствами (куреніе табаку, крѣпкій кофе или чай, холодное орошеніе головы) его нельзя было удержать отъ непреодолимаго сна. Въ виду этого ему поручали либо чтеніе вслухъ, либо контролированіе по тексту книги реферирующаго.

Другой изъ нашей партіи, *К...скій*, былъ весьма усердный и добросовѣстный работникъ, но имѣлъ за собою тотъ грѣхъ, что любилъ резонерствовать: критиковалъ всѣхъ ученыхъ, не признавалъ никакихъ авторитетовъ и весьма трудно соглашался съ заключеніями авторовъ. Вотъ почему мы очень не рады были, когда приходила очередь *К...скаго* докладывать имъ прочитанное; на его реферированіе уходило вдвое и втрое больше времени, нежели при устномъ изложеніи такого же числа страницъ другимъ изъ участниковъ. Во избѣжаніе излишней траты времени мы старались, по возможности, рѣже предоставлять *К...скому* устное изложеніе. Его роль была болѣе

почетная: онъ разъяснялъ намъ всякія недоразумѣнія, встрѣчавшіяся въ переводныхъ руководствахъ или происходившія вслѣдствіе неправильнаго пониманія прочитаннаго референтомъ.

Третій участникъ нашей партіи былъ молодой человѣкъ весьма веселаго нрава: онъ обладалъ недюжими способностями, но любилъ выпить и, къ несчастью, прибѣгалъ къ рюмочкѣ очень часто во время нашихъ занятій. Его звали Михайлъ *К...овъ*. Неоднократно намъ приходилось нарочно укладывать «Мишку» спать, чтобы онъ не мѣшалъ занятіямъ другихъ участниковъ. Но нужно признаться, что никто изъ насъ не умѣлъ такъ толково, кратко и ясно изложить свой рефератъ, какъ этотъ весельчакъ. Если, бывало, около полуночи, хвативъ чрезъ мѣру, *К...овъ* начнетъ плести языкомъ всякую ерунду, то уложимъ его спать; на другое утро запремъ въ комнату на сутки и заставимъ, за выпрошенную имъ одну-другую рюмку водки, прочесть удвоенное число страницъ, чтобы пополнить то, что онъ пропустилъ наканунѣ.

Наконецъ, четвертый соучастникъ нашей экзаменаціонной партіи — былъ авторъ этихъ воспоминаній. За мною главная заслуга была гостепріимство: ко мнѣ на квартиру по Саперному переулку собирались охотно всѣ товарищи; моя просторная, свѣтлая и покойная комната предоставлялась вполнѣ къ услугамъ моихъ товарищей: здѣсь складывались нужныя книги и учебныя пособія; тутъ же въ мое отсутствіе удобно было арестовывать «Мишку» *К...ва*, т. к. днемъ я долженъ былъ уходить изъ дома на уроки, служившіе мнѣ единственнымъ средствомъ къ матеріальному обезпеченію. Благодаря этому обстоятельству, я не имѣлъ достаточнаго досуга для прочтенія такого же количества страницъ, какое прочитывали другіе товарищи. Взаимнѣ этого недостатка я обладалъ нѣкоторымъ преимуществомъ предъ другими соучастниками: безъ особеннаго напряженія физическихъ и умственныхъ силъ и безъ искусственнаго возбужденія я былъ въ состояніи бодрствовать почти всю ночь, слушать чтеніе любого чтеца, не засылая; а затѣмъ, углубившись въ свои мысли, лежа на диванѣ съ опущенными вѣками, я обладалъ способностью разсказать все слышанное такъ плавно и вѣрно съ подлинникомъ, что нѣкоторые товарищи предполагали, будто я читаю по книжкѣ.

Умѣть оставаться ночью безъ сна, не вызывая притомъ ни

чрезмѣрнаго утомленія, ни раздраженія нервной системы—есть благодатная способность для студента, готовящагося къ экзамену. Съ того студенческаго періода по настоящее время мой организмъ легко приспособляется къ недостаточному сну.

Въ виду вышеприведенныхъ особенностей темпераментовъ каждого изъ участниковъ нашей экзаменаціонной партіи и потребности работать дружно, усердно и наивозможно производительно для каждаго, мы свои роли распредѣляли слѣдующимъ образомъ: Михаилу *К—ову* и *К—скому* поручали прочитывать на дому по возможности большіе отдѣлы какой-либо книги; изъ нихъ *К—ову*, какъ способному докладчику, мы предоставляли реферировать прочитанное на дому, а *К—скому*—контролировать референта. При вечернихъ же занятіяхъ, особенно во время ночныхъ спѣшныхъ и непрерывныхъ приготовленій, поручалось *Г—гу* читать въ слухъ, чтобы дать ему возможность преодолѣть свой навязчивый сонъ; мнѣ же предоставлялась роль устнаго докладчика длинныхъ и весьма утомительныхъ для другихъ теоретическихъ трактатовъ по различнымъ отдѣламъ патологии, фізіологіи или общей терапіи.

Благодаря такому способу совмѣстнаго штудированія предметовъ, мы всегда являлись къ экзамену настолько хорошо подготовленными, что могли удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ безпристрастнаго экзаменатора. Однакожъ я помню, что отвѣты нѣкоторыхъ изъ насъ не всегда соответствовали тѣмъ познаніямъ, которыми обладалъ экзаменующійся въ дѣйствительности, что, опять-таки, зависѣло отъ особенности темперамента.

Такъ, напримѣръ, товарищъ *Г—гъ*, благодаря феноменальной памяти, хорошимъ способностямъ, обеспеченному положенію и добросовѣстному отношенію къ дѣлу, приходилъ къ экзамену приготовленнымъ безспорно лучше, нежели прочіе участники нашего квартета; между тѣмъ вслѣдствіе легкаго заиканія и привычки конфузиться при публичной рѣчи *Г—гъ* на вопросы экзаменатора давалъ отвѣты *ex abrupto*, выражая желаніе какъ-бы скорѣй отдѣлаться; оттого его познанія оцѣнивались ниже его заслугъ—только «удовлетворительною» отмѣткою.

На нѣкоторыхъ экзаменахъ *К—овъ* отвѣчалъ блестяще. Когда нашъ «Мишка» бывалъ въ ударѣ, т. е. заряженъ алкоголемъ въ

мѣру, то онъ поражалъ экзаменатора, всѣхъ слушателей и насъ—его соратниковъ, своимъ оригинальнымъ способомъ изложенія отвѣта. Заданный ему вопросъ онъ разсѣкалъ на рядъ отдѣльныхъ второстепенныхъ вопросовъ и на каждый изъ послѣднихъ давалъ опредѣленный ясный и краткій отвѣтъ; затѣмъ, сопоставивъ всѣ полученные выводы *за* и *противъ* основного положенія, онъ давалъ заключенія, свидѣтельствующія о полномъ знакомствѣ экзаменующагося съ заданнымъ ему вопросомъ. Особенно хорошо *К—овъ* отвѣчалъ на экзаменахъ по физиологіи, по общей патологіи и т. п. предметамъ, требовавшимъ извѣстнаго рода разсужденія. Не такъ онъ смотрѣлъ на судебную медицину, почему нашъ бравый «Мишка» и сбѣлъ на мель. Эпизодъ самъ по себѣ заслуживаетъ, чтобы его разсказать.

Экзаменъ по судебной медицинѣ былъ въ нашей группѣ однимъ изъ послѣднихъ. Получивъ весьма удовлетворительныя отмѣтки почти по всѣмъ главнымъ предметамъ, *К—овъ* считалъ себя уже обезпеченнымъ относительно полученія званія лекаря. Въ виду этого, нашъ «Мишка», хвативъ зарядъ алкоголя не въ мѣру, отправился на экзаменъ по судебной медицинѣ. По злой игрѣ проказницы-судьбы Михаилъ *К—овъ* вытаскиваетъ билетъ, соответствующій въ программѣ вопросу—«О пьянствѣ». По обыкновенію, недолго думая, *К—овъ* начинаетъ описывать по своему картину опьянѣнія, причемъ на сей разъ понесъ ахиною.

Профессоръ останавливаетъ его съ первыхъ словъ: «Г-нъ студентъ, вы, вѣроятно, не читали этого вопроса, ибо вы о пьянствѣ ничего не знаете».

Задѣтый такимъ замѣчаніемъ, раскраснѣвшійся *К—овъ* и выпалилъ:

«Помилуйте, Иванъ Максимовичъ, я-ли не знаю вопроса о пьянствѣ, послѣ того какъ я всѣ пять лѣтъ академическаго студенчества ежедневно практиковался въ этомъ искусствѣ»!

Результатомъ такого убѣдительнаго довода были—взрывъ хохота со стороны всѣхъ присутствовавшихъ въ аудиторіи и... неудовлетворительная отмѣтка со стороны экзаменатора.

Прошли еще три мѣсяца непрерывнаго пьянства Михаила *К—ова*; онъ сдалъ дополнительный экзаменъ по судебной медицинѣ и получилъ дипломъ на званіе врача, но безъ „*eximia laude*“.

ГЛАВА XVI.

Суровая декабрьская ночь на Литейномъ мосту въ Петербургѣ.—Необычная обстановка экзамена по физиологіи, вызвавшая броженіе среди студентовъ выпускного курса Академіи.—Благопріятное окончаніе лекарскихъ экзаменовъ и студенческая попойка по этому поводу.—Наивныя размышленія новоявленного лекаря подъ вліяніемъ паровъ Бахуса.—Примѣры безучастія со стороны родной сестры и великодушія со стороны добраго товарища.—Заботы и хлопоты объ освобожденіи себя отъ обязательной службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ.—Первая офиціальная просьба предъ непосредственнымъ начальствомъ терпѣть полное фіаско и причиняетъ много горя автору.

11-го декабря 187* г. въ Петербургѣ стоялъ суровый морозный день: холодный, порывистый вѣтеръ вышибалъ слезу у пѣшиходовъ, мчавшихся усиленнымъ маршемъ по Литейному мосту, ведущему на Выборгскую сторону къ Медико-Хирургической Академіи. Въ такую вѣтряную погоду среднюю, разводную, часть деревяннаго моста напоромъ Невской воды обыкновенно приподымало горбомъ вверхъ, вслѣдствіе чего самыя крѣпкія ломовыя лошади, скользя по сугробамъ обледенѣвшаго моста, надрывались и часто падали подъ тяжестью чрезмѣрно нагруженныхъ саней-розвальней; взвощики-ломовики, подтягивая спереди лошадь и подпирая сзади сани, чтобы помочь обезсилѣвшему животному приподняться и перетянуть свою кладь черезъ сугробъ, выбивались изъ силъ.

Видѣть подобную, часто повторявшуюся картину на Литейномъ мосту и пройти безучастнымъ зрителемъ—трудно. Вспоминаю, что за время своего студенчества я неоднократно останавливался предъ такою картиною тяжелаго физическаго труда, непомернаго ни для ломовика, ни для ломовой лошади. Случалось, что я самъ порывался помочь ломовику, хотя и съ сомнительнымъ успѣхомъ.

Но въ этотъ, хорошо памятный для меня вечеръ 11-го декабря я, при проходѣ чрезъ «Чортовъ мостъ» (такъ называли тогда Литейный мостъ студенты да ломовые извозчики), никого не замѣчалъ, кромѣ своего спутника-товарища *Ростковского*, да городского стражника, стоявшаго вблизи одной изъ сторожевыхъ будокъ на серединѣ моста.

Крѣпкій морозъ въ 30° (R.) при порывистомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ заставилъ насъ на минутку остановиться у сторожевой будки, чтобы перевести духъ. Сопровождавшій меня товарищъ по выпуску—*Ростковский*, будучи человѣкомъ не столь суевѣрнымъ, сколько трусливымъ во время экзаменовъ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

«Эхъ, братъ! Эта пурга ничего хорошаго мнѣ не предвѣщаетъ: вѣтеръ перепуталъ теперь въ моихъ мозгахъ всѣ факты, имена и термины, вычитанные сегодня изъ руководства по физиологіи *Цюна*».

— «Напрасно ты, дяденька Ваня, постоянно сосредоточиваешь свои мысли исключительно на томъ предметѣ, который и безъ того сидитъ у тебя клиномъ въ мозгу. Такое мышленіе въ одномъ направленіи влечетъ за собою переутомленіе опредѣленныхъ участковъ мозга, послѣдствіемъ чего и является путаница и безсмыслица въ твоихъ отвѣтахъ на экзаменахъ. Въ данное время я, напримѣръ, вовсе не думаю о предстоящемъ намъ экзаменѣ по физиологіи, а мысленно гадаю—куда судьба-мачиха закинетъ меня въ роли начинающаго и мало свѣдущаго врача»...

Затѣмъ мы опять двинулись ускореннымъ маршемъ по второй половинѣ Литейнаго моста, добрались до Нижегородской улицы и здѣсь подъ защитою двухъ рядовъ каменныхъ зданій мнѣ показалось, что непогода разомъ поутихла: морозъ не такъ остро пощипывалъ кончики ушей и носа, не такъ сильно вышибалъ слезу изъ глазъ.

Молча, сосредоточенные на своихъ мысляхъ, мы быстро добѣжали къ главному зданію Академіи, въ конференцъ-залъ которой, противъ обыкновенія, былъ назначенъ нашъ послѣдній выпускной экзаменъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что студентамъ Академіи нашего выпуска физиологію читалъ *Н. М. Сиченовъ*, который въ декабрѣ 1870 г. добровольно отказался отъ катедры въ Медико-Хирургической Ака-

деміи и переселился въ Одессу. Выборы достойнаго преемника столь серьезноу ученому и популярному профессору, какимъ признавался въ Академіи *Иванъ Михайловичъ Сльменовъ*, сопровождались партійными неурядицами среди членовъ конференціи Академіи, что вызывало броженіе и смуты среди студентовъ. Такъ, напримѣръ, студенты нашего выпуска коллективно заявили секретарю конференціи, что отказываются сдавать экзаменъ по физиологіи вновь назначенному профессору—*И. Ф. Ціону* и просятъ конференцію назначить намъ кого-либо изъ молодыхъ приватъ-доцентовъ по кафедрѣ физиологіи экзаменаторами по названному предмету.

Само собою разумѣется, что такое противозаконное требованіе студентовъ не могло-бы быть удовлетворено со стороны такого суроваго законника, какимъ былъ начальникъ Академіи—*Н. А. Чистовичъ*, если само требованіе студентовъ не было-бы имъ навѣяно нѣкоторыми членами конференціи—недрузьями *Ціона*. Вотъ почему на этотъ разъ коллективное заявленіе студентовъ, послѣ многократныхъ обсужденій въ конференціи Академіи, было принято во вниманіе, и экзаменъ по физиологіи производился въ присутствіи особенной комиссіи, состоящей изъ профессоровъ: *Э. Э. Эйхвальда*, *Э. А. Юнге* и приватъ-доцента *Устимовича*, въ присутствіи секретаря совѣта—*Ф. И. Ландиерта*.

Въ ожиданіи безпорядковъ со стороны студентовъ, начальство Академіи придало экзамену особенно строгую внѣшнюю обстановку: экзаменъ производился ночью (начиная съ 8 час. вечера), подъ усиленнымъ надзоромъ инспектора студентовъ и всего его штата помощниковъ, въ самой конференцъ-залѣ, куда впускали лишь непосредственно экзаменующихся; прочіе же студенты должны были оставаться въ смежной комнатѣ; экзаменаторы и начальствующія лица, облаченные въ военную форму, засѣдали въ креслахъ предъ столомъ, украшеннымъ зеркаломъ.

Такая, непривычная официальная обстановка послѣдняго экзамена, вполнѣ понятно, не могла оставаться безъ вліянія на психику большинства экзаменовавшихся, умственное напряженіе которыхъ и безъ того дошло до своего максимума, благодаря обилію экзаменовъ (числомъ до 24-хъ) и продолжительности экзаменаціоннаго періода (съ 15-го сентября по 11-е декабря).

Въ памятную для меня суровую ночь, когда мы съ товарищемъ *Ростковскимъ* съ трудомъ добѣжали къ Академіи и едва перешагнули порогъ узкаго длиннаго корридора административнаго зданія послѣдней, какъ встрѣтили небывалый шумъ, гамъ, возгласы многихъ жожаковъ-студентовъ, выражавшихъ явное неудовольствіе на стѣсненія и неумѣстныя полицейскія мѣры.

Замѣтимъ, что въ 187* г. выпускныхъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи было 190 человекъ, изъ коихъ благополучно дошли до послѣдняго экзамена по физиологіи всего 156 студентовъ; стало быть, около 18 % контингента экзаменовавшихся потерпѣло неудачу. Очевидно, что гг. экзаменаторы того времени относились къ отвѣтамъ выпускныхъ студентовъ не особенно снисходительно. Вотъ почему тѣ счастливыцы, которымъ удалось добраться до послѣдняго барьера, не могли равнодушно смотрѣть на вновь поставленные имъ препятствія въ формѣ небывалыхъ строгостей со стороны экзаменаторовъ.

Съ другой стороны, и задача этой экстраординарной экзаменаціонной комиссіи была не изъ легкихъ: проэкзаменовать въ одну ночь сразу возбужденныхъ и недовольныхъ молодыхъ людей числомъ свыше 150—не шутка; это можетъ довести самаго хладнокровнаго экзаменатора до полной потери психическаго равновѣсія. Поэтому въ концѣ концовъ вся эта затѣя академическаго начальства привела къ очень курьезному результату: доцентъ *Устимовичъ* задавалъ такіе вопросы, на которые и вовсе неподготовленный студентъ не могъ не отвѣтить удовлетворительно; а предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи, *Э. А. Юнгъ*, послѣ полуночи то и дѣлалъ, что ставилъ всѣмъ удовлетворительный баллъ и не давалъ экзаменатору распространяться въ вопросахъ, приговаривая: „Вѣдь за полночь—пора по домамъ!“.

Для меня лично и этотъ экзаменъ прошелъ «весьма удовлетворительно»; но, поджидая своего сожителя *Ростковскаго*, мнѣ пришлось оставаться въ Академіи до 3-хъ часовъ по-полуночи, такъ какъ изъ-за трусливости онъ подошелъ къ экзаменатору однимъ изъ послѣднихъ.

По окончаніи экзамена предсѣдатель комиссіи выслалъ намъ чрезъ инспектора студентовъ списокъ отмѣтокъ, по которому мы

узнали, что всѣ экзаменовавшіеся оказали удовлетворительные успѣхи по предметамъ фیزیологіи и фیزیологической химіи.

Такой совсѣмъ неожиданный результатъ экзамена былъ, однако же, встрѣченъ безъ особеннаго выраженія радости или удовольствія со стороны большинства товарищей. Сталые, измученные и угнетенные пережитыми тревоженіями, мы какъ-то мрачно смотрѣли на все и всѣхъ.—Вотъ почему, помнится, предложеніе *Ростковского* зайти въ трактиръ „спрыснуть“ свое званіе лекаря—было большинствомъ товарищей отвергнуто. Взамѣнъ этого члены нашего квартета сложили имѣвшіеся въ карманѣ гроши и на нихъ наняли себѣ саночки, чтобы на нихъ скорѣе добраться до квартиры и завалиться спать.

Прибывъ домой, *Ростковскій* раздобылъ у хозяйки нѣсколько бутылокъ пива и мы вчетверомъ спрыснули благополучное окончаніе своихъ умственныхъ и душевныхъ потрясеній, именовавшихся лекарскими экзаменами. При сильномъ нервномъ угнетеніи и чрезмерной физической усталости стаканъ—другой пива легко одурманивалъ непривычный къ алкоголю мозгъ, поэтому неудивительно, что наша домашняя попойка вызвала во мнѣ не столько веселое, сколько мрачное настроеніе.

Лежа на постели и задравши ноги на перекладину кровати, я сталъ доказывать своимъ друзьямъ, что вынесенныя нами изъ Академіи знанія по медицинѣ годны лишь для полученія лекарскаго диплома, дающаго намъ право врачевать болѣющій людъ; но самаго врачеванія мы, собственно говоря, не знаемъ, такъ какъ въ практической медицинѣ мы весьма мало смыслимъ. Поэтому, мнѣ казалось, что покидая стѣны Академіи съ весьма скуднымъ запасомъ врачебныхъ свѣдѣній, намъ слѣдуетъ не радоваться, а горевать. Вѣдь первый серьезный больной, предоставленный всецѣло моему попеченію, вызоветъ во мнѣ такой страхъ, который превзойдетъ даже страхъ предъ *Груберовскимъ* экзаменомъ. А что скажетъ совѣсть послѣ первыхъ ошибокъ, неудачъ или недосмотровъ, имѣющихъ послѣдствіемъ смерть неповиннаго человѣка.

Въ утомленномъ мозгу новопризнаннаго лекаря возникали и другіе, не менѣе важные вопросы: Куда меня закинетъ судьбамачиха?—Въ какую среду вступаю я со своими разносторонними

теоретическими взглядами на задачи современной медицины при весьма скудном запасѣ практическихъ знаній?—Какая арена дѣятельности ждетъ меня въ ближайшемъ будущемъ? — А какъ мнѣ быть относительно сестры Даріи, которая отдана мнѣ матерью на попеченіе и которая еще должна учиться нѣсколько лѣтъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ, чтобы получить званіе «женщины-врача»? и проч. и проч.

Мои товарищи, собесѣдники той декабрьской ночи, выражали свои *ria desideria* болѣе опредѣленно и въ болѣе свѣтломъ видѣ. Одинъ изъ двухъ братьевъ *Курочкиныхъ* заявилъ, что по полученіи диплома онъ поѣдетъ въ Саратовъ къ своему богатому дяденькѣ, позаимствуетъ у него нѣкоторую толику денегъ на устройство богатой обстановки, достойной независимаго практикующаго врача, и, благодаря связямъ дядюшки среди купеческаго сословія, онъ сумѣетъ выработать себѣ кліентуру.

Другой товарищъ, его братъ Дмитрій *Курочкинъ* призналъ такой меркантильный путь врачебной карьеры недостойнымъ идеаломъ юнаго врача: честнѣе будетъ избрать себѣ службу гдѣ-либо въ военномъ госпиталѣ и, подъ руководствомъ опытныхъ товарищей въ различныхъ отдѣленіяхъ, при различныхъ условіяхъ госпитальной жизни, выработать въ себѣ склонность къ той или другой отрасли врачебнаго искусства и тогда избрать себѣ какую-либо специальность.

«Хотя съ сегодняшней ночи я состою въ штатѣ свободныхъ лекарей», твердилъ Дмитрій *Курочкинъ*, но, какъ питомецъ Медико-Хирургической Академіи, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ первѣе всего служить тому вѣдомству, которое стремилось создать въ Россіи образцовую школу и охотно даетъ въ ней доступъ каждому сыну русской земли, какого-бы сословія или происхожденія онъ не былъ. Пью за преуспѣваніе нашей *almae matris*! закончилъ зычнымъ голосомъ полупьяный Митя.

— «Ну, дяденька Ваня, что же ты предпримешь?» обратился я къ *Ростковскому*, интересы котораго были мнѣ нѣсколько ближе, нежели интересы другихъ собутыльниковъ того вечера.

«Пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному чувству есть уголокъ!» продекламировалъ нашъ безпечный и всегда въ такихъ случаяхъ поэтически-настроенный *Ростковский*. — «Развѣ мнѣ не все

единственно, чѣмъ-бы ни заниматься, что-бы-то-ни-было изучать, гдѣ-бы-то-ни-было служить?!

«На первыхъ порахъ я думаю взять мѣсто въ военномъ вѣдомствѣ и забраться какъ можно дальше отъ Питера, чтобы получить по возможности большой кушъ прогонныхъ, обмундировочныхъ и всякихъ иныхъ ассигновокъ. На эти-то деньги я проживу въ Питерѣ мѣсяца два, пощеголяю въ штабъ-офицерскомъ мундирѣ, подышу себѣ невѣсту, обвѣваюсь, а съ молодою женою не скучно будетъ жить хоть и на о-вѣ Сахалинѣ!»—закончилъ свою отповѣдь нашъ бородатый дядя Ваня.....

Конецъ той незабвенной ночи теряется въ какихъ-то смутныхъ воспоминаніяхъ. Подъ утро только братья *Курочкины* ушли къ себѣ на квартиру; тогда *Ростковскій*, не раздѣваясь, какъ снопъ повалился на свою койку и скоро его храпъ раздался по всей квартирѣ. Я же былъ еще настолько бодръ, что сознавалъ нужнымъ снять очки съ глазъ храпѣвшаго сожителя, самому умыться, разоблачиться и погасить тускло горѣвшую лампу.

Какъ только я улегся въ постель и сомкнулъ вѣки, круги свѣторазсѣянія стали мерцать въ глазахъ, мысли путались, сознание помутнѣло и мнѣ казалось, что я погружаюсь въ какую то бездонную пропасть...

.....Проснулся я около полудня совершенно бодрѣе, довольнымъ и веселымъ, сознавая, что экзамены, наконецъ, окончились, что есть досугъ повидаться съ родными и добрыми знакомыми, съ которыми можно посоветоваться о томъ, какъ-бы мнѣ освободиться отъ обязательной службы въ военномъ вѣдомствѣ за невзносъ платы, за слушаніе лекцій и за полученную казенную стипендію въ теченіе III-го курса.

Первѣе всего я поспѣшилъ на квартиру моей сестры, чтобы съ нею подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ объ успѣшномъ окончаніи курса врачебныхъ наукъ. Дарія выслушала меня болѣе равнодушно, чѣмъ я ожидалъ; она пожелала мнѣ карьеру „богато-практикующаго“ врача и не полюбопытствовала даже спросить—что я намѣренъ предпринять въ ближайшемъ будущемъ.

Помнится мнѣ, что въ это свиданіе сестра меня долго разспрашивала о намѣреніяхъ товарища *Ростковского*, просила меня не

допускать его къ чрезмѣрнымъ кутежамъ и т. п.; да и вообще сестра выказывала тогда весьма искреннюю и особенную заботливость о слабохарактерномъ товарищѣ *Ростковскомъ*. — Въ то время я ничего предосудительнаго въ этомъ не видѣлъ; но меня, признаться, оскорбляли индифферентизмъ и нѣкоторое умышленное небрежное отношеніе къ моимъ личнымъ интересамъ со стороны родной сестры.

Не въ примѣръ больше участія ко мнѣ я встрѣчалъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей. Такъ, въ разговорѣ съ *Дмитріемъ Курочкинымъ* о томъ, что я желалъ-бы остаться еще года два въ Петербургѣ, чтобы поработать въ какой-либо хорошо обставленной больницѣ для практическаго изученія хирургіи; что съ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга я причиню своей старухѣ-матери невыносимое горе, такъ какъ она увѣрена въ томъ, что сестра живетъ въ Петербургѣ совместно со мною и только подъ моимъ непосредственнымъ братскимъ руководствомъ она, какъ дѣвушка, можетъ безмятежно изучать медицину въ такомъ, по ея старческому воззрѣнію, Вавилонѣ, какъ Петербургъ.

Препятствіемъ же къ осуществленію своего скромнаго желанія служить мой денежный долгъ военному вѣдомству въ размѣрѣ 550 руб., который образовался изъ годовой стипендіи въ 300 руб. и платы за право слушанія лекцій въ Академіи въ теченіе пяти лѣтъ, въ количествѣ 250 руб. Правила устава Медико-Хирургической Академіи того времени указывали, что за голъ полученія казенной стипендіи студентъ обязанъ, по полученіи званія лекаря, служить въ военномъ вѣдомствѣ два года, а за невзносъ платы — полтора года. Впрочемъ отъ послѣдняго обязательства еще можно было освободиться, такъ какъ положенную по закону плату за слушаніе лекцій допускалось внести и по окончаніи курса наукъ Академіи, но ранѣе полученія лекарскаго диплома. — Слѣдовательно, изъ-за какихъ-то 300 рублей, не подлежащихъ возврату, мнѣ приходилось теперь распрощаться со своею свободою, разставаться со школою и съ любимою столицею, окунуться въ омутъ практической жизни и стать пѣшкой своего непосредственнаго начальства какого-либо Тмутараканскаго линейнаго баталіона или еродѣ того. Признаться, перспектива — невеселая и удручающая.

Дмитрій *Курочкинъ*, видимо, слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ; онъ, правда, не соглашался съ нѣкаторыми заключеніями моей пессимистической философіи, какъ онъ выражался, тѣмъ не менѣе признавалъ, что новоявленному врачу-идеалисту, каковымъ онъ меня считалъ, грустно разставаться со своими студенческими традиціями и принципами, тяжело бросить стремленіе къ чему-то высшему, идеальному и свободному и сознавать, что все разочарованіе вытекаетъ изъ-за нужды въ крайне ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ во время минувшаго студенчества.

Въ заключеніе нашего продолжительнаго разговора, вдругъ, совершенно для меня неожиданно, *Курочкинъ* воскликнулъ:

— «Ладно, *Сталь*. Хочешь, я выручу тебя изъ бѣды?! Пойдемъ къ Главному Военно-Медицинскому Инспектору и попросимъ его зачислить на военно-медицинскую службу вмѣсто лекаря *Алексея Сталя*—такого же лекаря Дмитрія *Курочкина*. Я, какъ своекоштный питомецъ Медико-Хирургической Академіи,—вольная птица и могу служить, гдѣ пожелаю. А въ награду за добровольную продажу своей либеральной профессіи, способствующей тебѣ избавиться отъ обязательной службы, ты выплатишь мнѣ наличными ту сумму денегъ, которую состоишь должнымъ военному вѣдомству».

«Эврика! Идетъ, давай по рукамъ, истинный другъ Митяй!»—воскликнулъ я, внѣ себя отъ радости.—«Хоть изъ-подъ земли да выкопаю я всю требуемую сумму и немедленно вручу тебѣ сполна 550 рублей, какъ только на дѣлѣ осуществится твой геніальный планъ моего освобожденія».

Сказано—сдѣлано! На другой день, къ 10-ти часамъ утра, мы вдвоемъ отправились на квартиру *Н. И. Козлова*—Главнаго Военно-Медицинскаго Инспектора, жившаго тогда на Конногвардейскомъ бульварѣ въ весьма богато обставленномъ домѣ.

Д. Курочкинъ явился одѣтый въ напрокатъ взятый военный лекарскій мундиръ; я же, за немнѣнимъ не только лекарскаго мундира, но и студенческаго форменнаго сюртука, вынужденъ былъ представиться Главному Военно-Медицинскому Инспектору въ весьма неказистомъ штатскомъ платьѣ.

Насъ впустили въ обширную залу, стѣны которой были сплошь увѣшаны художественными картинами въ золоченыхъ рамахъ. У

меня, я помню, глаза разбѣжались: я не могъ остановиться на какой-нибудь одной картинѣ, взоръ перебѣгалъ съ одного полотна на другое, меня поражало не искусство живописи, а блескъ и роскошь всей обширной залы—обстановки, не свойственной квартирѣ врача, доктора или даже высшего сановника медицинскаго міра.

Мой спутникъ — Дмитрій *Курочкинъ* свободно прохаживался по мягкому ковру залы, приглядывался то къ одной, то къ другой изъ бездѣлушекъ, разставленныхъ на столахъ и этажеркахъ; онъ разсматривалъ картины съ видомъ знатока или, по меньшей мѣрѣ, человѣка, выдаваго на своемъ вѣку всякіе предметы роскоши и богатую обстановку частныхъ квартиръ.

Наконецъ, выходитъ ожидаемый нами съ трепетомъ высшій начальникъ въ лицѣ низенькаго, весьма невзрачнаго хозяина этой роскошной квартиры, одѣтаго въ штатское лѣтнее пальто, застегнутое доверху; онъ вошелъ въ залу мягкою поступью и когда я на него взглянулъ, то по первому впечатлѣнію мнѣ трудно было признать въ немъ грознаго начальника или сановитаго чиновника. Его взъерошенные рѣдкіе волосы на головѣ, сѣденькая и весьма жиденькая козлиная борода, узкое переносье, сливающіяся брови и продолговатая глазная щель рѣзко напоминали нѣчто татарское, чувашское или калмыцкое.

Генералъ *Козловъ* протянулъ каждому изъ насъ руку и, не удостоивъ насъ приглашенія сѣсть, сталъ разспрашивать, по какому дѣлу мы явились къ нему, обращаясь собственно къ *Курочкину*. Но этотъ стоялъ предъ начальствомъ, въ струнку вытянувшись, и краснорѣчиво молчалъ; поэтому невольно приходилось мнѣ отвѣчать. Будучи предувѣдомленъ, что генералъ *Козловъ* поощряетъ женщинъ, изучающихъ медицину, я началъ свой докладъ съ того, что на моемъ попеченіи находится сестра, молодая дѣвушка, недавно поступившая на высшіе врачебные курсы, нуждающаяся пока въ моемъ братскомъ руководствѣ. Между тѣмъ полученная мною за одинъ годъ казенная стипендія обязываетъ меня немедленно оставить Петербургъ и поступить на военно-медицинскую службу; стало быть, сестра моя лишится братской опеки, что можетъ неблагоприятно отозваться на ея дальнѣйшемъ врачебномъ образованіи. Помимо этого мотива полная готовность тутъ же стоящаго товарища

Д. Курочкина взять на себя мои обязательства предъ военнымъ вѣдомствомъ побуждають меня всепокорнѣйше просить принять на службу *Д. Курочкина* взамѣнъ лекаря *Алексыя Сталя*; мы оба — окончившіе курсъ медицинскихъ наукъ въ Академіи одновременно.

Н. И. Козловъ, покуривая сигару, прохаживался вдоль залы и, выслушавъ мое заявленіе и подтвержденіе со стороны молодцоватаго военного лекаря о готовности его замѣстить меня на военной службѣ, категорически заявилъ:

«Ваши просьбы легко выполнимы. Подайте начальнику Академіи прошеніе о томъ, чтобы въ Главное Военно-Медицинское управленіе вмѣсто диплома бывшаго казеннаго стипендіата *Сталя* былъ доставленъ лекарскій дипломъ *Д. Курочкина* съ приложеніемъ письменнаго обязательства послѣдняго прослужить въ военномъ вѣдомствѣ не менѣе двухъ лѣтъ».

Въ отвѣтъ на эту радостную резолюцію мы молча раскланялись и съ ликующими лицами удалились изъ генеральской квартиры.

Съ Конногвардейскаго бульвара мы на извозикѣ махнули въ трактиръ «Старый Пекинъ», гдѣ угостились вкуснымъ растегайчикомъ съ соответственной выпивкой. Тутъ же за завтракомъ мы постановили: прежде чѣмъ обращаться къ начальнику Академіи, мнѣ слѣдуетъ раздобыть сумму въ 550 рублей, каковая должна быть вручена *Д. Курочкину*.

Въ тотъ же день я письменно обратился къ своему брату, присяжному повѣренному въ Харьковѣ, съ просьбою позаймствовать мнѣ по векселю 550 рублей, причемъ обстоятельно изложилъ ему мотивы, побуждающіе меня впервые прибѣгнуть къ займу столь крупной суммы и въ заключеніе сего письма просилъ по телеграфу увѣдомить меня — осуществима-ли моя просьба? Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ брата депешу съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ, которую я поспѣшнѣе представить товарищу *Курочкину*. Эгогъ послѣдній опять нарядился въ военный лекарскій мундиръ, чтобы представиться начальнику Академіи.

Ободренные удачею нашего ходатайства предъ высшимъ военно-медицинскимъ начальствомъ, мы, признаться, на сей разъ болѣе смѣло и увѣренно направились къ своему непосредственному на-

чальнику—*Я. А. Чистовичу*, квартировавшему въ зданіи Медико-Хирургической Академіи.

Приемная зала этого генерала отъ медицины представляла собой полнѣйшій контрастъ тому, что мы видѣли въ приемной *Н. И. Козлова*. Здѣсь длинная, пустынная комната вмѣщала въ себѣ рядъ вѣнскихъ стульевъ, разставленныхъ у стѣнъ и вблизи оконъ, весьма убогую мебель въ формѣ мягкаго дивана и пару креселъ съ поблекшею отъ времени обивкою, два ломберныхъ стола, тусклое междуоконное зеркало, голыя стѣны и большой образъ въ углу залы. При входѣ въ эту залу насъ обдалъ духъ какой-то гнетущей казенщины.

Машинально я присѣлъ на одинъ изъ соломенныхъ стульевъ и готовился терпѣливо ждать появленія суроваго начальника, предвкушая угнетенное самочувствіе мелкочиновнаго просителя въ ожиданіи появленія грознаго сановника.

Мы съ *Курочкинымъ* разсѣлись у двухъ оконъ и, не находя ничего интереснаго для глазъ внутри помѣщенія, стали разсматривать проходящихъ и проезжающихъ по хорошо намъ знакомой Нижегородской улицѣ. Въ полномъ безмолвіи, только переглядываясь и улыбаясь другъ другу, мы проскучали въ этой пустынной приемной добрыхъ 20 минутъ. Наконецъ, услышали звяканіе шпоръ и грузную походку военнаго человѣка; мы разомъ привстали съ мѣсто и сдѣлали нѣсколько шаговъ навстрѣчу входившему начальнику Академіи.

Увидѣли мы предъ собою истого боевого генерала: въ военномъ вицъ-мундирѣ, съ крупнымъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, при шпагѣ, на эфесѣ которой опиралась лѣвая рука, облаченная въ бѣлую замшевую перчатку; его суровое лицо съ длинными сѣдоватыми бакенбардами и съ гладко выбритымъ подбородкомъ, его искрометный взоръ и строго-военная выправка весьма плохо гармонировали со званіемъ учеваго медика, профессора и руководителя высшаго учебнаго учрежденія.

— По какому дѣлу вы явились ко мнѣ?—отрывисто и грозно спросилъ насъ начальникъ Академіи, осматривая каждого изъ насъ съ макушки до пятокъ.

На сей разъ, признаться, я совсѣмъ оробѣлъ: мысли перепута-

лись, сообразительность прервалась и языкъ прилипъ къ небу. И оставался безмолвнымъ.

Д. Курочкинъ, напротивъ того, тотчасъ же вошелъ въ свою роль военного служаки и зычнымъ голосомъ доложилъ:

— Мы, ваше превосходительство, явились къ вамъ по указанію Главнаго Военно-Медицинскаго Инспектора съ просьбою — мой дипломъ, т. е. документы лекаря *Дмитрія Курочкина* направить въ Главное Военно-Медицинское Управленіе, какъ врача, принимающаго на себя всѣ обязательства службы бывшаго казеннаго стипендіата Академіи, нынѣ лекаря *Сталя*, а дипломъ послѣдняго выдать ему на руки. Семейныя обстоятельства и плохое здоровье моего товарища побуждаютъ меня замѣнить его въ военно-медицинской службѣ.

Съ этими заключительными словами *Курочкинъ* протянулъ заранее приготовленное прошеніе въ формѣ сложенного листа бумаги.

— Кто вамъ подаль мысль на составленіе такой просьбы? Кому пришла въ голову такая сумасбродная небылица? Ваше предложеніе по закону недопустимо и потому я не могу принять вашего прошенія? Главному же Военно-Медицинскому Инспектору — *Николаю Илларионовичу Козлову* доложите, что Медико-Хирургическая Академія снабжаетъ русскую армію не дипломами, а военными врачами! — изрекъ свой приговоръ нашъ начальникъ, повернувшись полукругомъ вправо и удалился изъ залы.

Удрученными, съ понуренными головами, какъ-бы оплеванными мы медленно вышли изъ пріемной въ переднюю; здѣсь мы съ *Курочкинымъ* переглянулись и въ его глазахъ я увидалъ выраженіе ядовитой саркастической и злобной насмѣшки насчетъ генерала отъ медицины.

— «Вотъ такъ фунтъ!... Благодарю, не ожидалъ, милѣйшій нашъ *Яковъ Алексѣвичъ!*» заявилъ *Курочкинъ*. Раздолжилъ ласковымъ пріемомъ своихъ юныхъ питомцевъ! Молодецъ! сразу видно, что профессоръ «медицинской полиціи». А *Козлову*-то какую рацею прочиталъ?... Подобныя слова, изреченія такъ и сыпались изъ устъ моего добраго и остроумнаго товарища, свидѣтеля моего грустнаго разочарованія и унынія.

Съ гора *Курочкинъ* предложилъ зайти въ трактирчикъ, помѣ-

шающійся на Выборгской сторонѣ наупротивъ Академіи и тамъ отвести душу; но огорченный и раздосадованный неожиданной неудачей, я отъ предложенія наотрѣзъ отказался.

На Лытейномъ проспектѣ мы разстались: онъ зашелъ по дорогѣ къ товарищу, а я со своими тяжелыми и грустными думами добрелъ до дома. Въ своей мрачной студенческой комнатѣ я повалился на койку съ папиросой въ зубахъ и предался печальнымъ размышлениямъ о невзгодахъ мірской суеты. Очень долго думалъ я о безсердечіи громаднаго большинства нашихъ дѣятелей, стоящихъ у кормила правленія и играющихъ, по произволу, судьбою юныхъ членовъ общества.

Одно изъ самыхъ грустныхъ явленій въ нашемъ медицинскомъ мірѣ это то, что наши сановные дѣятели забываютъ свою собственную молодость, испытанныя бѣдствія и лишенія и прерываютъ совершенно связь настоящаго съ прошедшимъ. Большинство таковыхъ въ то время были поповичи *), воспитывавшіеся въ семинаріяхъ сороковыхъ годовъ и испытавшіе на своихъ плечахъ всю тяжесть безотрадной бурсацкой жизни подъ гнетомъ бездушныхъ и безсердечныхъ руководителей бурсы, типы которыхъ такъ живо и вѣрно съ дѣйствительностью представлены *Помяловскимъ*.

Казалось-бы, тѣ, коимъ ввѣряютъ права отцовъ-руководителей молодого поколѣнія, должны падить самолюбіе юношей, принимать участіе въ ихъ заботахъ и нуждахъ, оказывать имъ содѣйствіе въ ихъ стремленіяхъ и, главное, служить охранителями правды и справедливости. На самомъ же дѣлѣ большинство начальниковъ, ректо-

*) *Историческая справка:* Глбзовъ Иванъ Тимофеевичъ—вице-президентъ медицинской Академіи съ 1857—1867 гг.—духовнаго званія первоначальное и среднее образованіе получилъ въ Зарайскомъ духовномъ училищѣ и въ Рязанской семинаріи. — *Нараповичъ* Павелъ Андреевичъ—начальникъ Медицинской Академіи съ 1867—1869 г.—сынъ протоіерея Черниговской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ семинаріи. — *Чистовичъ* Яковъ Алексѣевичъ—Начальникъ Медико-Хирургической Академіи съ 1871—1875 г.—сынъ дѣкана Калужской губерніи, воспитывался въ духовной семинаріи. — *Пишутинъ* Викторъ Васильевичъ—Начальникъ Военно-Медицинской Академіи съ 1890—1900 г.—изъ духовнаго званія и воспитывался въ Воронежской духовной семинаріи. — *Таренецкій* Александръ Ивановичъ, сынъ приворного пѣвчаго православной церкви родился въ саксонскомъ городѣ Веймарѣ, состоялъ начальникомъ Императорской Военно-Медицинской Академіи съ 1900—1905 г.

ровъ, инспекторовъ и прочихъ подобныхъ мнимыхъ «отцовъ» поражали и поражаютъ формализмомъ и полнымъ индифферентизмомъ къ интересамъ учащихся и къ самому дѣлу, къ которому они поставлены служить...

На своемъ служебномъ поприщѣ я неоднократно имѣлъ возможность наблюдать—какъ подъ фѣрулою ректора упиверситета, изъ подъ его ученой тоги, сѣялись всякія беззаконія, возмутительныя несправедливости и Фамусова принципы: «какъ станешь представлять къ крестинку или къ мѣстечку, то какъ не poradѣть родному человѣчку!»

Дрезденъ. 13/у. 1902.

ГЛАВА XVII.

Петербургская улица при бездорожьи и непогоды зимняго времени.—Памятный для автора день плачливой погоды.—Интересная бестда съ товарищемъ диаметрально противоположнаго темперамента. Нѣсколько словъ о *В. А. Манассеинѣ*, какъ о референтѣ новѣйшихъ научныхъ работъ по медицинѣ.—Конкурсное испытаніе врачей на право быть зачисленными институтскимъ врачомъ при Академіи для усовершенствованія.—Сцена въ конференцъ-залѣ Академіи во время конкурса.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря 187* выдался теплый осенній день. Снѣгъ таялъ. Съ домовыхъ крышъ и дождевыхъ трубъ струи грязной воды обливали проходящихъ; на тротуарахъ дворники лѣтами сбивали и счищали обледенѣвшій снѣгъ; на улицахъ вдоль панели, текли ручьи жидкой грязи. Повсюду—слякоть немовѣрная. Измученныя лошадки извозничьихъ саней всею поверхностью кожи испускали паръ, напрягали остатки своихъ силъ при ѣздѣ на полозьяхъ по обледѣвшему булыжнику и снѣжнымъ сугробамъ.....

Въ такую-то погоду и бездорожье петербургскому обывателю вообще невесело странствовать по улицамъ, а нашему-то брату, студенту, промышлявшему уроками, приходилось ужъ очень жутко: ноги и руки коченѣли отъ сырости; на сапоги, брюки, пальто и нерѣдко даже на лице попадали брызги уличной грязи. И въ подобномъ, весьма непредставительномъ видѣ приходилось мнѣ являться, по обязанности репетитора ученика Училища Правовѣденія, въ аристократическій домъ Конногвардейской улицы.

Въ описываемое время мнѣ, хотя и окончившему курсъ Медико-Хирургической Академіи, нужно было еще бѣгать по урокамъ, такъ какъ иныхъ ресурсовъ *<pour boire et manger>* у меня небыло.

Памятенъ мнѣ этотъ день особенно плаксивой погоды, потому что съ нимъ связано воспоминаіе о весьма радостномъ для меня событіи.

Возвратившись вечеръ мѣ домой, я, противъ обыкновенія, засталъ своего сожителя *Ростковского*, встрѣтившаго меня обычными шуточками и прибаутками.

«Дай братъ, безешку и я расскажу тебѣ интересную новость!»

— «Довольно тебѣ безешекъ приходится получать отъ прекрасныхъ тетушекъ, племянницъ и знакомыхъ барышень, за которыми ты ловеласничаешь. Ну, Ваня рассказывай гдѣ былъ? кого видѣлъ? что слышалъ? И куда намѣреваются идти сегодня покутить?» возразилъ я.

«Ну, такъ дай папирску и внимай моимъ изрѣченіямъ», отвѣтилъ *Ростковский*.

— Сегодня около двухъ часовъ дня въ Правленіи Академіи, на дверяхъ входа въ канцелярію, я видѣлъ вывѣшенный списокъ студентовъ, окончившихъ курсъ наукъ съ отличіемъ и удостоенныхъ конференціею Академіи допущенія къ конкурстному письменному испытанію на право оставаться при Академіи для усовершенствованія въ наукахъ и подготовки къ профессурѣ. Списокъ не великъ: всего вызывается 21 человекъ, среди нихъ и ты; и чуть-ли не пятымъ или шестымъ сверху. — Поздравляю, разодолжилъ! Признаться, никто отъ тебя не ждалъ такого усердія и прилежанія къ наукамъ; вѣдь ты получилъ на экзаменахъ 19 отмѣтокъ, «весьма удовлетворительно?», — Я думаю, что ты и не знаешь правила: — чтобы быть допущеннымъ къ конкурсу, необходимо имѣть не менѣе чѣмъ съ половины числа предметовъ «весьма удовлетворительныя» отмѣтки. Все это я узналъ отъ дѣлопроизводителя Академіи — *Музыкантова*. Теперь, братъ, не унывай! Завтра къ 9-ти часамъ утра отправляйся въ конференцъ-залу попытать свое счастье!»

Эти интересные для меня свѣдѣнія были переданы *Ростковскимъ* такъ обстоятельно и, противъ его обыкновенія, безъ всякихъ прибаутокъ или шуточекъ, что сомнѣваться въ самомъ фактѣ я не могъ. Однакожъ невольно возразилъ:

— «А не врешь ли ты, Ваня? Не вздумалъ-ли ты надо мною потѣшиться, чтобы хоть временно разогнать мою тоску и уныніе, одолѣвающія меня въ теченіе послѣднихъ дней? Зная твое добро-

душіе и сердечное расположеніе ко мнѣ, я вправѣ заподозрить тебя и въ такомъ фортелѣ».

«Нѣтъ, братъ, повѣрь, что на сей разъ я не шучу. Я до того обрадовался улыбающейся тебѣ фортунѣ, что немедленно прибѣжалъ домой передать тебѣ столь радостную вѣсть. Къ сожалѣнію, тебя не засталъ дома и потому мнѣ приходится ужъ третій разъ сегодня бѣгать съ Гороховой на Захарьевскую. Не увѣдомилъ же я тебя письменно по тому, что мнѣ хотѣлось полюбоваться твоимъ ликомъ».

— «Спасибо тебѣ, *Ростковскій*, за дружескія услуги и заботы обо мнѣ! Я не сомнѣваюсь, что, ты—добрейшій товарищъ, умѣешь быть и серьезнымъ человѣкомъ; я вѣрю тому, что мнѣ fortuna улыбнулась, предоставивъ мнѣ возможность еще разъ попытать счастье—избавиться отъ невольной высылки въ урочище Ново-кіевскъ въ роли младшаго врача какого-то Сибирскаго линейнаго батальона, куда Главное Военно-Медицинское Управленіе предназначило меня на мѣсто службы. — Послушаюсь тебя и отправлюсь завтра въ Академію состязаться со своими сверстниками въ ухищреніяхъ писать ученое разсужденіе по одному изъ неизвѣстныхъ мнѣ вопросовъ практической медицины. Но, признаться тебѣ, братъ, во мнѣ слаба надежда на успѣхъ въ предстоящемъ конкурсѣ. Какъ тебѣ извѣстно, у меня нѣтъ протекціи со стороны кого-бы-то-ни-было изъ профессоровъ нашей Академіи; слѣдовательно, я явлюсь на конкурсъ совершенно несвѣдущимъ въ заданныхъ темахъ; тогда какъ нѣкоторые товарищи изъ вызванныхъ къ состязанію имѣютъ своихъ протекторовъ и, какъ поговаривали, могутъ быть заранѣе предувѣдомлены о томъ, что на предстоящемъ конкурсѣ между прочими темами будутъ, напримѣръ, выставлены и такіе вопросы, какъ: «*О развитіи рака изъ эпителія матки*», или «*О значеніи акушерскихъ щипцовъ при узкомъ тазѣ родильницы*», либо «*О вліяніи лимонно-кислаго хинина на отдѣленіе молока*» и т. п. узко спеціальныя темы, даваемые профессорами, имѣющими среди нашего выпуска своихъ излюбленныхъ студентовъ, которыхъ они предназначаютъ себѣ въ кандидаты на ординаторскія или лаборантныя должности своихъ кафедръ».

— «Эхъ, ты, пессимистъ и скептикъ! Нечего предугадывать и

отыскивать не совѣмъ-то честные пути, ведущіе къ открытымъ вратамъ храма науки.—Попытка—не пытка! Испробуй написать то, что на умъ набредеть. Авось воспламенится въ твоихъ мозгахъ духъ творчества и ты поразишь судей конкурса своими позваніями и разсужденіями!» съ воодушевленіемъ, даже съ нѣкоторымъ пафосомъ произнесъ эти слова *Ростковский*.

Добрый часъ мы пробѣждовали съ пріятелемъ на эту тему за вечернимъ чаепитіемъ. Наконецъ ему, видимо, надоѣлъ мой пессимизмъ или, просто, скучно стало дома сидѣть въ такую пору, когда новоявленные врачи прогуливаютъ свое переходное досужное время. *Ростковский* внезапно вскочилъ со стула, накинулъ на себя пальто и побѣжалъ къ знакомымъ. Я же, чувствуя себя физически усталымъ послѣ бѣготни по урокамъ, предпочелъ остаться въ своей уединенной комнатѣ.

Чтобы оторваться отъ своихъ думъ о завтрашнемъ днѣ, я раскрылъ одну изъ книжекъ, „Военно-Медицинскаго журнала“ текущего года и сталъ читать рефераты доктора *В. А. Манассеина*, написанные имъ весьма толково и даже увлекательно. Въ отдѣлѣ этого журнала, носившемъ названіе „Смѣсь“, талантливый референтъ знакомилъ читателя съ весьма разнообразными вопросами современной медицины. Напримѣръ, тутъ трактовалось о новѣйшихъ средствахъ леченія чахотки рядомъ съ новѣйшими изслѣдованіями *Дюбуа-Реймона* о нервныхъ токахъ, или о гистологическомъ строеніи элементовъ крови при заболѣваніи болотной лихорадкой и вслѣдъ за тѣмъ о Листеровскомъ способѣ леченія хирургическихъ ранъ. Другими словами, въ краткихъ, но вполне ясно изложенныхъ выжимкахъ научныхъ изслѣдованій молодой врачъ легко ознакомился съ тѣми новѣйшими пріобрѣтеніями практической и научной медицины, которыя по новизнѣ своей не находили себѣ еще мѣста въ учебникахъ или руководствахъ, курсирующихъ среди студентовъ. Кромѣ того, благодаря энциклопедическимъ знаніямъ *Манассеина* и особенно богатой его памяти, рефераты его часто сопровождались нѣкоторою критическою оцѣнкою сообщенныхъ фактовъ или приведеніемъ мнѣній другихъ авторовъ, работавшихъ по тому же вопросу. Благодаря такому изложенію, чтеніе отдѣла „Смѣсь“ въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ не только не утомляло, но даже увлекло читателя.

Такъ это было со мною въ тотъ зимній вечеръ.—Помню, что я тогда совершенно машинально прочиталъ „Смѣсь“ изъ трехъ книжекъ „Военно-Медицинскаго Журнала“, ознакомился со многими новыми фактами, усвоилъ себѣ нѣкоторые новыя воззрѣнія по вопросамъ общественной гигиены, по экспериментальной патологiи и по практической хирургiи. Но благотворитѣ всего результатъ этого чтенiя выразился въ томъ, что я не замѣтилъ какъ наступила полночь и какъ меня стало клонить ко сну.—Я раздѣлся, улегся въ постель и заснулъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ.

На другой день, къ 9-ти часамъ утра я прибылъ въ зданiе конференцiи Академiи, гдѣ встрѣтилъ малочисленную кучку товарищей нашего выпуска, стоящихъ предъ выставленнымъ спискомъ лицъ, вызывавшихся къ конкурсу. Въ этомъ списокѣ значилось всего 21 студентъ и во главѣ списка была написана фамилiя *Квятковский Лизъ*, который стоялъ тутъ же, одѣтый въ лекарскiй мундиръ, съ нѣсколькими растрепанными учебниками подъ мышкою и суетившiйся болѣе всѣхъ прочихъ конкурентовъ.

Едва пробило 9 час., какъ инспекторъ студентовъ пригласилъ насъ всѣхъ, имѣющихъ право участвовать въ состязанiи, войти въ конференцъ-залъ. Здѣсь мы увидѣли начальника Академiи, проф. *Я. А. Чистовича* въ полномъ генеральскомъ облаченіи, ученаго секретаря Академiи—проф. *Ф. П. Ландцверта* и инспектора студентовъ *С. В. Пескова*. На длинномъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, красовалось высокое зеркало, а по бортамъ стола были разставлены, изъ краснаго дерева сдѣланныя, весьма широкiя кресла и на спинкахъ каждаго значилась фамилiя того члена конференцiи, который на засѣданiяхъ занималъ данное кресло. Надъ столомъ висѣла громаднхъ размѣровъ люстра, газовыя горѣлки которой были зажжены, но не пущены полнымъ пламенемъ, вслѣдствiе чего люстра испускала какой-то тусклый свѣтъ, сливавшiйся съ мрачными лучами Петербургскаго декабрьскаго утра. Вся эта, никогда прежде не виданная мною, обстановка поразила меня до того, что я почувствовалъ усиленную пульсацию въ височныхъ артерiяхъ и учащенные удары сердца.

Проф. *Ландцвертъ* выступилъ впередъ и, приблизившись къ студенту *Квятковскому*, сказалъ ему: «Ваши учебники и книжки по

закону не допускаются къ конкурсу; вынесите ихъ вонъ изъ залы». — Прошу васъ, господа, принять во вниманіе, что правила, установленныя закономъ, требуютъ, чтобы конкурсныя сочиненія были составлены безъ всякихъ пособій и безъ содѣйствія посторонней помощи. Въ виду этого предупреждаю васъ, что желающіе принять участіе въ конкурсѣ, не будутъ выпущены изъ этой залы ранѣе представленія своей письменной работы; никакихъ учебниковъ, письменныхъ справокъ и тому подобныхъ источниковъ безусловно не допускается. Авторъ сочиненія обязанъ представить свою работу на томъ самомъ листѣ бумаги, которой ему выдается здѣсь съ помѣткою ученаго секретаря конференціи. Крайній срокъ представленія работы—сегодня въ 5 час. вечера. Наконецъ, прошу васъ принять во вниманіе еще одно обстоятельство, которое нѣкоторымъ изъ здѣсь присутствующихъ можетъ представиться весьма важнымъ. Къ настоящему конкурсу допущены 21 студентъ, оказавшіе на экзаменахъ «весьма удовлетворительныя» знанія по большинству предметовъ, преподаваемыхъ вамъ въ теченіе всего академическаго курса. Но изъ 21 врача послѣдняго выпуска конференція выберетъ лишь восемь лицъ, достойныхъ быть оставленными при Академіи на три года для дальнѣйшаго усовершенствованія въ спеціальныхъ наукахъ медицины; въ виду этого предлагаю вамъ сосредоточить свое вниманіе и попусту не терять времени».

Послѣ этихъ заключительныхъ словъ ученаго секретаря пять врачей изъ вошедшихъ въ конференцъ-залу отказались приступить къ состязанію и вышли изъ залы. — Остальныхъ врачей начальник Академіи пригласилъ подойти къ боковому столу, стоявшему въ лѣвомъ переднемъ углу обширной залы. На этомъ столѣ мы увидѣли четырехугольный ящикъ, представляющій собою избирательную урну, верхъ котораго былъ закрытъ суконнымъ покрываломъ.

«Временная коммиссія для управленія дѣлами Медико-Хирургической Академіи», сказалъ начальник Академіи, — «ограничила практиковавшійся на прежнихъ конкурсныхъ испытаніяхъ обычай—выставлять на доскѣ всѣ темы, заданныя членами конференціи, и предоставлять каждому изъ конкурирующихъ свободный выборъ одной изъ заданныхъ темъ; взамѣнъ же этого постановила, чтобы всѣ конкуренты писали на одну и ту же тему. Въ виду этого, пред-

лагаю вамъ, господа, уполномочить одного изъ васъ выбрать жребіемъ изъ стоящаго здѣсь ящика одну изъ темъ, на которую вы всѣ обязаны будете писать свои разсужденія».

«Ваше Превосходительство, позвольте мнѣ вытащить жребій», обратился *Квятковский*, «я въ списокъ значусь первымъ, да у меня рука счастливая».

— «Ничего не имѣю противъ, если только прочіе г.г. конкуренты не возражать противъ Вашего предложенія», сказалъ начальникъ Академіи.

Хотя многимъ изъ присутствующихъ выходка и самохвальство *Квятковского* не понравились, тѣмъ не менѣе изъ скромности или робости предъ начальствомъ никто этого не выразилъ и потому начальникъ Академіи допустилъ къ избирательному ящику *Квятковского*, который съ выраженіемъ нѣкоторой гордости, самоуверенно приподнял уголь покрывала, всунулъ правую руку въ урну и оттуда вытащилъ бѣлый билетикъ, свернутый въ трубочку. *Квятковский* повернулся лицомъ къ начальнику и зычно прочиталъ: «О меланѣміи», при этомъ звукъ лица его вытянулось, горделивый взглядъ его исчезъ съ лица и замѣнился выраженіемъ печали и недоумѣнія.

«Ваше Превосходительство, позвольте мнѣ вытащить другой билетикъ. Меланѣмія—болѣзнь, которую мы никогда не наблюдали и потому выбранная тема намъ неизвѣстна и до того малосодержательна, что на врядъ-ли кто-либо изъ присутствующихъ здѣсь товарищей можетъ написать дѣльное разсужденіе по этому вопросу», умолялъ начальника Академіи тотъ же выскочка *Квятковский*.

Въ первый моментъ этой сцены мы всѣ сильно недоумѣвали: выбранная тема намъ дѣйствительно казалось terra incognita и потому опять-таки никто не возражалъ *Квятковскому*.

Но начальникъ Академіи обратился къ намъ всѣмъ съ вопросомъ.

— «Желаете ли вы, господа, писать свои сочиненія на избранную тему?»

На этотъ вопросъ другой нашъ товарищъ—Р—нъ, любимый всѣми студентами нашего курса, бывший «староста кураторовъ» въ акушерской клиникѣ, — возразилъ:

«Если уже позволено будетъ вторично попытать счастье на болѣе удачный выборъ темы, то прошу господъ своихъ товарищей уполномочить другое лицо, а не *Квятковскаго*».

— «Господа, предоставьте жребій вытащить Р—ну, сказалъ ученый секретарь, — онъ по списку значится вторымъ изъ допущенныхъ къ конкурсу!»

«Согласны, согласны!» раздались нѣкоторые голоса.

Тогда Р—нъ, приблизившись къ урнѣ, остановился, повернулся лицомъ къ товарищамъ и сказалъ: «Ну что, товарищи, вы слѣдуете со мною, если вытащу тему по одному изъ вопросовъ акушерства или гинекологіи?.. Я думаю, что *Квятковскій* меня тогда съѣстъ живьемъ, или, по меньшей мѣрѣ, заподозритъ меня въ чародѣйствѣ. Кромѣ того у насъ нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что вторая выбранная по жребію тема будетъ всѣмъ намъ болѣе знакома, нежели вопросъ о меланэмін; тогда придется просить выбирать третью тему и т. д., пока не переберемъ, если намъ разрѣшать, всѣхъ билетовъ, вложенныхъ въ избирательный ящикъ. Принимая все это во вниманіе, я полагаю, что вы согласитесь признать вторичное вытаскиваніе жребія неразумнымъ и рискованнымъ отступленіемъ отъ предписанныхъ намъ правилъ конкурса»

— «Замѣчаніе вашего товарища не только разумно, но и законно», произнесъ начальникъ Академіи и приказалъ служителю убрать со стола избирательный ящикъ.

— «Федоръ Павловичъ!» обратился онъ къ ученому секретарю, «раздайте имъ листы бумаги съ соответственными надписями и распорядитесь, чтобы пишущіе сочиненіе соблюли всѣ требованія, указанные въ правилахъ о конкурсѣ институтскихъ врачей Академіи».

Съ этими словами начальникъ вышелъ въ боковую дверь, ведущую въ кабинетъ ученаго секретаря и удалился изъ конференцъ-залы.

Ученый же секретарь, раздавъ намъ листы бумаги и прочія принадлежности для письма, указалъ намъ на кресла, стоящія вокругъ большого стола засѣданій и пригласилъ насъ немедленно взяться за рѣту.

«Къ 5-ти часамъ я зайду сюда и соберу ваши рукописи,

въ какомъ-бы видѣ онѣ ни были. Вы же, г-нъ полковникъ», обратился онъ къ инспектору студентовъ, «позаботьтесь, чтобы выходящія двери залы были замкнуты на ключъ, который вы принимаете подъ свою отвѣтственность».

Вслѣдъ за ученымъ секретаремъ, вышедшимъ въ боковую дверь, изъ залы удалились еще шесть нашихъ сверстниковъ, такъ, что конкурирующими остались всего десять товарищей.

Квятковскій прежде всѣхъ сѣлъ къ столу, вытащилъ изъ кармана листъ бумаги и сталъ строчить очень размашисто и бѣгло. Четверо другихъ товарищей, въ томъ числѣ и авторъ этихъ воспоминаній, оставались среди залы и стали совѣщаться о томъ—дозволяется ли здѣсь курить; какъ намъ быть въ томъ случаѣ, когда насъ станетъ одолевать голодъ, а въ мысляхъ будетъ такая же Торичеллева пустота, какъ и въ желудкѣ; при такомъ нарушенномъ равновѣсїи животныхъ и растительныхъ функцій организма, мудрено будетъ что либо придумать, выдумать и написать о меланѣмїи.

Для разрѣшенія этого недоразумѣнія мы обратились къ инспектору студентовъ—добрѣйшему полковнику *В. С. Пескову*. Этотъ вошелъ въ наше положеніе, согласился съ тѣмъ, что на пустомъ желудкѣ трудно заниматься научными вопросами; но выпустить изъ залы кого бы то ни было и по какому бы то ни было дѣлу—онъ не можетъ. Въ виду этого, онъ прежде всего распорядился вынести зеркало изъ этой залы и тѣмъ намъ далъ позволеніе закурить папиросы; затѣмъ обѣщалъ немедленно прислать сюда же, въ конференцъ-залъ, кипящій самоваръ, чай, сахаръ и всякую посуду, потребную для чаепітія; а если кто пожелаетъ чего либо съѣстного, то онъ разрѣшитъ служителю сбѣгать въ лавочку купить съѣдобнаго на наши деньги.

«Ай да полковникъ! хорошее дѣло вы предложили», воскликнулъ нашъ товарищъ *В*—*съ* и немедленно сталъ обходить всѣхъ конкурентовъ и собирать пожертвованія на общій академическій завтракъ. Скоро онъ въ фуражку набралъ добрую горсть мѣдяковъ и гризенниковъ; вручивъ таковые вѣстовому, онъ приказалъ купить французскихъ булокъ, колбасы, масла и сыру, а затѣмъ тащить сюда большой самоваръ изъ квартиры полковника *Пескова*.

Въ началѣ 11-го часа мы сидѣли дружной и веселой компаніей у бокового стола, покрытаго бѣлой скатертью и установленнаго весьма приличнымъ чайнымъ сервизомъ. Нашъ соконкурентъ *В—въ* игралъ роль гостепріимной хозяйки: щедро разливалъ намъ чай въ чашки, угощалъ бутербродами и весьма забавными анекдотцами и прибаутками относительно сегодняшняго засѣданія конференціи русскихъ профессоровъ Академіи въ эмбриональномъ стадіи ихъ развитія. — Далѣе, въ остротахъ *В—въ* прохаживался на счетъ кажлаго изъ насъ; но болѣе всего колко и саркастически онъ издѣвался надъ самоувѣренностью, нахальствомъ и самохвалствомъ *Квятковскаго*, который отказался принять участіе въ общемъ чаепитіи подлѣ предложомъ, что онъ опасается не успѣть написать сочиненіе къ указанному времени. Дѣйствительно, мы видѣли какъ *Квятковскій* былъ ажитированъ болѣе всѣхъ прочихъ конкурентовъ, онъ что-то очень быстро писалъ карандашемъ и все вычеркивалъ имъ написанное.

Вспоминаю, что въ тотъ часъ у меня на душѣ было не весело: я ничего не могъ придумать, что собственно я напишу по вопросу «о меланэмін», я не понималъ самой темы; я не зналъ, что собственно требуется отъ автора конкурснаго письменнаго разсужденія; въ моемъ мозгу слово «меланэмія» былъ пустой звукъ, не вызывавшій никакого представленія о чемъ-либо конкретномъ. Но высказанное большинствомъ товарищей мнѣніе о томъ, что данный вопросъ всѣмъ одинаково неизвѣстенъ, хладнокровное отношеніе къ дѣлу со стороны *Р—на* и веселое расположеніе духа *В—ва*, — все это вмѣстѣ взятое, вліяло на меня ободряющимъ образомъ; я временно пересталъ думать о предстоящей задачѣ и всецѣло предался чаепитію при исключительной обстановкѣ.

Наконецъ, въ 12-мъ часу дня мы приподнялись изъ-за чайнаго стола, разсѣлись по различнымъ угламъ длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, и въ отдаленіи другъ отъ друга занялись серьезнымъ дѣломъ. Углубившись въ удобное кресло, я до того сосредоточился въ мысляхъ, что почти никого не видѣлъ изъ своихъ сверстниковъ, и всецѣло предался размышленію на заданную тему.

Исходя изъ основнаго положенія, что слово «меланэмія», въ переводѣ на русскій языкъ, значитъ чернокрое, я сообразилъ, что

при данной болѣзни, наблюдающейся преимущественно въ жаркихъ странахъ, особенно часто въ Египтѣ, патологія процесса сосредотчивается въ элементахъ крови; слѣдовательно, красныя кровяныя тѣльца при меланеміи сильно разрушаются, поэтому кроветворительныя органы (селезенка, костный мозгъ) не могутъ правильно функционировать. Отсюда вполне логично вытекали вопросы: какого рода нарушенія въ актѣ дыханія, въ органахъ пищеваренія, въ выдѣлительныхъ органахъ (печени и почкахъ) наконецъ, со стороны общей центральной нервной системы могутъ быть наблюдаемы въ тѣхъ случаяхъ, когда красныя кровяныя тѣльца разрушаются до того, что пигменты крови либо выдѣляются свободно мочей, либо въ формѣ тромбовъ закупориваютъ волосные сосуды въ мозгу и другихъ паренхиматозныхъ органахъ.

Вотъ на этой-то канвѣ, сотканной мною изъ теоретическихъ соображеній по физиологіи и общей патологіи, я взялся нарисовать разноцвѣтную картину болѣзни, именуемой «меланемією»; — картину, представившуюся лишь въ моемъ пылкомъ воображеніи, ибо я не только во время моего студенчества, но и въ теченіе болѣе четверти вѣка врачебной дѣятельности ни разу не видалъ больного, страдавшаго чернокровіемъ.

Составивъ себѣ общій планъ предстоящей задачи, я взялся за перо и не спѣша сталъ писать свой трактатъ, раздѣливъ его на отдѣльные вопросные пункты, отвѣты которыхъ составляли какъ бы звенья одной цѣпи. Изображенныя мною клиническія явленія я основывалъ на анатомо-патологическихъ процессахъ, причѣмъ воспользовался и многими фактами, случайно вычитанными мною наканунѣ изъ рефераторовъ *В. А. Манассеина*.

Въ настоящее время, разумѣется, я не могу возобновить въ своей памяти содержаніе моей письменной работы; но помню, что новѣйшія физиологическія, гистологическія и анатомическія указанія были умѣстны. Кромѣ того еще одно обстоятельство мнѣ рѣзко врѣзалось въ память: когда ученый секретарь вошелъ въ конференцъ-залъ и сталъ отбирать наши рукописи, то данный мнѣ листъ бумаги былъ на всѣхъ четырехъ страницахъ исписанъ мелкимъ убористымъ почеркомъ и клиническій мой анализъ закончился вопросомъ: какія химическія

измѣненія могутъ быть найдены въ мочѣ человѣка, страдающаго меланхією? На этотъ вопросъ я не успѣлъ дать отвѣта, такъ какъ рукопись была сдана по требованію ученаго секретаря ровно въ 5 час. по-полудни.

При сдачѣ нашихъ письменныхъ работъ ученому секретарю *Квятковскій* опять выставилъ себя въ исключительно смѣшномъ видѣ: онъ сталъ просить проф. *Ландцверта* разрѣшенія оставаться еще часа два, чтобы дать ему возможность на-чисто переписать свою исчеркнутую, зачеркнутую и перечеркнутую рукопись. Но этого ему не позволили, утѣшая его тѣмъ, что никто изъ профессоровъ Академіи не станеть лично читать его рукопись; въ конференціи Академіи каждый авторъ самъ прочтетъ свое сочиненіе предъ присутствующими экспертами-судьями и затѣмъ обязанъ дать отвѣты на заданные оппонентами вопросы. Вызовъ къ предстоящему colloquium'у будетъ объявленъ въ свое время.

Мы разошлись по дѣламъ съ сознаниемъ, что дѣло-то сдѣлали; но каковъ будетъ результатъ этого дѣла?—Аллахъ вѣдаетъ!

Прошла недѣля, а можетъ быть и дней десять томительной неизвѣстности о судьбѣ нашихъ сочиненій, пока не послѣдовалъ вторичный вызовъ участвовавшихъ въ конкурсѣ явиться въ конференцію Академіи.

На этотъ разъ тотъ же конференцъ-залъ представился въ совершенно иномъ видѣ: онъ освѣщался солнечными лучами, такъ какъ засѣданіе членовъ конференціи происходило въ 2 часа по-полудни при ясной погодѣ; у входныхъ дверей стояли двое вѣстовыхъ, которые, низко кланяясь предъ явившимися генералами, съ особеннымъ ухарствомъ раскрывали двери; но нашего брата не допускали даже взглянуть въ залу чрезъ замочную скважину. Входящіе генералы были въ блестящихъ мундирахъ и при орденахъ; нѣкоторые изъ нихъ, состоявшіе въ комиссіи для управленія дѣлами Медико-Хирургической Академіи, вовсе не принадлежали къ медицинскому сословію; какъ, напримѣръ, генералъ *Непокойчицкій* — начальникъ штаба, генералъ *Паукеръ* — начальникъ инженеровъ и тайный совѣтникъ *Кириллинъ* — высшій сановникъ не-медицинскаго сословія, и другіе.

Около трехъ часовъ пополудни насъ пригласили по одиночкѣ въ конференцъ-залу для чтенія своихъ сочиненій предъ цѣлымъ ареопагомъ судей, засѣдавшимъ за тѣмъ столомъ, у котораго мы писали свои разсужденія. Изъ среды профессоровъ Академіи я тогда замѣтилъ: *Юнге*, *Эйхвальда*, *Руднева*, *Бессера*, вызванныхъ въ роли экспертовъ; кромѣ того, во главѣ стола сидѣли: начальникъ Академіи — проф. *Я. А. Чистовичъ* и ученый секретарь проф. *Ф. П. Ландцертъ*.

Первымъ къ столу былъ вызванъ лекаръ *Квятковскій*. Блѣдный, сильно взволнованный и оробѣвшій, онъ приблизился къ секретарю совѣта, отвѣсилъ низкій поклонъ начальнику Академіи и, получивъ свою рукопись, началъ читать весьма тихимъ и монотоннымъ голосомъ, такъ что намъ, стоящимъ у боковой полуоткрытой двери залы, ничего нельзя было разобрать. Не прошло и трехъ минутъ чтенія, какъ онъ остановился и сталъ ждать вопросовъ.

— «Это все, что вы написали»? спросилъ его начальникъ Академіи.

«Да, я ничего больше не успѣлъ», отвѣтилъ *Квятковскій* сконфужено.

Никто изъ присутствовавшихъ экспертовъ не считалъ нужнымъ что-либо спросить конкурента. Тогда ученый секретарь принялъ отъ него рукопись обратно и сказалъ: «Довольно, вы можете идти».

Мнѣ изъ-за дверей послышался голосъ одного изъ членовъ конференціи: «На такую узко-спеціальную тему мудрено студенту написать что-либо больше!»

Вторымъ былъ вызванъ къ столу экспертовъ лекаръ *Р—нъ*; этотъ товарищъ по лѣтамъ былъ самый юный изъ насъ всѣхъ. Онъ вошелъ въ конференцъ-залъ самоувѣренною походкою, слегка покачиваясь; поклонился и, принявъ изъ рукъ ученаго секретаря протянутую ему рукопись, началъ читать громко, ясно и выразительно. *Р—нъ*, я думаю, читалъ минутъ двадцать, при чемъ изложеніе его мыслей было до того связно, логично и научно, что присутствующіе члены конференціи слушали его со вниманіемъ, въ которые изъ нихъ выражали одобреніе, особенно старикъ *Бес-*

серъ, киваль головою и восторгался ученымъ трактатомъ по заданному имъ вопросу.

Затѣмъ поочередно вызывали другихъ сверстниковъ. Наконецъ очередь дошла и до меня.

Я вышелъ также смѣло, хотя и ощущалъ сильную пульсацію въ вискахъ и ускоренные сердечные удары.—Чтеніе моего разсужденія видимо произвело хорошее впечатлѣніе на профессоровъ *Руднева* и *Эйхвальда*; по окончаніи чтенія, когда я получилъ разрѣшеніе удалиться, то услышалъ голосъ проф. *Эйхвальда*:

«Право, приходится удивляться находчивости нѣкоторыхъ конкурентовъ, которые намъ доказали, что на такую малосодержательную тему, какъ о «меланеміи», можно написать столь обстоятельныя и интересныя разсужденія на анатомо-фізіологическихъ основахъ».

Затѣмъ профигурировали и всѣ прочіе ваши товарищи.

Въ 4 часа пополудни проф. *Э. Э. Эйхвальдъ* вышелъ изъ конференцъ-зала въ сосѣдную комнату, гдѣ конкуренты съ нетерпѣніемъ ждали рѣшенія своей участи; подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и сказалъ:

«Сердечно радуюсь вашему успѣху: *P—нъ*, *B—въ*, *D—въ* и вы оставлены на три года при Академіи для усовершенствованія въ наукахъ безапелляціонно; кромѣ того еще четыре другихъ конкурента, письменныя сочиненія которыхъ признаны неудовлетворительными, будутъ по особенному ходатайству временнаго Правленія Академіи представлены на благоусмотрѣніе военнаго министра, какъ усердные студенты и оказавшіе на экзаменахъ весьма успѣшныя знанія, достойными войти въ штатъ кандидатовъ, прикомандированныхъ къ Академіи съ ученою цѣлью».

Послѣ рождественскихъ праздниковъ того же счастливаго года ученый секретарь увѣдомилъ насъ, что семь человекъ нашего выпуска, въ томъ числѣ и *Квятковскій*, окончили курсъ наукъ cum eximia laude (съ похвалою), оставлены при Академіи на три года и будутъ зачислены на военной службѣ не ранѣе февраля мѣсяца будущаго года.—Принимая же во вниманіе прекращеніе выдачи казенной стипендіи, начиная съ декабря мѣсяца, и заявле-

III - 19440

ніе со сторовы нѣкоторыхъ кандидатовъ о крайней нуждѣ въ матеріальныхъ средствахъ, правленіе Академіи постановило всѣмъ кандидатамъ (даже и не стипендіатамъ), оставленнымъ при Академіи, выдать временное вознагражденіе въ размѣрѣ 50 рублей каждому.

Послѣднее извѣстіе всѣхъ насъ несказанно обрадовало.

«Кути, ребята!» воскликнулъ В—въ; пойдемте получать денежки, а оттуда скопомъ повалимъ въ «Старый Пекинъ». Тамъ мы отпразднуемъ свой день крещенія въ военные врачи.

пріѣ
вс

20612

Цѣна 1 руб. 60 коп.

